

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.К. Свиридов, А.В. Пиюк

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УПРОЩЕНИЯ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Томск

Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 343.13(470+571)

ББК 67.410.2

С24

Рецензенты:

Л.В. Головкин, доктор юридических наук, профессор;

В.В. Никольский, доктор юридических наук, профессор;

А.Г. Халиуллин, доктор юридических наук, профессор

Свиридов М.К., Пилюк А.В.

С24 Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. – 348 с.

ISBN 978-5-94621-778-1

В работе определена сущность и процессуальное назначение упрощенных процедур разрешения уголовных дел в российском уголовном процессе. Показана зависимость упрощенных форм уголовного судопроизводства от типа процесса. Определены основания и условия применения упрощенных форм разрешения уголовных дел судом при согласии лица с предъявленным обвинением, соответствующие типу российского уголовного процесса. Установлено соответствие института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве типологическим характеристикам российского уголовного судопроизводства. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование упрощенного порядка разрешения судом уголовных дел.

Для студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников правоохранительной и судебной систем, а также всех, кто интересуется проблемами уголовного судопроизводства.

УДК 343.13(470+571)

ББК 67.410.2

ISBN 978-5-94621-778-1

© Свиридов М.К., Пилюк А.В., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Закономерности построения, типологические свойства и пределы изменения российского уголовного судопроизводства	9
1.1. Общие черты и основные отличия уголовного судопроизводства государств различной типологической принадлежности	9
1.2. Типологические свойства современного российского уголовного процесса	47
1.3. Пределы изменения уголовного судопроизводства Российской Федерации	72
Глава 2. Причины возникновения, основания применения и способы упрощенного разрешения уголовных дел судом в уголовном судопроизводстве современных государств	91
2.1. Причины возникновения и основания применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в уголовном судопроизводстве	91
2.2. Способы упрощенного разрешения уголовных дел судом, применяемые в современном уголовном судопроизводстве	110
2.3. Дифференциация российского уголовного процесса и упрощенные способы разрешения уголовных дел судом, установленные УПК РФ	145
Глава 3. Проблемы и направления совершенствования положений УПК РФ, регламентирующих особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением	168
3.1. Основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным обвинением, установленного главой 40 УПК РФ	168

3.2. Соотношение особого порядка судебного разбирательства, закрепленного главой 40 УПК РФ, с типологическими характеристиками российского уголовного процесса	192
3.3. Направления совершенствования института особого порядка принятия судебного решения в уголовном процессе России	213
Глава 4. Проблемы и перспективы применения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированного главой 40.1 УПК РФ	233
4.1. Причины появления, основания и условия применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ	233
4.2. Соответствие особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве типологическим характеристикам уголовного процесса России	262
4.3. Перспективы применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	295
Заключение	317
Литература	324

ВВЕДЕНИЕ

Значимость уголовного суда и уголовного судопроизводства в обществе сложно переоценить. Как указывал выдающийся российский процессуалист, один из основателей томской процессуальной школы И.В. Михайловский, суд не только потому «считается единственно пригодным органом для осуществления столь опасного права государства, как право карательное, что он обладает независимостью... авторитетом, знанием и опытом, но и потому, что деятельность его обставлена целым рядом форм и обрядов, гарантирующих как уважение к личности подсудимого, так и достижение конечной цели уголовного процесса»¹.

Современное общество характеризуется интенсивными экономическими, политическими, идеологическими, технологическими изменениями, развитием коммуникаций, перманентным умножением и усложнением общественных отношений. Изменения, происходящие в российском обществе, повлекли ревизию, переосмысление и проверку положений, ценностей, долгое время являвшихся ориентирами в тех или иных сферах жизнедеятельности общества.

В частности, развитие уголовного судопроизводства в современный период, помимо прочего, связывается с необходимостью его рационализации и оптимизации (выбором оптимальных процедур), под которыми понимается снижение затрат на его осуществление, упрощение и ускорение, отход от традиционных, исторически сложившихся форм.

¹ Михайловский И.В. К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса // Вестник права. СПб.: Сенатская типография, 1903. Кн. 2–3. С. 16.

Тенденция упрощения уголовного процесса, прослеживаемая в настоящее время в уголовном судопроизводстве различных государств, в современном российском уголовном судопроизводстве оказалась востребована и реализована с принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В УПК РФ при его принятии были закреплены нормы гл. 40 УПК РФ, регулирующей особый порядок судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным ему обвинением, предусматривающий принятие судебного решения «без исследования доказательств». Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ УПК РФ был дополнен положениями гл. 40.1 УПК РФ, предусматривающими применение особого порядка и при разрешении уголовных дел, по которым с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, на стадии предварительного расследования было заключено соглашение о сотрудничестве. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ введена гл. 32.1 УПК РФ, закрепившая в качестве одного из видов предварительного расследования институт сокращенного дознания. Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ УПК РФ дополнен положениями гл. 51.1 УПК РФ, регулирующими альтернативный способ разрешения уголовных дел – производство по назначению меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, предусматривающий прекращение уголовного преследования с уплатой судебного штрафа. Нормы гл. 40 и 40.1 УПК РФ, регулирующие упрощенные процедуры судебного разрешения уголовного дела по существу, представляют особый интерес, с их введением в российском уголовном судопроизводстве впервые оказались закреплены положения, ограничивающие возможности суда по проверке представленных ему доказательств путем их непосредственного исследования в судебном заседании.

С течением времени порядки, предусмотренные как особые, экстраординарные, производимые с кардинальным урезанием уголовно-процессуального доказывания, стали вполне «обычными», в

настоящее время в Российской Федерации большинство поступающих в суды уголовных дел разрешается с использованием упрощенных процедур¹.

При этом проблемы и вызовы в области уголовной юстиции, стоящие перед Российским государством, в процессе реформирования не разрешены и остаются прежними. К ним относятся: рост организованной, квалифицированной (при устойчивом снижении общей) преступности; проявления экстремизма и терроризма; слабая координация и скрытая конкуренция между правоохранительными органами; неудовлетворенность общества результатами реформ и деятельностью органов охраны правопорядка; недостаточный уровень процессуальных гарантий обеспечения прав и свобод граждан; наличие судебных ошибок.

Представляется, что законодатель, внедряя в материю российского уголовного процесса упрощенные формы разрешения уголовных дел судом, допустил серьезные концептуальные просчеты. Не были в полной мере учтены типологические характеристики российского уголовного процесса, его направленность, оказались проигнорированы правовые традиции российского общества, его менталитет. В результате того, что вынесение приговоров по большинству рассматриваемых судами в особом порядке уголовных дел производится, как установил законодатель, без непосредственного исследования доказательств, наблюдаются «разбалансированность» российского уголовного судопроизводства, несогласованность его

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м.], 2009–2017. (дата обращения: 02.04.2018). В 2010 г. в особом порядке было рассмотрено 553 099 уголовных дел (51,5% от общего числа рассмотренных), в 2011 г. – 567 330 (56,8%), в 2012 г. – 573 003 (60,8%), в 2013 г. – 589 230 (62,5%), в 2014 г. – 598 807 (64,2%), в 2015 г. – 626 777 (65,15%), в 2016 г. – 558 666 (57,7%), в 2017 г. – 638 017 дел (66,01%) рассмотрено в особом порядке. Отметим, что в общую статистику включаются также прекращенные судами уголовные дела. В связи с этим количество уголовных дел, рассматриваемых в общем порядке, колеблется в районе 10–13%, в 2017 г., к примеру, в общем порядке рассмотрено 11,6% поступивших в суды уголовных дел.

важнейших процессуальных институтов, искажение правоприменительной практики, приводящие к снижению качества правосудия и эффективности уголовного судопроизводства в целом.

В целях устранения недостатков законодательного регулирования и преодоления негативных тенденций правоприменительной практики имеется необходимость теоретического осмысления юридической природы упрощенных способов судебного разрешения уголовных дел по существу, выяснения их роли и места в системе российского уголовного процесса, определения условий, оснований и допустимых пределов их применения.

Глава 1. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1.1. Общие черты и основные отличия уголовного судопроизводства государств различной типологической принадлежности

В современный период общественного развития в человеческих социумах отмечается многообразие способов разрешения уголовных дел¹.

Учитывая, что с начала 90-х гг. XX в. осуществляется реформирование уголовного процесса России, которая, как провозглашено в ст. 1 Конституции РФ, является демократическим, федеративным правовым государством², особый интерес для целей исследования представляет уголовный процесс государств, называемых правовыми, опыт которых при проведении реформ может быть полезен³.

¹ См.: Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001; Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³ Чичерин Б. Философия права. М., 1890. С. 56–75; Основные черты правового государства. Ростов н/Д, 1905. С. 36; Лукашева Е.А. Правовое государство и обеспечение прав человека: проблемы и перспективы // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 39–56; Андреева О.И. Концептуальные

Исследователями типологии уголовного процесса, к которым в XIX–XX вв. относились такие выдающиеся ученые, как К.А. Миттермайер, Ю.А. Глазер, И.Я. Фойницкий, традиционно изучался уголовный процесс наиболее политически и экономически развитых государств, где исторически сложился и развивался тот или иной тип уголовного процесса и где черты данного типа были наиболее ярко выражены.

Соответственно, правоведами выделялись «состязательный» тип процесса, характерные особенности которого исторически присущи, например, Англии, Уэльсу, США, и процесс «континентальный», «смешанный», образовавшийся в результате соединения следственного и состязательного процесса, важнейшими носителями которого исторически являлись Франция, Германия и позднее – Россия¹.

В настоящее время для определения общих тенденций развития уголовного судопроизводства также традиционно сравнивается и изучается уголовный процесс государств, в которых больше всего проявляются типологические особенности того или иного построения уголовного судопроизводства².

основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007.

¹ Миттермайер К.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. СПб., 1864; Он же. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1867; Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу / пер. с нем. А. Лихачева. СПб., 1884. Т. 1; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. 1; 1889. Т. 2.

² Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006 и др.

Типологии современного уголовного процесса посвящены исследования Л.В. Головки, А.С. Барабаша, О.Б. Семухиной, А.В. Смирнова, Н.Г. Стойко и других авторов¹.

Н.Г. Стойко предложил несколько оснований типологии («типологизации») уголовного процесса, выделив: сравнительно-исторические типы (частно-обвинительный, розыскной и состязательный, или смешанный; рабовладельческий, феодальный, буржуазный и социалистический; обвинительный, розыскной, состязательный и смешанный; состязательный, розыскной и смешанный; состязательный и розыскной; английский, германский и французский архетипы) и сравнительно-правовые типы (обвинительный (розыскной, инквизиционный, следственный) и состязательный («процессуальный»); романо-германский (континентальный) и англосаксонский (англо-американский); английский, германский и французский)². Автор предложил и несколько моделей уголовного процесса, названных им «стратегиями», реализуемых в каждом государстве, в числе которых модели: 1) защиты прав и свобод обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки обвиняемого; 4) социальной поддержки потерпевшего; 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства; 6) примирения – указав при этом, что объединение моделей

¹ Головка Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве; Он же. Курс уголовного судопроизводства / под ред. В.А. Михайлова. Москва; Воронеж, 2006. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. С. 67–73; Т. 2: Досудебное и судебное производство. С. 658–666; Т. 3: Особый порядок уголовного судопроизводства. С. 291–385; Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002; Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства...; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009; Барабаш А.С. Публичное начало российского...

² Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 24–26.

должно производиться в основном по целевому и функциональному признакам¹.

А.В. Смирновым выделено два «идеальных типа» уголовного процесса: состязательный и розыскной, каждый из них он также подразделил на виды. Состязательный автором разделен на: обвинительный, или аккузационный (приговор суда определяется не убедительностью доводов сторон, а соблюдением ими формальных условий состязания); частно-исковой (суд пассивен, стороны формально равны; бремя доказывания равномерно распределено между сторонами; обвинитель собирает только уличающие доказательства, защитник – только оправдывающие); публично-исковой (потерпевшему предоставляется официальная поддержка государства, вплоть до замены его в судебном споре, официальное уголовное преследование особо опасных преступников, если потерпевший отсутствует, предоставление дополнительных пассивных юридических гарантий стороне защиты в целях уменьшения фактического неравенства обвиняемого с государством) и постсостязательный, или состязательно-дискурсивный (функциональное равноправие и активность сторон; целесообразность публичного обвинения и возможность примирения сторон путем медиации; субсидиарная активность суда на всех стадиях процесса). Розыскной тип процесса автор подразделяет на: уголовную расправу (процессуальная деятельность соединена с административной; неразвитость судебной процедуры; отсутствие формальной системы доказательств и большая роль судейского усмотрения); ассизу (судьям, представляющим центральную власть, под присягой сообщают обо всех очевидных преступлениях; доказательства не обязательны; вопрос о виновности решается с помощью ордалий); инквизиционный (функции обвинения и разрешения дела совмещены, допускаются пытки); следственный (официальное предварительное следствие; рациональность, письменность, безличность; строгая регламенти-

¹ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России... С. 12, 17–18.

рованность судебной процедуры); судебный приказ (административный метод регулирования; ограниченная сфера применения – дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности; упрощенный и ускоренный порядок производства за счет отсутствия сторон, устности и непосредственности; гарантирование обвиняемому альтернативной состязательной процедуры)¹.

О.Б. Семухина определила базовые элементы типов процесса, к ним автор отнесла : 1) целевой признак – соотношение частных и публичных интересов при осуществлении производства по делу; 2) вид уголовного процесса и соотношение различных видов обвинения внутри каждого из типов процесса (государственное, частное, народное обвинение); 3) сущность обвинения (признание или отрицание исковой теории обвинения); 4) содержание принципа состязательности, в которое входят как элементы активность сторон и суда; 5) равноправие и отделение функций защиты, обвинения и рассмотрения уголовного дела; 6) пределы проявления диспозитивности в распоряжении сторонами своими правами². Проводя градацию типов процесса, автор сделала вывод, что в англо-американском («состязательном») процессе приоритет отдаётся защите частных интересов, в противовес этому в континентальном (романо-германском) процессе преобладает публичный интерес³.

А.С. Барабаш рассматривает публичность и состязательность как два исторически различных исходных начала организации уголовного судопроизводства, лежащих в основе соответствующих моделей уголовного процесса, каждой из которых свойственна своя система принципов и своя познавательная схема реализации, указывая, что российское уголовное судопроизводство является публично направленным, в противовес процессу стран общего права

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 11–23, 37, 39–48, 52–77.

² Семухина О.Б. Указ. соч. С. 16–27.

³ Там же. С. 33–45.

(англо-американскому), где приоритет имеет состязательность, являющаяся основным препятствием для установления истины¹.

М.А. Чельцов-Бебутов, анализируя важнейшие периоды мировой истории уголовного судопроизводства, отмечал, что основные черты современные способы организации уголовного судопроизводства приобрели с началом буржуазно-демократических революций, в частности, уголовный процесс Англии окончательно сложился и оформился в период общественных потрясений и революций XVII в., в период республики, протектората и реставрации монархии, когда наиболее остро стоял вопрос об обоснованности применения к гражданину со стороны государства репрессивных мер². Положения, провозглашенные в Habeas Corpus Act, принятого обеими палатами парламента и подписанного королем 26 мая 1679 г., до настоящего времени являются гарантией ограждения личности от произвола государственной власти. Нормы, направленные на охрану прав личности, затем были восприняты и закреплены во Франции, произошло это также в период социальных потрясений – революций 1789–1793 гг. 26 августа 1789 г. Национальным собранием Французской республики была принята Декларация прав человека, направленная на защиту личной свободы граждан, провозгласившая, что «ни один человек не может быть ни осужден, ни подвергнут задержанию или заключению иначе, как в случаях, указанных в законе, и с соблюдением форм, законом установленных»³.

Требование учитывать интересы личности, индивидуума, выразившееся в том, что уголовное судопроизводство должно быть устроено так, чтобы индивидуум мог отстаивать свои интересы, вытекает из концепции «правового государства», признаками кото-

¹ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 8–9.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 380–382.

³ Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина / под ред. А.Э. Вормса. М., 1906. С. 12.

рого определяются уважение государством прав личности и взаимная ответственность государства и личности друг перед другом¹.

Уголовное судопроизводство носит личный характер и имеет место тогда, когда общество, государство обвиняет (опосредованно) личность в совершении уголовно наказуемого, общественно опасного деяния – преступления. Как указывал И.Я. Фойницкий, «личное начало уголовного процесса» заключается в том, что «меры его направляются непосредственно на личность и определяются задачей исследования личной виновности»². И.В. Михайловский писал, что «государство, борясь с преступлениями в обществе путем применения ограничений к виновным, действует в рамках уголовного процесса», представляющего собой «особый порядок разрешения спора между государством, предъявляющим обвинение и обосновывающим существование в данном случае своего карательного права, и гражданином, личностью», считая, что государство должно «доказать» свое право на наказание³.

Отличие уголовного судопроизводства правового, цивилизованного государства от судопроизводства «доправового» периода заключается в том, что уголовно-процессуальное познание в правовом обществе возможно лишь с учётом и соблюдением основных прав личности, ограничение которых допускается только в соответствии с законом и при наличии достаточных оснований⁴. Наибольшим же образом права индивидуума в правовом государстве могут быть ограничены в процессе производства по уголовному делу и после вынесения обвинительного приговора, когда принято решение о виновности подсудимого и назначено наказание. Осуществлять правосудие и решать вопросы ограничения личных свобод в правовом государстве призван суд, лишь он признает лицо винов-

¹ Кистяковский Б.А. Государство и личность. Л., 1990. С. 151–152.

² Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 12.

³ Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 83–89.

⁴ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 3–7.

ным в совершении уголовно наказуемого деяния (преступлении) и принимает решение о применении наказания. Несомненно, что суд должен быть независимым и вызывать уважение в обществе, для чего необходимо гласное, публичное, открытое уголовное судопроизводство, правила которого должны быть четко сформулированы и понятны так же, как любые другие правила социума. Лицу, обвиняемому в совершении преступления, необходимо защищаться, и, следовательно, надо обеспечить, предоставить ему такое право и возможности его реализации. Общие начала разумного уголовного судопроизводства предполагают и то, что если есть обвинитель, то нужен и защитник, а для разрешения спора «по справедливости» насущно необходим независимый от обвинения и защиты арбитр. Подлежат безусловной защите и права лиц, потерпевших от преступления, это также соответствует интересам конкретных лиц и общества в целом, поскольку любое общество заинтересовано в стабильности и охране правопорядка.

Уголовное судопроизводство современных правовых государств, базируется в настоящее время на сходных ценностных ориентирах, на уважении интересов и личности, и общества. Исходя из этого, представляется, что оно должно характеризоваться и схожестью основных организационных принципов – «закрепленных в законе наиболее общих руководящих положений, которые лежат в основе системы уголовно-процессуальных норм и установленного ими порядка уголовного судопроизводства»¹. Принципы уголовного процесса традиционно связываются также с целью уголовно-

¹ Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 7–14; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 126–156; Савицкий М.Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1950. № 1. С. 45; Кузнецова Н.В. Принципы российского уголовного процесса: система, взаимосвязь и пределы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 489–490; Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2004. С. 72–73 и др.

процессуальной деятельности и определяются как «основные правовые положения, которые выражают сущность уголовного процесса, определяют построение всех его процессуальных форм, стадий и институтов и направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством»¹.

С.Д. Шестакова, исследуя взаимосвязь принципов процесса с его типом, в зависимости от характера связи с формой процесса подразделила все принципы на принципы, конституирующие форму процесса; принципы-гарантии, обеспечивающие реализацию конституирующих форму процесса принципов; принципы, индифферентные к форме процесса и придающие ей конкретно-исторический облик. Автор считает, что применительно к состязательному типу уголовного судопроизводства, к принципам, конституирующим форму процесса, относятся: осуществление юстиционной деятельности только судом; осуществление уголовного преследования только стороной обвинения; обеспечение обвиняемому права на защиту и равноправия сторон. Среди принципов-гарантий, обеспечивающих реализацию принципов, конституирующих форму процесса, выделены: независимость судей и подчинение их только закону; оценка доказательств по внутреннему убеждению; неприкосновенность личности; неприкосновенность жилища, частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпция невиновности; устность, гласность судопроизводства, непосредственность исследования обстоятельств дела. К категории принципов, индифферентных к форме процесса и придающих ей конкретно-исторический облик, по мнению С.Д. Шестаковой, относятся такие принципы, как сочетание единоначалия и коллегиальности, осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом и др.²

¹ Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 34.

² Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 55–56.

Поскольку реформирование уголовного процесса России предполагает поиск ответа на вопрос, в каком направлении должно развиваться современное российское уголовное судопроизводство, посмотрим, какие основные положения, идеи лежат в основе уголовного процесса континентального и состязательного (англо-американского) типа.

К общим принципам и основным правам в англо-американском уголовном процессе Англии и США принято относить: состязательность уголовного судопроизводства, презумпцию невиновности, лежащее на обвинителе бремя доказывания, гласность, устность судебных слушаний, непосредственность восприятия доказательств судом, право на защиту. Право на защиту, в свою очередь, складывается из ряда фундаментальных прав: на помощь адвоката, вызов свидетелей, информацию об обвинении, привилегию против самообвинения (молчание не является доказательством вины), исключение повторного осуждения за одно и то же преступление, недопустимость использования доказательств, полученных в результате нарушений личных конституционных прав, и др.¹

Принципами уголовного процесса ФРГ, относящегося к континентальному типу, считаются: принцип обвинения, инструктивности, официальности, обязанности уголовного преследования, расследования, устности, непосредственности, гласности, свободной оценки доказательств².

¹ Стифен Д. Уголовное право Англии в кратком очертании / пер. В.Д. Спасовича. СПб., 1865. С. 27–31, 197; Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997. С. 189–190; Бернэм У. Суд присяжных. М., 1995. С. 93–94; Matthews How to try a federal criminal case. Buffalo; New York, 1960. P. 358; США: конституция и права граждан / отв. ред. И.А. Геевский. М., 1987. С. 136–137, 148–153; Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2002. С. 40, 44–62; Стойко Н.Г., Никитин Г.А. Уголовный процесс в США: защита личных прав и свобод. СПб., 2006. С. 33–97.

² Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) / пер. П. Головненкова, Н. Спицы // Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй

Во французском уголовном процессе, явившемся, по выражению И.Я. Фойницкого, частичным прообразом русского уголовного процесса при его реформе в 1864 г.¹, основополагающими положениями судопроизводства считаются принципы официальности, законности, равенства, обеспечения достоинства личности, защиты потерпевшего, безотлагательности судебного разбирательства, презумпции невиновности, гласности, устности, непосредственности, состязательности судебного разбирательства, свободной оценки доказательств².

В качестве принципиальных идей, лежащих в основе уголовного судопроизводства России, российскими процессуалистами традиционно указывались независимость судей и их подчинение только закону, обеспечение обвиняемому права на защиту, презумпция невиновности, гласность, устность, непосредственность, стремление к истине, оценка доказательств судом по внутреннему убеждению и ее свобода³. Имеются и иные мнения и классификации⁴, анализ которых нецелесообразен в силу их многообразия и опосредованного отношения к типологии.

У. Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Potsdam, 2012; Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 406–409; Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 33–42; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 138–139.

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 39, 43–44. (Автор при этом указывает, что французские образцы подверглись критическому осмыслению и переработке.)

² Comparative Criminal Procedure / ed. by J. Hatcher, B. Huber, R. Vogler. London, 1996. P. 22–30; Стойко Н. Г. Указ соч. С. 140.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 1. С. 6–13; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 9–14; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 124–177 и др.

⁴ См.: Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 17–19; Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. С. 14–15 и др.

В настоящее время в гл. 2 УПК РФ в качестве принципов российского уголовного процесса перечислены: разумный срок уголовного судопроизводства, законность, осуществление правосудия только судом, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение обвиняемому права на защиту, свобода оценки доказательств, язык судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 7–19 УПК РФ)¹.

Следует упомянуть, что к числу основных признаков, отличающих уголовное судопроизводство правового государства, и, следовательно, к числу основных требований, предъявляемых к такому судопроизводству, относится наличие в нем процессуальных гарантий. Данное понятие родственно, но не тождественно понятию «принцип», в самом общем понимании процессуальные гарантии – средства, которыми охраняются и обеспечиваются права и законные интересы участвующих в уголовном судопроизводстве лиц. Не случайно в литературе выделяются не только средства обеспечения прав и интересов отдельных участников уголовного судопроизводства – подсудимого, потерпевшего, лица, которому преступлением причинен имущественный вред (гражданского истца) и т.д., не только гарантии – обязанности государственных органов, но также и гарантии – принципы правосудия, обеспечивающие функционирование всей системы уголовного судопроизводства².

Со второй половины XX в. в мировом сообществе наметилась тенденция к закреплению и классификации предпосылок справед-

¹ Подробно вопрос о системе принципов современного российского уголовного процесса рассмотрен далее.

² Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 3–18; Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 1984. С. 75–76; Иванов Ю.А. Уголовно-процессуальные гарантии. М., 1989. С. 215–216.

ливого судебного разбирательства, к разработке определенных унифицированных правил – «стандартов правосудия», в которых, помимо прочего, излагаются наиболее важные организационные принципы судопроизводства по уголовным делам и основания ограничения прав личности¹. Например, п. 2, 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого ООН 16 декабря 1966 г., Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией в марте 1998 г., закреплено положение о том, что каждый человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена законным порядком и каждый обвиняемый будет иметь право при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него; пользоваться бесплатной

¹ Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / ООН. Нью-Йорк, 1972; Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Международная защита прав человека (с использованием некоторых международно-правовых механизмов): науч.-практ. исследование Центра содействия международной защите / под ред. К. Москаленко. М., 2001. С. 8–9.

помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке; не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным. Закреплены также общие стандарты поведения и гарантии осуществления защиты интересов иных участников судопроизводства – лиц, явившихся жертвами преступлений и лиц, понесших материальный ущерб в результате совершения в отношении них преступлений¹.

Сходство основных черт уголовного процесса государств, относящихся к правовым, как представляется, вытекает из единых закономерностей развития экономических и политических отношений; из схожести, в общих чертах, пройденных этапов развития государства, права, судопроизводства; из психологической, биологической схожести людей как единого антропологического вида; из одинаковости их представлений о добре, зле, о справедливости.

С вопросом о принципах связан вопрос цели и задач уголовного судопроизводства, важнейшее значение в Российской Федерации он приобрел в свете проводимого реформирования уголовного процесса.

И.Я. Фойницкий указывал, что «при одинаковости задачи и основных начал уголовный процесс представляет значительные различия в путях, им избираемых. Исторические условия народной жизни и строй государственный в этом отношении оказывают на него огромное влияние. Пригодное и возможное при одних условиях неуместно или невозможно при других. При одной и той же задаче отыскания истины приходится обращаться как к различным приемам разбирательства, так и к различным построениям суда и отношений его к сторонам. Этим обусловливается и различие в процессуальных порядках»².

Л.В. Головкин отмечает, что менталитет законодателей континентальной Европы формировался иначе, чем у их коллег в Англии

¹ Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 234–235.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 12.

или США и «в какой-то мере можно говорить, что в англосаксонском уголовном процессе способ превалирует над результатом (отсюда понятия “надлежащая правовая процедура” и “сакральное” отношение к состязательности), на континенте напротив – способ подчинен результату (отсюда принцип “материальной истины” и более “спокойное” отношение к состязательности)»¹. Автор указал, что в англосаксонском уголовном процессе идея истины никогда не концептуализировалась и «перед судом не ставится задача ex officio установить объективную (материальную) истину, т.е. выяснить все фактические обстоятельства дела, юридически их квалифицировать и принять надлежащее решение в интересах абстрактного публичного правопорядка (безотносительно к тому, на чем настаивают стороны). В этом смысле, если рассуждать схематично, функцией англосаксонского суда является не беспристрастное самостоятельное исследование по уголовному делу, но беспристрастное разрешение спора между двумя противоборствующими сторонами. *Сказанное вовсе не означает, что истина безразлична для английского или американского судьи – подобное утверждение было бы сильным преувеличением. Разумеется, он стремится установить истину, но лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы справедливо разрешить спор* (курсив Л.В. Головки). Если же процессуального спора нет (допустим, одна из сторон отказывается его вести), то нет и поиска истины со стороны суда»². О.Б. Семухина, проводя градацию типов процесса, сделала вывод, что цели процесса романо-германского и англо-американского неодинаковы и определяются различием в приоритете защиты интересов, частного либо публичного, «общественного»³. Н.Г. Стойко, производя сравнение уголовных процессов стран романо-германской и англо-американской модели, указал, что по целям и принципам уголовный процесс сравниваемых стран глав-

¹ Головки Л.В. Указ. соч. С. 186.

² Головки Л.В. Указ. соч. С. 179.

³ Семухина О.Б. Указ. соч. С. 33–45.

ным образом совпадает, по функциям – в основном разделяется в типологически-правовом отношении¹. А.С. Барабаш полагает российское уголовное судопроизводство исторически направленным на установление истины, в противовес процессу англо-американскому, где состязательность является препятствием для ее установления².

Представляется, что в уголовном судопроизводстве любого государства должен решаться ряд задач, в том числе приниматься меры, направленные на соблюдение прав обвиняемых и подсудимых, на восстановление прав потерпевших, на обеспечение надлежащего осуществления функции обвинения, на предоставление необходимых полномочий защите и т.д. Используя терминологию Н.Г. Стойко, можно утверждать, что государство должно надлежащим образом обеспечивать осуществление всех «моделей» и «стратегий»: защищать права и свободы обвиняемого, потерпевшего, надлежащим образом организовывать уголовное преследование, определять уголовную политику, рационально организовывать уголовное судопроизводство, дифференцировать судопроизводство там, где это необходимо и т.д. В этом плане термины «стратегия» или «модель» аналогичны понятию «задача». Еще П.С. Элькинд отмечала, что категория «цель» – философская, а категория «задача» имеет практическое значение. Если познание направлено на всю систему взаимосвязей данной категории вообще и в сфере конкретных общественных отношений в частности, используется понятие «цель». В тех же случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в направленности конкретной практической деятельности, следует пользоваться понятием «задачи»³.

Между терминами «цель», «назначение уголовного судопроизводства» и «цель доказывания в уголовном судопроизводстве»

¹ Стойко Н.Г. Указ. соч. С. 12, 17–18.

² Барабаш А.С. Указ. соч. С. 8–9.

³ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 37–39.

имеется очевидная разница. Под целью доказывания в российском уголовном процессе традиционно понимают достижение достоверного знания об обстоятельствах совершенного (не совершенного) деяния. Истине как цели уголовно-процессуального доказывания посвящено огромное количество исследований процессуалистов советского периода¹. Процессуальная наука России досоветского периода целью доказывания как процесса познания также считала достижение истинного знания, мнение о том, что суд уголовный обязан стремиться к установлению истины, было господствующим².

В постсоветский период развития уголовно-процессуального законодательства России появились иные мнения. Наиболее известны высказывания С.А. Пашина о том, что в соответствии с принципом состязательности суд выносит решение только на основе того материала, который представили стороны, даже если, по мнению суда, он не отражает полностью всех обстоятельств дела и о том, что юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом, подхваченные и некоторыми практиками³. Еще ранее данный тезис был обоснован Е.Б. Мизулиной, утверждавшей, что постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна, что можно и нужно говорить лишь об истинности способа

¹ Строгович М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 39–44; Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. С. 69–70; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). М., 1960. С. 8–12.

² Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1891. Т. 2. С. 83; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 53–54; Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 13–15; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1910. С. 394–397.

³ Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юрид. профессионализм и проблемы юридического образования: дискуссии. М., 1995. С. 312–322; Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства // Российская юстиция. 1995. № 8. С. 40.

осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата¹.

Подобные суждения отражают лишь представления отдельных лиц, их высказывающих, и никоим образом не основаны на постулатах, заложенных в «согласительном», т.е. англо-американском уголовном судопроизводстве. Еще Д.Ф. Стифен указывал, что «уголовный суд есть общественный розыск, производимый с целью раскрыть истину, но для вернейшего достижения этой цели облекающийся в форму состязания между обвинителем и подсудимым», и что независимый от сторон и занимающий положение посредника между ними судья «заинтересован лишь в одном – в обнаружении истины»². К примеру, в Федеральных правилах о доказательствах США содержатся требования полного выяснения реальных обстоятельств преступления, а термин «истина» употребляется более 100 раз. Так, Правило 102 гласит: «Настоящие правила следует толковать в интересах обеспечения беспристрастного отправления правосудия, устранения неоправданных расходов и задержек и развития доказательственного права с целью установления истины и справедливого производства». Согласно Правилу 611 суд осуществляет контроль над способом и порядком допроса свидетелей и представления доказательств, с тем чтобы сделать допрос и представление эффективными для установления истины. В соответствии с Правилу 614 судья имеет право вмешиваться в представление доказательств сторонами, чтобы способствовать окончательному установлению истины, в этой связи он может вызвать какое-либо лицо в качестве свидетеля по собственной инициативе³.

Процесс правосудия, результат которого определяется в процессе доказывания, не может не иметь цели, поскольку в принципе не

¹ Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 48.

² Стифен Д.Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании / пер. В.Д. Спазовича. СПб., 1865. С. 214.

³ Federal Rules of Evidens. Historical notes and legislative commentary / Published by the Legal Information Institute. Cornell Law School, 1999.

бывает бесцельных действий социального характера¹. В этой связи, на наш взгляд, целью доказывания в уголовном процессе любого государства любого типа является достижение реального, истинного знания о совершенном либо не совершенном деянии. Для того чтобы решить, совершено ли преступление, виновен ли подсудимый и следует ли его наказывать, в любом случае необходимо выяснить реальную картину произошедшего (истину). Для профессионального судьи это так же ясно, как очевидна абсурдность утверждений, например, что для хирурга, оперирующего пациента, не важен результат операции, а для спортсмена-парашютиста не важен вопрос удачного приземления и им интересна лишь сама их деятельность. При этом совсем не важно, концептуализирована ли в правовой доктрине того или иного государства идея истины, склонно ли законодательство данной правовой системы к компромиссу и т.д. Принципиально то, что в правовом государстве виновные должны нести наказание, а невиновные, напротив, не должны необоснованно привлекаться к ответственности. Государство, в котором данная цель достигается, будет стабильным, устойчивым, способным к развитию, государство же с несовершенной системой уголовного судопроизводства таковым не будет. Любое «разумное» государство как системное образование стремится к сохранению своей стабильности, способности к развитию, обеспечению правопорядка в обществе и поддержанию устойчивости общественных отношений.

Позволим себе принципиальную ремарку. В последнее время одной из тенденций развития уголовного судопроизводства, как известно, является появление альтернативных, упрощенных способов разрешения дел, медиации и т.д., имеющих целью ускорение, удешевление уголовного судопроизводства, когда доказывание фактически не производится, а дело разрешается на условиях ком-

¹ Применительно к уголовному процессу см. об этом: Савицкий В.М. Последние изменения в УПК: продолжение демократизации судопроизводства. М., 1994. С. 8.

промисса. Данная деятельность, также зачастую причисляемая к правосудию, правосудием по сути не является, она имеет собственную цель – скорейшее разрешение уголовного дела (как правило, малозначительного по меркам того или иного государства) путем взаимных уступок для экономии финансов и ресурсов государства. Мы ведем речь именно о процессе правосудия, о процессуальном споре между защитой и обвинением, протекающем путем доказывания, посредством представления доказательств и опровержения доводов сторон. Там, где есть доказывание, где есть спор, там обязательно происходит поиск истины.

В этой связи, на наш взгляд, целью доказывания (тогда, когда оно осуществляется) в уголовном процессе любого государства любого типа является достижение реального, истинного знания о совершенном либо не совершенном деянии. Для того чтобы решить, совершено ли преступление, виновен ли подсудимый и следует ли его наказывать, в любом случае необходимо выяснить реальную картину произошедшего (истину).

В самом же общем плане, как представляется, назначением уголовного судопроизводства любого типа как системного образования является поддержание стабильности и охрана правопорядка в сфере уголовного судопроизводства. Любая система, будь то система, составляющая химическое соединение, физическую конструкцию либо политическое образование, стремится к стабильности, к такому состоянию своих составных частей, которое обеспечивает ее устойчивость и равновесие. В противном случае, при нарушении баланса, происходит распад химических веществ, коллапс физических объектов, развитие социальных катаклизмов и катастроф. Государство не является исключением из этого правила, оно имеет целью обеспечение своей стабильности и способности к развитию, к обеспечению порядка в обществе. По сути своей все государства – и те, в которых принят континентальный тип процесса, и страны с англо-американским построением уголовного судопроизводства – стремятся к одному и тому же – устойчивости общественных отношений.

Если в таких, к примеру, странах, как Англия и США, исторически наличествовало сильное гражданское общество, то в странах континента – Германии, Франции, Австрии, Италии, а тем более в России, всегда была велика роль государства, причем его влияние на общественные процессы зачастую гипертрофированно усиливалось, что объективно вело к преобладанию публичного интереса, причем в его трактовке той социальной группой, которая в тот или иной исторический период этот интерес определяла и выражала. В свою очередь, широкие возможности, предоставляемые гражданину, особенно обеспеченному материально, в странах, где приоритетно защищались личные права, к которым, прежде всего, относится право частной собственности, могут привести к трудностям в защите интересов публичных. Утверждать при этом о каком-либо преобладании «частного» либо «публичного» интересов в теории можно, но, как представляется, это будет определенной натяжкой. Все государства равно заинтересованы в охране и защите и частных, и публичных интересов, да и само деление достаточно условно: частный интерес имеет не только обвиняемый (подсудимый), но и иные участники процесса – потерпевший, частный обвинитель и др., а государство обязано одинаково защищать права всех своих членов, кроме того, общество заинтересовано не только в наказании виновных, но и в недопущении применения мер уголовной репрессии к невиновным. В настоящее время тенденцией обоих типов уголовного процесса является идея разумного сочетания альтернативно конкурирующих интересов, частных и общественных, в последнее время высказываются мнения об их паритетном удовлетворении¹.

Подводя промежуточный итог, следует сформулировать, что уголовный процесс современных правовых, социальных государств характеризуется:

1) схожестью важнейших организационных принципов, положенных в основу судопроизводства, к которым можно отнести: осуществление правосудия только судом, независимость и беспри-

¹ Katsh M.E. Taking sides. Amherst, 1988. P. 332.

страстность суда, презумпцию невиновности, гласность, устность, право на защиту и др.;

2) схожестью задач, решаемых в процессе судопроизводства, не исключающей рассмотрение отдельных из них в качестве приоритетных в тот или иной период развития государства;

3) сходной целью уголовно-процессуального доказывания, если и когда оно производится, в качестве которой выступает требование с несомненностью установить виновность лица в совершении преступления и назначить ему справедливое наказание;

4) общностью социального назначения уголовного судопроизводства как важнейшего механизма, способствующего поддержанию стабильности общественных отношений и обеспечивающего устойчивое развитие социума и государства.

Необходимо отметить, что положения, являющиеся основополагающими в уголовном судопроизводстве различных государств, достаточно похожи. Вряд ли верно мнение, что такие, к примеру, принципы, как принцип равноправия защиты и обвинения, защиты прав личности, независимости суда, являются лишь принципами состязательного процесса, эти же положения являются основополагающими в процессе континентальном, смешанном. Вместе с тем представляется, с учетом вышеприведенных мнений Л.В. Головки и А.С. Барабаша, что содержание какого-либо принципа в рамках континентального и англо-американского процесса может существенно отличаться. В частности, мнение А.С. Барабаша о том, что различие между континентальным и англо-американским уголовным процессом состоит в реализации начал публичности и состязательности, представляется обоснованным. Термин «начало» действительно шире, чем термин «принцип», а состязательность в уголовном процессе англо-американском больше, чем просто одна из идей, чем одно из многих руководящих правил, то же самое можно сказать и о публичности в процессе континентальном.

Поскольку одной из задач судебной реформы являлась задача сделать российский уголовный процесс, исторически определяв-

шийся как процесс смешанный, континентальный, «более состязательным», ориентированным на охрану прав личности¹, содержательные отличия того или иного положения, лежащего в основе конкретного типа процесса, от положения, реализующегося при иной организации уголовного судопроизводства, представляются исключительно важными.

Вопрос о степени реализации состязательного начала в уголовном процессе континентального и англо-американского типа тесно связан с вопросом о процессуальных функциях субъектов уголовного судопроизводства и, в частности, с вопросом о роли суда в уголовном судопроизводстве, а также, в глобальном разрезе, с ответом на вопрос, что в настоящее время позволяет отнести уголовный процесс того или иного государства к тому или иному типу.

А.В. Смирновым было выдвинуто и обосновано мнение о конвергенции, сближении континентального (романо-германского) и англо-американского типов уголовного процесса, о появлении «в дальнейшем» на их основе нового процесса, характеризующегося «нонкомбатантностью» и «дискурсивной состязательностью»². Н.Г. Стойко, рассматривая типологические признаки уголовного процесса Англии и Уэльса, США, Германии, Франции и России, указал, что правовые системы данных стран классифицируются путем распределения по родственным группам на основании типичных сходств и различий, среди которых автор выделил: наличие или отсутствие кодификации, господство закона над прецедентом или прецедента над законом, приоритет материального или процессуального права, использование следственного или состязательного метода, преобладание публично-правовых или частноправовых интересов, распространенность иерархических или одноранговых отношений. Автор считает, что в связи с уголовно-политическим

¹ Концепция судебной реформы в РСФСР: прил. к постановлению Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства... С. 54, 69.

сближением данных стран многие различия стираются и в настоящий момент английский и американский уголовный процесс характеризуется использованием прецедента для разрешения уголовного дела, доминированием состязательного метода и преобладанием одноранговых отношений (применительно к суду), а германский, французский и российский процесс – использованием закона для разрешения дела, господством следственного метода и преобладанием иерархических отношений¹. А.В. Пилюк, рассматривая проблему типологии уголовного судопроизводства с точки зрения системы процесса, указывал на следующие различия в конструкции уголовного судопроизводства современных государств: 1) различие в построении уголовного судопроизводства, в этапах (стадиях) движения уголовного дела; 2) различие в конструкции процесса доказывания; 3) различие в конструкции, в построении отдельных юридических институтов (сложных институтов, субинститутов); 4) различие в механизмах обеспечения сбалансированности процесса, в способах обеспечения равноправия сторон; 5) различие в организации субъектов, осуществляющих в процессе ту или иную функцию, в их компетенции, структуре, задачах, объеме прав и обязанностей, предоставляемых участникам уголовного судопроизводства, обусловленном правоотношениями, в которые они вступают друг с другом и с судом; 6) различие в используемой юридической технике, понятийном аппарате, юридической лексике и терминологии².

А.С. Барабаш, исследовавший российский уголовный процесс, полагает, что государство, реализуя публичное начало, в лице своих органов принимает на себя ответственность оградить граждан, общество от преступных проявлений, обязуется перед ними быть активным в деле соблюдения интересов всех участников уголовно-

¹Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем... С. 233–235.

²Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. М., 2013. С. 52.

го судопроизводства. Публичность, по мнению автора, предопределяет особенности построения континентального уголовного процесса, нацеленного на установление действительной картины происшедшего, в отличие от процесса состязательного, нацеленного на обеспечение формального равенства сторон. Так как в процессе англо-саксонского типа имеется тенденция к усилению его публичного начала, автор делает вывод о том, что состязательность и розыск – прошлое уголовного процесса, будущее – публичность как выражение интегративного свойства общества, его единства¹.

Применительно к российскому уголовному процессу вопрос его процессуальной формы² в постсоветский период исследовался И.Б. Михайловской, которая указала, что уголовно-процессуальная форма складывается из таких структурных элементов, «несущих конструкций», как цель уголовного процесса, распределение функций между ее участниками и принципы, определяющие построение конкретных институтов в соответствии с провозглашенными пра-

¹ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 64–74.

² Вопросам исследования процессуальной формы уделялось много внимания в научной литературе советского периода, данный термин рассматривался преимущественно узко, как совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения субъектами уголовного процесса действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 51; Добровольская Т.Н., Элькинд П.С. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма. М., 1976. С. 18–19; Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы содержания и формы советского уголовного процесса // Вестник Ярославского университета. 1971. № 4. С. 56–57 и др. Были и иные точки зрения, например, Р.Д. Рахунов считал содержанием процессуальной формы все действующее уголовно-процессуальное право, определяя ее содержание как «регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные в целях достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников». См.: Рахунов Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно- процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 84.

вилами. Автор отстаивала мнение о социальной обусловленности процессуальной формы как отражения существующего положения личности в государственно-организованном обществе, указывая, что и сама процессуальная форма также влияет на различные сферы социальной жизни¹. С.А. Касаткина, поддерживая вышеизложенные воззрения, полагает, что целевая установка состязательной формы процесса направлена на оптимальное разрешение конфликта, цель же розыскного процесса – установление истины в ущерб интересам личности².

Представляется, что типологические различия между континентальным уголовным процессом, к которому исторически относится российский уголовный процесс, и процессом англо-американским, состязательным, обусловлены причинами, вызвавшими их образование и формирование.

Уголовное судопроизводство тесно связано с уголовно-процессуальным правом и с судостроительством. В литературе отмечалось, что исследование уголовного судопроизводства как системы невозможно вне рамок уголовно-процессуального права потому, что не может быть уголовно-процессуальной деятельности, не урегулированной нормами уголовно-процессуального права³. Судостроительство, под которым применительно к уголовному процессу понимается система судебных, а также иных органов государства, участвующих в производстве по уголовному делу, также оказывало и оказывает влияние на уголовное судопроизводство. Органы государства в процессе исторического развития складываются, развиваются, осуществляют различные направления деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, должностные лица таких органов, обладая соответствующей компетенцией, выполня-

¹ Михайловская И.Б. Указ. соч. С. 3–14.

² Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М., 2010. С. 29–34.

³ Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 11.

ют в уголовном процессе определенные функции. При этом периодически происходят их реформирование, преобразование, перераспределение полномочий между органами и между их должностными лицами, перераспределение и изменение функций, осуществляемых ими в уголовном судопроизводстве.

Взгляд на уголовный процесс любого государства и типа как на общеправовое явление показывает, что в любом государстве существуют определенные закономерности возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. Основой, отправной точкой любого процесса, моментом начала любого судопроизводства (в том числе и уголовного), в широком его значении, является момент получения информации о совершенном преступлении. После ее получения (к примеру, после сообщения о преступлении, после обнаружения трупа, следов проникновения в хранилище и т.д.) орган, обладающий соответствующей компетенцией, приступает к сбору сведений о совершенном (либо не совершенном) деянии, т.е., говоря утрированно, к производству «дознания».

Одно из основных отличий уголовно-процессуальных систем Англии и Франции как двух «основополагающих» систем уголовного процесса – состязательного и континентального, «смешанного», – заключается в том, что в Англии, где исторически сильно гражданское общество, длительное время вообще не было органа, в общественных целях собирающего информацию о преступлении непосредственно после его совершения, обвинение же было частно-исковым¹. Во Франции исторически наличествовали централизованные органы, призванные защищать государственные интересы, в силу чего обвинение было властно-публичным. М.А. Чельцов-Бебутов указывает, что первоначально, согласно нормам Декрета от 16 сентября 1791 г., уголовное судопроизводство начиналось суммарным расследованием, которое производилось мировым судьей в качестве органа судебной полиции. Впоследствии в уго-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 1. С. 27–31.

ловно-процессуальный кодекс Франции была внесена ст. 10, предоставившая префектам департаментов и префекту парижской полиции, т.е. чинам административного ведомства, полномочия по принятию всех необходимых мер для установления преступлений, проступков и полицейских нарушений и передачи лиц, их совершивших, в распоряжение судов. Судебная полиция округа возглавлялась прокурором и следственным судьей, производившим расследование после передачи первоначально собранных материалов и лица, подозреваемого в совершении преступления, в его распоряжение¹. Наличие сильных централизованных органов, исторически производивших собирание первоначального объема информации, предопределило (наряду с иными причинами) и развитие доказательственного права, вследствие чего процесс был сконструирован так, что собранные полицией, затем мировым, а впоследствии – следственным судьей сведения использовались в качестве доказательств при рассмотрении уголовного дела в суде, а также постепенно сложились требования, предъявляемые к органам расследования и такому собиранию.

При наличии централизованной, сильной административной власти и при сложившейся системе органов охраны правопорядка можно законодательно оформить полномочия органов дознания и предварительного расследования, как это и было сделано во Франции, Германии, России и других государствах, воспринявших «смешанный процесс». В классическом английском процессе первоначально обвинение носило характер уголовного иска, а не властно-публичной деятельности, как в странах континента, судебное же разбирательство происходило в форме спора обвинения и защиты. Пока в Англии общество и государство справлялись с вызовами времени, необходимости в государственном органе, осуществляющем уголовное преследование (в организационном, конечно же, аспекте), не имелось; как только ситуация изменилась,

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 461–482.

законодатель Англии предпринял ряд мер, чтобы обеспечить стабильность, устойчивость общественного развития¹.

Защита, как отдельная функция, появляется не только при выдвигании формального обвинения, но и в случае появления фигуры подозреваемого и в случае применения к такому лицу каких-либо мер принуждения. Лишь с этого момента можно ставить вопрос о равноправии сторон, в том числе и в собирании доказательств (информации, сведений), тогда как этап первоначального сбора информации о преступлении, всегда, в любой стране, независимо от типа ее правовой системы, носит линейный характер; никакой состязательности до момента, когда будет собрана достаточная совокупность сведений о совершенном деянии и появится лицо, подозреваемое в его совершении, быть не может в принципе. В настоящее время орган либо должностное лицо государства (полицейский префект, судья-дознатель, судебный следователь и т.д.) во всех странах, собрав первоначальный объем информации, определяет судьбу дела, и виды решений могут быть различными. Даже полицейский в США, собрав первоначальный объем информации (т.е. фактически произведя дознание), решает, что с ней дальше делать; полиция в лице ее руководителей либо передает сведения, носящие характер оперативно-розыскных, окружному прокурору для разрешения вопроса об уголовном преследовании, либо по тем или иным причинам не реализует ее².

Представляется, что государственные органы и должностные лица любого государства, производящие собирание доказательственного материала, начинающегося непосредственно после получения информации о преступлении, всегда априори имели и будут иметь в дальнейшем преимущество перед стороной защиты, чье присутствие в процессе и чья функция неразрывно связаны с

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 410–413.

² Smith D., Klein J. Police agency characteristics and arrest decisions. Evaluating performance of criminal justice agencies. N. Y., 1983. P. 65; Цит. по: Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. М., 1998. С. 23–24.

личностью, с моментом предъявления обвинения либо появления подозреваемого лица. Равенства прав сторон в собирании доказательств (доказательственной информации) на досудебных стадиях процесса не может быть, прежде всего, в силу именно этого момента. В литературе отмечалось, что «в силу особенностей... правоприменительной деятельности на первом этапе уголовного процесса в США состязательность несколько ограничена, носит элементы розыскного процесса»¹. Подобный взгляд на начальный этап уголовного судопроизводства Англии имелся и у Н.Н. Полянского². Кроме того, конечно же, равенства не может быть еще и вследствие невозможности предоставления отдельному гражданину права осуществлять действия, носящие публичный характер, затрагивающие, умаляющие права иных граждан общества, правоотношения с которыми строятся «по горизонтали» и права которых не менее ценны, чем его.

Закономерности возникновения уголовного судопроизводства в широком смысле в любом государстве схожи, отличие заключается в конструкции процесса, в регламентации процессуальной или непроцессуальной деятельности органов государства, фактически производящих дознание, в определении момента и формы предъявления обвинения, в организации и компетенции того или иного органа государства, в использовании тех или иных механизмов «сдержек и противовесов» – мер стабилизации процесса и т.д. В этом смысле, следуя воззрениям Ж.Ж. Руссо, уголовный процесс любого типа и любого государства – своеобразный общественный договор³, продукт, выражающий симбиоз культурных, социальных, исторических, законодательных традиций. При этом каждое государство предполагает применение индивидуального набора средств, необходимых для

¹ Махов В.Н., Пешков М.А. «Состязательность» моделей уголовного процесса США // Государство и право. 1999. № 12. С. 82.

² Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 37.

³ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре / пер. с фр. Л. Неманова. СПб., 1907. С. 134–139.

эффективного функционирования национального уголовного судопроизводства, для достижения баланса разнонаправленных интересов его субъектов и участников и, в конечном итоге, – для обеспечения стабильности и развития общества и государства.

Важнейшим звеном, ядром уголовного процесса является доказывание – основная подотрасль, фундамент уголовного судопроизводства любого типа. Как и уголовное судопроизводство в целом, правоотношения по доказыванию в любом государстве возникают одновременно с появлением информации о совершении преступления и связываются с моментом начала собирания сведений о нем. С этой точки зрения субъектом уголовно-процессуального доказывания в широком понимании этого термина, как он и трактуется в странах англо-американской модели, может быть любой орган государства, а также впоследствии – обвиняемый, защитник и вообще любой участник судопроизводства. Уголовно-процессуальное доказывание в континентальном процессе России рассматривается уже – это лишь деятельность субъектов, причем урегулированная нормами уголовно-процессуального права. Однако корни доказывания, как и корни судопроизводства в целом, лежат в «допроцессуальном» периоде.

К примеру, в США полицейские чины, а также адвокаты и обвиняемые, приступающие в собиранию сведений после того, как выдвинуто обвинение, собирают не доказательства, а информацию, сведения. Главное для них – выявить источники информации и ее носителей. Получив данные, они обеспечивают представление свидетелей и вещественных доказательств, обнаруженных ими, суду, после чего все – и обвинитель, и защита, и суд – получают информацию непосредственно из источника, формируя процессуальные доказательства¹, при этом непроцессуальной деятельностью полиции назвать можно с некоторой натяжкой. Полиция (и другие органы публичного преследования) производят до суда не только оперативно-розыскные мероприятия, но и уголовно-процессуальные

¹ Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946. С. 60–61.

действия – аресты, обыски, опознания и другие действия по соби- ранию и проверке сведений, руководствуясь при этом, помимо сво- их ведомственных наставлений, выработанными судебной практи- кой процессуальными правилами. Правила эти, в свою очередь, формулируются и доводятся до всех заинтересованных лиц выс- шими судебными инстанциями. К примеру, известны правила, имеющиеся в США: о запрещении продолжать обыск по находже- нии искомого; «правило Миранды», требующее, что подозреваем- ый должен быть предупрежден о своих правах и обязанностях, важнейшим из которых является право хранить молчание. Им сле- дуют все должностные чины, производящие такую «непроцессу- альную деятельность», поскольку их несоблюдение влечет недопу- стимость собранной этими органами информации и она не может быть в дальнейшем использована в суде прокурором¹. В континен- тальном, в частности российском, уголовном судопроизводстве после получения сообщения о преступлении либо после обнаружения его следов орган расследования приступает к производству расследова- ния, собирая и формируя процессуальные доказательства, защитник участвует в этой деятельности лишь опосредованно, путем заявления ходатайств, обжалования действий следователя, истребования пред- метов и документов, которые он затем может предоставить либо сле- дователю (могущему отказать в их приобщении к уголовному делу), либо непосредственно суду (если впоследствии дело будет туда направлено прокурором). Отсутствие в англо-американском уголов- ном процессе стадии предварительного расследования может натолк- нуть на мысль о равенстве прав обвинителя и защитника в уголовном процессе. Между тем, это не так, англо-американский процесс скон- струирован таким образом, что собственно уголовным процессом счи- тается только то, что происходит в стенах суда, континентальный же уголовный процесс берет начало на досудебных стадиях, к примеру, в России – с момента возбуждения уголовного дела.

¹ Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. М., 1998. С. 12–18.

Кроме того, континентальный уголовный процесс характеризуется еще и тем, что он «вырос» из розыскного, следственного процесса, который был построен на начале ярко выраженной публичности.

Принцип публичности, присущий континентальному типу процесса, выражается в том, что государство в лице его компетентных органов и должностных лиц юридически обязано, получив информацию о совершенном преступлении, начать производство по этому факту и осуществлять уголовное преследование. У органа или должностного лица такого государства первоначально не было права на дискреционное усмотрение, ориентирующееся на целесообразность, он должен был следовать букве закона: обеспечить привлечение виновного к уголовной ответственности за деяние, которое он совершил, возможность торга по поводу обвинения считалась недопустимой¹. К примеру, М.С. Строгович указывал, что все должностные лица и органы государства обязаны принимать законные меры и действия для выяснения всех существенных обстоятельств дела, для охраны прав и законных интересов участвующих по делу лиц, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения иных участников судопроизводства². В континентальном уголовном процессе ни орган расследования, ни орган государственного обвинения – прокурор, а также и судебные органы, рассматривавшиеся не как органы общества, а как органы государства³, не обладали возможностью широкого усмотрения, как в состязательном (англо-американском) уголовном процессе. В настоящее время, как отмечает Л.В. Головкин, положение существенно изменилось, сфера дискреционного усмотрения государственного обвинителя в кон-

¹ Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 40.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 136–138.

³ Как указывал И.Я. Фойницкий: «Право суда принадлежит судебной власти государства». См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 1. С. 72.

тинентальном процессе значительно расширилась¹, однако очевидно, что она исторически заведомо меньше, чем в таких, к примеру, странах, как США или Англия.

Кроме того, в континентальном уголовном процессе следователь, прокурор и даже суд не считаются носителями какой-либо одной процессуальной функции. Во Французской Республике, как отмечалось, постулатом является положение, что функция защиты осуществляется не только обвиняемым (подозреваемым) и его защитником. УПК Франции традиционно с 1808 г., требует, чтобы все государственные лица, будь-то прокурор, будь-то следственный либо иной судья, выявляли как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства, участие защитника при этом традиционно рассматривается в качестве дополнительной необходимой гарантии личности, поскольку, в отличие от иных государственных участников уголовного судопроизводства, других обязанностей, кроме осуществления защиты обвиняемого, у него нет². При этом, как и в розыском процессе, являющемся предшественником смешанного, признание вины подсудимым не являлось основанием отказа от исследования доказательств и не было обязательным для суда, рассматривающего уголовное дело. Защитник, по общему правилу, на предварительное расследование не допускался, обвиняемый мог отказаться от защитника и в судебном заседании³.

¹ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 26–36.

² Pradel J. *Procédure pénale*. Paris, 1997. P. 24–29; цит. по: Головки Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 52–53; Миттермайер К. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864. С. 148–149. М.С. Строгович применительно к российскому уголовному процессу также утверждал, что в действиях следователя сочетаются все три основные функции – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а суду предписывал активно выяснять все обстоятельства дела, руководя исследованием доказательств. См.: Строгович М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 149–160.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 478–493.

В Англии обвинение первоначально было частно-исковым, затем частно-публичным, государственного органа обвинения не было практически до начала XX в., а функцию обвинения выполняли коронные адвокаты (*attorney general, solicitor general, barristers* и *serjeants-at-law*), которые вели «дела уголовные как дела правительственные»¹. С учетом того, что собственно уголовным процессом в Англии считалось только то, что происходит в стенах суда, и того, что адвокату – представителю государства и потерпевшего противостоял такой же адвокат – представитель подсудимого, которые выступали как две равноправные стороны, процесс, как отмечалось, был построен на принципах равенства обвинения и защиты, состязательности, незаинтересованности суда как арбитра в споре². Естественно, что органы полиции представляли адвокату-обвинителю собранные ими сведения, защитник же обвиняемого начинал собирать доказательства с момента выдвижения официального обвинения, для чего судья выдавал сторонам по их просьбе приказы о предоставлении им сведений либо о задержании нужных лиц (*warrants*)³. Стороны могли договориться, окончить дело миром, обвинитель мог отозвать свои претензии. После отправки к суду обвиняемый мог признать вину (*quilty*), и тогда наказание определялось судьей немедленно, без всякого участия жюри, обвиняемый мог также отвергать свою виновность (*not quilty*) или молчать. В таком случае суд приступал к образованию скамьи присяжных, затем обвинитель произносил обвинительную речь и в подкрепление ее представлял свои доказательства, после чего защита произносила защитительную речь, подкрепляя ее своими доказательствами; каждая сторона имела право предлагать вопросы свидетелям противоположной стороны (*cross-examination*); после судебного следствия судья давал присяжным юридическое наставление (*charge*) и вручал им обвинительный акт, на который они должны единогласно ответить, признают ли они подсудимого виновным или нет. Ответ этот произносил-

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 28.

² Стифен Д. Уголовное право Англии в кратком очертании... С. 28–33.

³ Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 29.

ся старшиной присяжных устно и записывался секретарем, после чего судья постановлял приговор, который мог быть только оправдательным или обвинительным. Ревизия данного приговора допускалась, в отличие от процесса французского, лишь в исключительных случаях, в связи с чем к рассмотрению дела судом присяжных в Англии подходили с особым тщанием¹.

Активность суда в Англии при подобном построении процесса была значительно ниже, чем в тех же Франции или Германии, при состязании «равноправных сторон» она могла быть истолкована как заинтересованность в исходе дела и помощь какой-либо стороне. Это не значит, что суд был полностью пассивен, различие между континентальным и состязательным построением судопроизводства, как отмечали И.Я. Фойницкий, К.А. Миттермайер, а в современный период – О.Б. Семухина, Л.В. Головки, состоит «в степени активности» суда.

Таким образом, суммируя и систематизируя отличия, выделенные авторами, исследовавшими вопросы типологии уголовного судопроизводства, представляется, что типовые, принципиальные, содержательные различия между уголовным процессом континентального типа и процессом англо-американским (состязательным), возникшие исторически и продолжающие сохраняться в современный период, заключаются в следующем:

1. С точки зрения принципов, основных положений процесса содержание понятия «состязательность» в англо-американском и романо-германском процессе различно. В англо-американском процессе состязательность – основное начало, руководящая идея, пронизывающая все уголовное судопроизводство, определяющая в том числе строение процесса, разделение процессуальных функций, в континентальном же уголовном процессе – это лишь один из многих принципов, а также способ, инструмент познания, причем характерный прежде и более всего для судебных стадий².

¹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 30.

² Бойков А.Д. Третья власть в России: очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997. С. 65; Комарова Н.А., Лукашевич В.З.

2. Разное соотношение императивного и диспозитивного метода регулирования. Трактовка уголовного процесса как «состояния», спора равноправных сторон и соответствующее построение судопроизводства обусловили ббольшую, по сравнению с континентальным, диспозитивность англо-американского уголовного процесса, признание вины здесь традиционно являлось сигналом о поражении и вело к прекращению «спора», стороны могли окончить дело миром, договориться, процесс же континентальный более публичен, уголовное судопроизводство никогда не рассматривалось здесь как спор равных и исторически было гораздо менее склонно к компромиссу и упрощению. Органы расследования и обвинения в континентальном уголовном процессе в силу наличия четко обозначенных государством прав и обязанностей были ограничены в выборе, их деятельность осуществлялась на основании публичности и официальности, а возможность «дискреции» была меньше, чем у их коллег в странах с состязательным строением процесса. Напротив, обвинители в уголовном процессе англо-американского типа рассматривались лишь как представители одной из равноправных сторон, для которой, как и для стороны защиты, целью являлась победа в процессе и деятельность которых основывалась на широком усмотрении.

3. В уголовном процессе англо-американского типа наличествует строгое, по сравнению с континентальным процессом, разделение процессуальных функций, обусловленное состязательным, «конфронтационным» (А.С. Барабаш) характером судопроизвод-

Принцип состязательности и равноправия сторон должен быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве // Правоведение. 2001. № 4. С. 157; Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. Ч. 10. С. 6; Он же. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Томск, 2011. С. 3–8.

ства. В континентальном уголовном процессе, присутствует сочетание, «смешение», «размытость» (Л.В. Головки) процессуальных функций. Сочетание функций обусловлено также наличием досудебных стадий, где защита лишена права самостоятельно формировать доказательства в силу подхода к уголовно-процессуальному доказыванию как к деятельности, осуществляемой в жесткой процессуальной форме, в результате чего особое значение приобретает требование осуществлять предварительное расследование объективно и всесторонне.

4. Роль суда (степень его активности) в англо-американском процессе и процессе континентального типа различна. В континентальном процессе суд – преимущественно орган государства, принимающий меры к выяснению реальной картины произошедшего, интересы участников уголовного судопроизводства для которого не являются определяющими, в англо-американском процессе суд – преимущественно арбитр, разрешающий уголовное дело как социальный конфликт с обязательным учетом позиции сторон. Данное различие обуславливает историческую ориентированность континентального уголовного процесса на установление истины (реальной картины деяния), а для состязательного процесса повышает риск ее недостижения и вынесения неправоудного решения.

Оговоримся, что вопросы типологии состязательного и смешанного уголовного процесса чрезвычайно объемны и сложны, для задач исследования необходимы только общие, основные отличия основных типов уголовного судопроизводства, выделенные выше. К примеру, некоторые отмечаемые авторами различия, в том числе преобладание в англо-американском уголовном процессе прецедента над законом как материально-правового основания для вынесения решения, различие в юридической лексике, в построении того или иного института, в понятийном аппарате и др. хотя и имеют место, принципиальными не являются и содержательного значения для целей нашего исследования не имеют.

Отметим также, что рассмотрение отличий произведено в историческом аспекте, так как для уяснения сути явления и определе-

ния жизнеспособности следует выявить его корни. Не секрет, что многие различия стираются, нивелируются, в частности, обвинение в современный период во всех правовых социальных государствах является публичным, изменяется компетенция органов расследования, возрастает роль дискреционного усмотрения прокурора в странах с континентальным типом уголовного процесса и т.д., однако основные, принципиальные различия сохраняются до настоящего времени, что обуславливается как раз историческими причинами их возникновения.

1.2. Типологические свойства современного российского уголовного процесса

Уголовный процесс любого государства является сложным социокультурным явлением, его положения не формируются одномоментно, институты процесса оформляются, складываются, укореняются в течение длительного периода времени. В этом плане современный уголовный процесс Российской Федерации исторически является «наследником» русского уголовного процесса, приобретшего характер процесса «правового» общества в результате судебно-правовой реформы императора Александра II, а также «преемником» советского уголовного процесса.

Вопрос о том, каким должен быть уголовный процесс современного Российского государства, возник после смены общественного и государственного строя в России в начале 90-х гг. XX в. Ответ на него предполагал и ответ на вопрос, какие черты и недостатки, требующие устранения, были присущи уголовному судопроизводству России в предыдущие периоды развития государства.

Как известно, согласно положениям Устава Уголовного судопроизводства 1864 г. суд обязан был принимать меры к выявлению истины, судебный следователь в соответствии с положениями Учреждения Судебных Следователей 1860 г. должен был беспристрастно собирать все доказательства, прокурор, помимо функции

обвинения, осуществлял функцию надзора за следствием. Дореволюционное уголовное судопроизводство правоведами однозначно относилось к смешанному, континентальному, воспринявшему основные положения французского уголовного процесса¹.

В соответствии с нормами Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, а также нормами УПК РСФСР 1960 г. суд, наряду с органами расследования и прокурором, был наделен правом при установлении признаков преступления возбуждать уголовные дела, мог выносить обвинительный приговор при отказе прокурора от обвинения, председательствующий судья руководил исследованием доказательств в судебном разбирательстве, государственный обвинитель вправе был вообще не участвовать в рассмотрении уголовного дела. Процессуальный надзор за производством предварительного расследования осуществлял прокурор, судебный контроль за соблюдением конституционных прав граждан отсутствовал, права судебного обжалования действий и решений органов предварительного расследования и прокурора у участников процесса не было. Состязательность в числе принципов уголовного судопроизводства не указывалась, понятие сторон в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовало².

Указанные черты российского уголовного процесса советского периода явились основанием для его определения рядом правоведами как процесса «социалистического типа», находящегося за рамками англо-американской и романо-германской правовых семей³. Имеются и более категоричные оценки, вплоть до использования в

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 1. С. 69–72; Полянский Н.Н. Уголовный суд, его устройство и деятельность. М., 1911. С. 74–75, 77; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 9–14; Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство... С. 83; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса... С. 394–397.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: закон от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 26.

отношении уголовного процесса социалистической России терминов «розыскной» и даже «инквизиционный»¹.

Представляется, для столь категоричных выводов достаточных оснований нет, уголовный процесс советского периода характеризовался наличием процессуально оформленной стадии предварительного расследования, нацеленностью на установление истины, смешением процессуальных функций в деятельности его различных субъектов и т.д., что свидетельствует о его принадлежности к континентальному, смешанному типу.

Для определения типологических характеристики, присущих российскому уголовному процессу, обратимся к его системе и структуре.

В понятие «система» в праве включается объединение по содержательным признакам определенных частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования². С понятием «система» неразрывно связан термин «структура»; как считается, основными характеристиками любой системы, в том числе уголовно-процессуальной, являются упорядоченность элементов, определенная их организация и соответствующая структура³. Структура – наличие элементов – обеспечивает сохранение целостности, единства явления как системы, образует его каркас (скелет), при помощи которого организуется, упорядочивается содержание данного явления. Именно такая структура свойственна праву⁴.

Исследователями предлагались различные способы структурирования и систематизации уголовного судопроизводства.

М.С. Строгович под уголовным процессом понимал систему действий участников уголовного судопроизводства, их правоотношения друг с другом, регулируемые нормами уголовно-процессуального

¹ Касаткина С.А. Признание обвиняемого... С. 33–34; Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 35–36.

² Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 278.

³ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 85.

⁴ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 5.

права, изменяющиеся и развивающиеся от стадии к стадии уголовного судопроизводства. Соответственно, систему уголовного процесса он подразделял на «последовательно сменяющиеся одна другую»¹ стадии – «части, на которые делится уголовный процесс и которые характеризуются свойственными им непосредственными задачами, процессуальными действиями и процессуальными отношениями»². Помимо указанных признаков стадии выделяют также специфический круг субъектов, действующих в каждой из них, и своеобразное выражение и реализацию принципов уголовного процесса³. Рядом ученых система уголовного процесса рассматривалась с позиций его участников⁴; как указывал В.Н. Шпилев, «наиболее правильно рассматривать уголовно-процессуальную деятельность как совокупность или систему действий всех участвующих в деле лиц»⁵.

Взгляд на уголовный процесс как на систему стадий является преобладающим⁶, например, О.В. Волколуп (О.В. Гладышева) систему российского уголовного процесса определяет как систему последовательно сменяющихся друг друга стадий, указывая, что упорядочивающим данную систему признаком является цель уголовно-процессуальной деятельности – установление истины по конкретному уголовному делу⁷.

Ю.К. Якимович выделил три уровня систематизации: уголовное судопроизводство как совокупность всех конкретных уголовно-

¹ Строгович М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 66–68.

² Там же. С. 66.

³ Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 51.

⁴ Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 14–23; Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 45.

⁵ Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 46.

⁶ Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1999. С. 7; Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В.М. Савицкого. М., 1997. С. 114 и др.

⁷ Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. С. 28–29.

процессуальных производств, уголовное судопроизводство как виды производств, имеющие особенности производств по определенным категориям дел и как собственно производство по конкретному уголовному делу. Уголовный процесс, или уголовное судопроизводство, автор подразделил по «вертикали» – на виды уголовных судопроизводств, и по «горизонтали» – на уголовно-процессуальные этапы, стадии, указав, что этими аспектами не ограничивается представление о структуре уголовного процесса, так как вид уголовного судопроизводства включает совокупность производств по конкретным делам. В свою очередь, производство по каждому конкретному делу представляет собой также систему, состоящую из определенных элементов. Ю.К. Якимович предложил также построение системы уголовного процесса как системы производств, в качестве критерия взяв «направленность производства, выражающуюся в его задачах и целях», выделив производства: 1) основные; 2) дополнительные; 3) особые¹.

Ю.А. Фролов российское уголовное судопроизводство подразделил на подсистемы – обвинения, защиты, разрешения дела, указав, что в целостной системе уголовного судопроизводства каждый из структурных элементов всегда должен приводить к получению какого-то результата, который «нельзя получить на основе функционирования только одного из элементов системы, т.е. только деятельности суда, или участников стороны обвинения или же деятельности стороны защиты»². Автор указывает, что «защита прав и законных интересов личности является интегративным качеством системы уголовного судопроизводства. Вследствие того что системные (интегративные) свойства формируются на основе взаимодействия отдельных элементов системы, но не сводятся к простой совокупности

¹ Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 3–5, 9–11.

² Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 20–21.

свойств этих элементов, защита прав и законных интересов личности обеспечивается взаимодействием всех компонентов системы»¹.

Таким образом, уголовный процесс возможно рассматривать с различных точек зрения. Уточним, что нас интересуют наиболее принципиальные особенности уголовного судопроизводства Российской Федерации.

Как указывалось, уголовное судопроизводство тесно связано с уголовно-процессуальным правом и с судоустройством, также оказывающим на него влияние. Органы государства в процессе исторического развития складываются, осуществляют различные направления деятельности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, должностные лица этих органов, обладая соответствующей компетенцией, выполняют в уголовном процессе определенные функции. Периодически происходит перераспределение полномочий между органами, изменение функций, осуществляемых в уголовном судопроизводстве их должностными лицами, что также отражается на системе судопроизводства.

Исходя из его признаков, российский уголовный процесс можно рассматривать как урегулированную нормами уголовно-процессуального права организованную, взаимозависимую, многоуровневую деятельность его участников, обладающих правовыми статусами (компетенциями), вступающих друг с другом в правоотношения на различных поступательных стадиях движения уголовного дела, выполняющих в уголовном процессе определенные уголовно-процессуальные функции, осуществляемые в соответствии с принципами национального уголовного судопроизводства в целях правильного, справедливого разрешения уголовного дела.

Как система стадий российский уголовный процесс представляет собой поступательное движение производства по уголовному делу от стадии к стадии – от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора. Количество стадий по конкретному уголовному делу может быть раз-

¹ Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства... С. 23.

личным: возбужденное уголовное дело в зависимости от обстоятельств может быть прекращено еще на стадии предварительного расследования, а может окончиться исполнением обвинительного приговора.

Для уголовно-процессуального законодательства континентального типа вследствие того, что сведения, собранные органами предварительного расследования, в дальнейшем потенциально рассматриваются в качестве доказательств, характерна и строгая регламентация процесса доказывания. Это положение объективно, для Российской Федерации с ее традиционно сильной централизацией власти и неразвитостью гражданского общества отнесение к доказательствам лишь сведений, «полученных в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом» – гарантия достоверности полученных сведений, а также средство придания собранным органами предварительного расследования сведениям свойства допустимости. Исследование и оценка собранных сведений производится в суде, где всесторонне проверяются их качества; неслучайно в уголовно-процессуальной литературе России, в ее досоветский период всегда выделялись доказательства, добытые на предварительном расследовании, и доказательства судебные¹.

Деятельность участников российского уголовного процесса, как представляется, характеризуется следующими качествами:

1. Наличие у каждого участника уголовного процесса определенного правового статуса (компетенции), комплекса прав и обязанностей.

2. Соорганизованность, сбалансированность прав и обязанностей всех участников. Праву частных лиц корреспондируют соответствующие обязанности должностных лиц, при этом правовые статусы участников уголовного судопроизводства должны находиться в равновесии, т.е. их права и обязанности должны быть организованы таким образом, чтобы обеспечивать выполнение ими

¹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 193; Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. М., 1967. С. 365–366 и др.

своих задач и не создавать препятствий для выполнения задач другим участникам уголовного судопроизводства.

3. Взаимообусловленность действий участников уголовного процесса. К примеру, любое ходатайство должно быть рассмотрено органом, которому оно заявлено, жалоба разрешена, но для этого нужна инициатива: жалобы и ходатайства разрешаются следователем, прокурором, судом после их поступления, собирание доказательств следователем возобновляется после возвращения дела прокурором для производства дополнительного расследования, жалоба на обоснованность избрания меры пресечения подается после того, как она применена и т.д. Вместе с тем инициативы может и не быть, тогда (по общему правилу) не будет и совершения действий, принятия решений, вынесения процессуальных актов.

4. Многоуровневость деятельности. Участники уголовного судопроизводства взаимодействуют как на досудебных, так и на судебных стадиях, даже на стадии исполнения приговора. При этом их правовые статусы, права и обязанности, сбалансированы и применительно к стадийному строению. Каждый участник судопроизводства, участвующий в уголовном судопроизводстве, на определенной стадии процесса выполняет свои определенные задачи, которые с развитием процесса также могут изменяться.

Для определения типологических характеристик российского уголовного процесса важнейшим является вопрос о связи деятельности участников уголовного судопроизводства с его задачами и целью. Так, по мнению Ф.Н. Фаткуллина, уголовно-процессуальные функции – «главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются основными задачами... уголовного судопроизводства и выражают его демократическую сущность»¹. М.Л. Якуб также указывал на обусловленность уголовно-процессуальных функций задачами уголовного судопроизводства, определяя их как «основные виды, основные направления процессу-

¹ Фаткуллин Ф.М. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 77–78.

альной деятельности, которые могут быть дифференцированы в уголовном процессе как в системе (действий и правоотношений), так и в регулируемой законом деятельности по непосредственному осуществлению задач уголовного судопроизводства всех компетентных органов, ведущих производство по делу, к участию в котором привлекаются заинтересованные лица с обеспечением им прав для защиты своих интересов»¹. А.М. Ларин утверждал, что различие в целях отдельных видов процессуальной деятельности служит основанием деления этой деятельности на функции, указывая, что функции – это «виды (компоненты, части) уголовно-процессуальной деятельности, которые различаются по особым непосредственным целям, достигаемым в итоге производства по делу... Иначе говоря, представляя себе цели, стоящие перед процессуальной деятельностью, можно уяснить, из каких и скольких функций она складывается»².

За годы преобразований российское уголовное судопроизводство по сравнению с уголовным процессом России досоветского и, в особенности, советского периода претерпело ряд значительных изменений. В частности, защитник участвует в уголовном судопроизводстве с самых ранних его стадий. Статья 47 УПК РСФСР, определявшая момент появления защиты в уголовном процессе, связывала участие защитника в уголовном судопроизводстве максимум с началом уголовного судопроизводства. Постановлением Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» появление защитника в уголовном судопроизводстве было увязано не с формальным основанием вынесения какого-либо процессуального акта лицом, производящим расследование, не с моментом возбуждения уголовного дела в

¹ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 23.

² Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 10–12.

отношении гражданина, а с моментом фактического ограничения его прав и свобод¹. Пунктом 5 ч. 3 ст. 49 действующего УПК РФ установлено, что защитник участвует в уголовном деле, помимо прочего, также и с момента осуществления «иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления». Прошли времена, когда судья мог рассмотреть уголовное дело в отсутствие и обвинителя, и защитника; участие в рассмотрении уголовного дела прокурора, осуществляющего, согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, обязательно. Очередность исследования доказательств при судебном разбирательстве уголовного дела, согласно ст. 274 УПК РФ, определяется обвинением или защитой в зависимости от того, кем доказательства представляются, при этом, как это и предусмотрено логикой процесса, первыми исследуются доказательства обвинителя, затем защиты. Статьи 108 и 109 УПК, восприняв принципы Habeas Corpus Act, определяют порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, сама данная мера пресечения применяется не прокурором, а, в традициях правового государства, судом. Согласно ст. 125 УПК РФ предусмотрено судебное обжалование действий и решений должностных лиц в уголовном судопроизводстве вплоть до прокурора.

Оценим в общих чертах, насколько принципиальны и прогрессивны новеллы, изложенные в УПК РФ 2001 г., как изменились (и изменились ли) его типологические характеристики – принципы, задачи, цели российского уголовного процесса, функции его субъектов, и, соответственно, посмотрим, каковы в настоящее время его типологические признаки.

Сразу же определимся в терминах. Как представляется, права И.А. Чердынцева, включившая в понятие «типологическая характери-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

стика» типологические свойства системы уголовного процесса, а также цель, назначение судопроизводства¹. Действительно, назначение судопроизводства нельзя отнести к свойствам процесса, данный термин значительно шире, вместе с тем это центральный элемент типологической характеристики, объединяющий и интегрирующий всю систему.

Согласно ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства определены защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Среди принципов уголовного судопроизводства, помимо прочих, называется состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ) и право на обжалование процессуальных действий и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя (ст. 19 УПК РФ). В соответствии со ст. 15 УПК РФ субъекты уголовного судопроизводства разделены на стороны, каждая из которых, как установлено, должна выполнять обозначенные в законе процессуальные функции – защиты, обвинения и разрешения уголовного дела, которые, как указано в законе, не могут быть возложены на один и тот же орган и одно и то же лицо. К субъектам, осуществляющим функцию обвинения, отнесены дознаватель, орган дознания, следователь, прокурор, потерпевший, его представитель, гражданский истец и его представитель. Функцию защиты, как считается, осуществляют обвиняемый, его представитель и защитник, гражданский ответчик и его представитель. Суд, как указано в ч. 3 ст. 15 УПК РФ, не выступает на стороне обвинения или защиты, он создает необходимые условия для исполнения сторонами их функций.

Приведенные положения уголовно-процессуального закона были расценены рядом правоведов как принципиальные и существенные, дающие основания утверждать, что в российском уголовном судопро-

¹ Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного судопроизводства как элемент его типологической характеристики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 7–9.

изводстве произошли качественные изменения. Так, И.Л. Петрухиным высказано мнение, что уголовный процесс России в ходе последней реформы «из “смешанного” превращается в публично-исковой, состязательный»¹. А.В. Смирнов полагает необходимым рассматривать современный уголовный процесс России как «постсостязательный», утверждая, что «к нему не подходят типобразующие черты ни одной из ранее известных “моделей” процесса»². О.В. Волколуп указала, что «в российском уголовном процессе в стадии предварительного расследования с введением в действие УПК РФ стал действовать принцип состязательности»³, однако затем, впрочем, уточнила, что «положительные моменты состязательности возможны только в судебных стадиях уголовного процесса»⁴. А.А. Тарасов считает, что «попытка определить исторический тип пореформенного российского уголовного процесса обычно приводит к выводу о том, что к нему в полной мере не подходят никакие из ранее известных терминологических обозначений. Публично-исковой, состязательный уголовный процесс – это то, к чему стремились авторы теоретических основ судебной реформы XX в., но отнести его характеристики к нашему уголовному процессу едва ли возможно до тех пор, пока государственная власть в досудебном производстве реализуется одной из сторон. В этой части дореволюционный русский уголовный процесс благодаря фигуре судебного следователя был ближе к состязательному типу. На рубеже XX и XXI столетий в России произошла глобальная переориентация системы уголовного процесса с репрессивно-карательной на правозащитную функцию, что выразилось прежде всего в законодательном определении назначения уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ»⁵.

¹ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформирования уголовного процесса в России. М., 2005. Ч. 2. С. 13.

² Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 221.

³ Волколуп О.В. Указ. соч. С. 107–108.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 107.

Ряд авторов, в том числе И.Б. Михайловская, С.А. Касаткина, В.А. Лазарева, Ю.А. Фролов и др., полагают, что приоритет в целевых установках судопроизводства с изменением соответствующих норм УПК РФ изменился в сторону охраны прав личности и видят в производимых преобразованиях уголовно-процессуального закона, следуя терминологии И.Б. Михайловской, признаки формирования нового процесса «охранительного типа»¹. В.А. Лазарева указывает, что «тезис о борьбе с преступностью как цели уголовного процесса мог существовать лишь в условиях инквизиционного, т.е. несостязательного, процесса... Говорить о том, что суд стремится к той же цели, что и органы уголовного преследования, – значит отрицать не только идею разделения процессуальных функций и состязательность уголовного судопроизводства, но и независимость суда как органа самостоятельной (суверенной) судебной власти, т.е. посягать на конституционные основы Российского государства»².

Точка зрения других авторов по вопросу о целях и задачах российского уголовного процесса иная. Ю.К. Орлов, например, указывает, что цели уголовного процесса остались прежними – привлечение к уголовной ответственности виновных, назначение им справедливого наказания, возмещение ущерба потерпевшему³. А.Б. Соловьев полагает, что задача борьбы с преступностью является первоосновой уголовного судопроизводства, так как оно «порождено необходимостью борьбы с преступлениями, а значит, и с преступностью в целом предусмотренными законом способами»⁴. А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло утверждают, что

¹ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма)... С. 33.

² Лазарева В.Л. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова... С. 105.

³ Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе... М., 2009. С. 7.

⁴ Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006. С. 143.

«основная задача любого уголовного судопроизводства – раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, а также установление истины по делу и принятие на этой основе правильного и справедливого решения»¹.

Нет единства мнений и по вопросу о месте состязательности в современном российском уголовном процессе, причем суждения высказаны полярные – от полной поддержки и одобрения, до категорического неприятия, нет единства даже по вопросу, чем же является состязательность – принципом, началом, методом познания и т.д.²

Как указывали И.В. Михайловский и И.Я. Фойницкий, всякий уголовный процесс развивается в социуме, вбирает в себя те или иные положения и идеи, являясь «продуктом исторических наслоений»³.

Известно, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не содержал положения о задачах и назначении уголовного судопроизводства в целом, устанавливая, как и Учреждение Судебных Следователей 1860 г., обязанность познающего выявлять и оправдывающие, и уличающие обвиняемого доказательства, а также определял порядок «обличения» виновных в совершении преступления лиц. Применительно к судебному разбирательству УУС содержал ст. 612, 613 УУС, устанавливающие, что председательствующий в судебном заседании «должен предоставлять каждому подсудимому

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 24.

² Петрухин И.Л. Теоретические основы реформирования уголовного процесса в России... С. 11–13; Он же. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 131; Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление... С. 47–49; Комарова Н.А., Лукашевич В.З. Принцип состязательности и равноправия сторон должен быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве // Правоведение. 2001. № 4. С. 157; Пашин С.А. Проблемы доказательственного права... С. 312; Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 60.

³ См., например: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 1. С. 352.

всевозможные средства к оправданию», а также «направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины»¹. Не было в законе и отдельного раздела, посвященного принципам судопроизводства, основополагающие начала уголовного процесса, к которым относились публичность, необходимость открытия истины, непосредственность, устность, гласность, состязательность судебного разбирательства, рассматривались применительно к судебному разбирательству уголовного дела, и их содержание раскрывалось в соответствующем разделе². В соответствии со ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. «задачами уголовного судопроизводства» указывались «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы ни один виновный не избежал ответственности и наказания и ни один невиновный не был необоснованно привлечен к уголовной ответственности и осужден». В качестве принципов уголовного судопроизводства были закреплены неприкосновенность личности, жилища, охрана личной жизни и тайна переписки, равенство прав граждан перед законом и судом, гласность судебного разбирательства (ст. 11, 12, 17, 18 УПК РСФСР)³.

Имеются ли основания утверждать, что какие-либо задачи были определены в прошлом неверно, и говорить о том, что тип российского уголовного процесса после нормативного закрепления в числе его принципов состязательности и нормативного же деления участников уголовного процесса на стороны обвинения и защиты изменился? Правомерен ли тезис, что борьба с преступностью в российском обществе после исключения соответствующей нормы из уголовно-процессуального закона перестала быть задачей российского общества (а также задачей уголовного процесса)?

¹ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1864. Гл. I, IV.

² Там же.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : закон от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Нам представляется, что нет; любое государство любого типа построения уголовного процесса посредством использования механизмов уголовного судопроизводства решает ряд задач, в том числе борется с преступностью и защищает права как обвиняемых, так и лиц, потерпевших от преступления и т.д.

Уголовный процесс – сложная многокомпонентная система, развивающаяся под влиянием общества; реформировать (изменять) уголовный процесс возможно только комплексно, системно.

Уместно сказать и о том, что если в уголовно-процессуальном законе того или иного государства не закреплены какие-либо положения, наличие которых предопределено типом процесса, либо, напротив, если закон содержит какие-либо нормы, не имеющие механизма их реализации и не отвечающие типу уголовного судопроизводства, это значит лишь, что данный нормативный акт не отражает реально имеющихся правоотношений и построен без учета типовых закономерностей уголовного процесса этого государства.

Посмотрим на положения общей части уголовно-процессуального закона о делении участников российского уголовного процесса на стороны¹. Предположение, что это «юридическая фикция», сознательное допущение, условность, введенная законодателем для того, чтобы еще больше повысить состязательные начала судопроизводства, а также некоторым образом «легализовать» имеющийся до настоящего времени «обвинительный уклон» в деятельности органов предварительного расследования, вряд ли верно, так как состязательность провозглашена одним из приоритетов при проведении реформ. При этом существует реальная опасность, что деление субъ-

¹ О типологических противоречиях УПК РФ см.: Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51–61; Азаров В.А. Функциональное содержание предварительного уголовного производства и судебный контроль // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2004. С. 121–127.

ектов уголовного процесса на стороны может повлечь устранение органов расследования от выявления смягчающих обстоятельств, от установления обстоятельств, свидетельствующих в пользу лица, подвергаемого уголовному преследованию, вызвать иллюзию, что раз есть защитник, выполняющий функцию защиты, то защита – сугубо его деятельность и следователь призван лишь обвинять.

Подход к доказыванию, что очевидно, остался, применительно к общему порядку, прежним. Статья 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относит, как и прежние нормы УПК РСФСР, в частности, ст. 68 УПК РСФСР, помимо прочего, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие наказание (в тексте закона порядок их перечисления обратный), которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Частью 1 ст. 74 УПК РФ к доказательствам отнесены любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ собрание доказательств осуществляется в порядке уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Новацией является и ч. 3 ст. 86 УПК РФ, устанавливающая, что защитник вправе собирать доказательства путём: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

В пункте 1 ч. 3 ст. 53 УПК РФ указано, что защитник вправе привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 кодекса (для вы-

яснения каких-либо вопросов, требующих наличия специальных знаний). Пункт 11 этой же части ст. 53 УПК РФ устанавливает, что защитник вправе использовать иные, не запрещенные кодексом средства и способы защиты, при этом законодатель не уточняет, какие способы и средства при отсутствии их процессуальной регламентации имеются в виду. В статье 87 УПК вновь закреплено, что проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путём сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство, о защитнике в данной норме не упоминается. Но если защитник собирает доказательства, почему он не указан в ст. 87 УПК РФ субъектом их проверки? Подобное положение закона было бы логичным; участвуя в судебном заседании, нельзя не проверять тех сведений, которые предоставлены процессуальным противником. Именно для этого, помимо прочего, защитник наделен полномочиями по заявлению ходатайств о собирании доказательств (производимом в том числе и в целях проверки ранее собранных), о допросе свидетелей, полномочиями по предоставлению предметов и документов следователю и суду.

Нормы УПК РФ хотя и ориентируют на установление смягчающих обстоятельств, обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 73 УПК РФ), не обязывают орган расследования объективно закреплять получаемые сведения. Статья 166 УПК РФ, к примеру, как и прежняя норма ст. 102 УПК РСФСР, предъявляет требования к содержанию протокола следственного действия, предписывая соблюдать права и обязанности участвующих в деле лиц. Как и в ст. 102 УПК РСФСР, в ст. 166 УПК РФ не содержится требование объективно фиксировать всю обнаруженную информацию. В УПК РСФСР, где имелась ст. 20 УПК и иные нормы, предписывающие объективно, беспристрастно выявлять все обстоятельства, как оправдывающие, так и уличающие обвиняемого, без подобного уточнения

можно было обойтись; в новом же уголовно-процессуальном законе России указание на объективность и всесторонность расследования было бы вполне уместным. Очевидно, что защитник, даже при декларированном равенстве, в континентальном процессе, не альтернатива должностному лицу органа расследования; норм о допустимости, относимости доказательств, требования соблюдения процессуальной формы при собирании доказательств законодатель не отменил, да и не мог этого сделать в рамках российского процесса. Ситуация парадоксальная: провозгласив равенство прав сторон и состязательность процесса, законодатель, введя норму ч. 3 ст. 86 УПК РФ, но не предоставив защитнику возможности самостоятельно фиксировать полученные сведения и даже эффективно влиять на собирание доказательств органом расследования, одновременно еще и снимает с обвинителя (если это следователь) обязанность объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Представляется, законодатель не должен «раскачивать» основы процесса, создавать возможности для неоднозначного толкования норм УПК. Так, В.Н. Чаплыгина указала, что «трактовка “следователь – сторона обвинения” вступает в противоречие с принципами уголовного судопроизводства, перечисленными в гл. 2 УПК, а также с гл. 18 УПК, в которой реабилитация называется одной из задач уголовного судопроизводства»¹. В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева считают, что «при однозначном наделении следователя функцией уголовного преследования принципы, содержащиеся в ряде статей УПК РФ и устанавливающие, что следователь обязан охранять права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе, становятся не более чем декларацией»². Л.В. Головкин, критикуя законодателя, предложил три возможных

¹ Чаплыгина В.Н. О процессуальной функции следователя по УПК России (в порядке постановки проблемы) // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 370.

² Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006. С. 118.

варианта поведения следователей. В первом случае следователи, не считая себя лишь «уголовными преследователями», будут добровольно выполнять требования ст. 73, 85–87 и др. УПК, в этом случае они нарушат предписания ч. 2 ст. 15 УПК РФ, во втором начнут действовать с позиции только обвинителей, как это закреплено в ст. 15 УПК, тогда их действия будут противоречить нормам о необходимости выявлять обстоятельства, устраняющие преступность деяния, смягчающие обстоятельства и т.д., т.е. противоречить нормам, регулирующим доказывание. Третий вариант заключается в том, что одни следователи будут действовать с позиции обвинителя, другие же продолжат производить объективное исследование обстоятельств дела¹.

Что касается процессуального положения прокурора, также вполне ясно, что в России это не тот обвинитель, какой действует в англо-американском уголовном судопроизводстве. Объемы работы и ее цель не предполагают исчерпывающего исследования данного вопроса², поэтому мы останавливаемся лишь на принципиальных, на наш взгляд, и наиболее очевидных моментах. Если взглянуть на нормы УПК РФ, регламентирующие права и обязанности прокурора, очевидно, что его полномочия также во многом совпадают с теми, которые ранее были закреплены в УПК РСФСР; это не только обвинитель, но еще и орган, призванный обеспечивать законность уголовного преследования. Согласно ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор, помимо прочего, уполномочен (более удачной представляется формулировка «обязан») проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законода-

¹ Головки Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права... С. 55.

² Халиулин А.Г. Прокурор в современном уголовном процессе России // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 113–118.

тельства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия; отстранять дознавателя от расследования, если им допущено нарушение требований кодекса; возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых. Согласно ч. 3 этой же статьи прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность, а ч. 4 ст. 37 УПК РФ предоставляет ему право «в порядке и по основаниям, которые установлены... Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования», но не просто так, по своему усмотрению, а «с обязательным указанием мотивов своего решения». То есть конструкция данной части современного уголовно-процессуального закона также является континентальной, ориентированной на установление фактических обстоятельств, а не на то, чтобы «выиграть процессуальный спор», что не может не приветствоваться.

Если даже орган, производящий предварительное расследование, отнесен, как в УПК РФ, к стороне обвинения, это не свидетельствует о том, что на участника судопроизводства, тем более действующего от имени государства, не возлагается каких-либо обязанностей, органично вытекающих из природы осуществляемой им деятельности.

Что касается суда, то если рассматривать вопрос о его активности в *исследовании доказательств*, становится ясно, что общий, «обычный» порядок судебного разбирательства, закрепленный в нормах УПК РФ, в основных чертах несущественно отличается от норм УПК РСФСР, действующего в последние годы, и фактически повторяет их. Согласно положениям ст. 287–290 УПК РФ суд может инициировать и провести осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, согласно ст. 283 УПК РФ он также вправе назначить судебную экспертизу, в том числе и по своей инициативе. Вместе с

тем в соответствии с положениями УПК РФ суд ограничен в *собирании доказательств*, в УПК РФ не закреплено право суда на вызов свидетелей по своей инициативе, возможность истребования судом каких-либо документов и сведений в подтверждение или опровержение каких-либо обстоятельств и т.д.

Известно, что ч. 4 ст. 276 УПК РСФСР, посвященной порядку разрешения ходатайств, действовавшей до принятия УПК РФ, было установлено, что суд вправе, независимо от того, заявлено ли ходатайство, вынести определение о вызове новых свидетелей, назначении экспертизы, истребовании документов и других доказательств. Кроме того, при недостаточности доказательств согласно ст. 232 УПК РСФСР суд имел возможность в целях устранения неполноты доказательств направить (возвратить) дело прокурору для производства дополнительного расследования. В настоящее время УПК РФ не позволяет судье ни возвратить уголовное дело, по которому расследование произведено некачественно, прокурору, ни заставить эффективно работать участников уголовного судопроизводства, поделенных на «равноправные» стороны.

Если говорить о «чистой теории», отметим, что нас тоже вдохновляет идея о полной независимости и беспристрастности суда. Но для этого необходимо, чтобы в распоряжение уголовного суда была представлена исчерпывающая совокупность допустимых, относимых доказательств. Иными словами, для качественного правосудия необходимо, чтобы должностные лица прокуратуры и органов предварительного расследования, а также адвокаты-защитники, качественно, добросовестно и профессионально выполняли свои обязанности. Но всегда ли это мы видим на практике?

Со стороны отечественного законодателя, при декларируемых им задачах и применяемых конструкциях, в целом было бы логично повышать качество предварительного расследования. В реальности же происходит иное: следователь официально провозглашен УПК обвинителем, которому не предписано производить расследование объективно и всесторонне, в 2009 г. фактически уничтожен

прокурорский надзор за следствием (а безнадзорность и отсутствие контроля не могут положительно влиять на работу ни одного органа и должностного лица), назван инквизиционным и полностью дискредитирован институт дополнительного расследования уголовного дела в связи с неполнотой расследования и т.д.

Вместе с тем можно утверждать, что в отношении рассмотрения дел в общем порядке УПК РФ воспринял положения, присущие УПК РСФСР 1960 г. и характерные для континентального типа процесса. Современный российский уголовный суд, как и ранее, при рассмотрении дела в рамках общего порядка ориентирован на вынесение справедливого, обоснованного решения, требования к приговору изложены в ст. 302–309 УПК РФ, при этом согласно ч. 4 ст. 302 УПК «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств».

Сокращенная, упрощенная процедура рассмотрения дела, «особый порядок», регламентации которой посвящена глава 40 УПК РФ, построена на иных, чем закреплено в ст. 297, 299, 302 УПК РФ, подходах; здесь суду, согласно действующим нормам УПК, не предписано выяснять истину, основанием же для рассмотрения дела в особом порядке служат признание обвиняемым своей вины и согласие с сокращенной процедурой обвинителя и потерпевшего¹.

Из вышесказанного следует вывод, что основные признаки, «типовой каркас» уголовного процесса России остался прежним, смешанным, континентальным, поскольку в нем до настоящего времени прослеживаются все типологические признаки континентального процесса. К основным типологическим характеристикам (свойствам) современного российского процесса применительно к нашему исследованию надлежит отнести следующие:

¹ Подробно данные вопросы рассматриваются в главе 3 монографии.

1. Присущие континентальному (смешанному) типу уголовного процесса принципы. Указание в их числе принципов состязательности, а также внедрение процедур судебного обжалования действий органов предварительного расследования, прокурора и суда, изменение порядка судебного следствия и ряд других изменений хотя и расширили действие состязательности в уголовном процессе России, однако не изменили природу российского уголовного процесса. Действие принципа состязательности по-прежнему носит ограниченный характер, реализация данного принципа происходит, как и ранее, в основном на судебных стадиях.

2. Характерные для континентального уголовного судопроизводства задачи и целевые установки. Несмотря на расширение прав личности, они также остались прежними, ориентированными на сочетание интересов государства, общества и личности, с традиционным преобладанием общественного интереса. Целью доказывания как важнейшей подотрасли уголовного процесса по-прежнему является выяснение реальной картины произошедшего, о чем свидетельствует анализ норм доказательственного права общей части УПК РФ. Назначением российского уголовного процесса, помимо охраны прав личности и защиты законных интересов юридических лиц, являются защита интересов государства и общества, обеспечение его стабильности и развития.

3. Сочетание различных процессуальных функций в деятельности органов и должностных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями. Общий характер деятельности участников уголовного процесса в современном российском процессе не изменился, его функциональное содержание осталось прежним, присущим континентальному уголовному процессу, о чем свидетельствуют сохранение органами расследования и прокурором основного объема характерных для их деятельности полномочий, а также выполнение различных функций в деятельности.

4. Подход к уголовно-процессуальному доказыванию в уголовно-процессуальном законе как к деятельности, осуществляющейся гос-

ударственными органами, производящейся в жесткой процессуальной форме. Данное свойство также осталось прежним, не обладающие властно-распорядительными полномочиями участники процесса принимают в доказывании «участие», выявляя источники доказательств и получая предметы, документы и сведения, которые могут получить оформление в качестве доказательств после их процессуального закрепления органом расследования или судом. Соответственно, органы предварительного расследования и суд на досудебных и судебной стадии по-прежнему рассматриваются в качестве «хозяев процесса», определяющих направление расследования и движение дела, для деятельности которых характерна строгая процессуальная форма и детальная регламентация обязанностей.

5. Преимущественное, большее, чем в состязательном (англо-американском) судопроизводстве, применение императивного метода регулирования и меньшее применение диспозитивного метода, предполагающее меньшую возможность дискреции.

6. Активная роль суда в процессе доказывания, полномочия суда, закрепленные в УПК РФ, наряду с дискреционными полномочиями председательствующего судьи служат цели установления реальных обстоятельств деяния. Роль суда применительно к обычным процедурам за время реформы существенно не изменилась, при рассмотрении уголовного дела в общем порядке в процессе исследования доказательств суд осуществляет практически те же полномочия, что и по УПК РСФСР.

7. Наличие характерного для континентального уголовного судопроизводства стадийного строения. В этой части уголовное судопроизводство РФ принципиальных изменений также не претерпело, уголовный процесс России по-прежнему характеризуется наличием как судебных, так и досудебных стадий, одной из важнейших, как и прежде, является стадия предварительного расследования.

1.3. Пределы изменения уголовного судопроизводства Российской Федерации

Известно, что реформа уголовного судопроизводства в Российской Федерации до настоящего времени не завершена, в связи с чем вопрос о пределах реформирования, о требованиях, предъявляемых к преобразованиям, выполнение которых позволит обеспечить эффективность уголовного процесса, является чрезвычайно актуальным.

При утверждении Концепции судебной реформы, внесенной на рассмотрение Верховного Совета РСФСР в 1991 г., в качестве важнейших ее направлений рассматривались, помимо прочих, организация судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого, а также дифференциация форм судопроизводства¹. Совершенствование уголовного процесса прямо связывалось с обеспечением независимости суда, с необходимостью повышения роли защиты в доказывании, а также с упрощением судопроизводства по очевидным делам. Ставилась задача сделать уголовный процесс России более состязательным, искоренить обвинительный уклон, эффективно защитить права личности².

Для того чтобы выяснить, насколько жизнеспособны те или иные новации, следует посмотреть, в каких пределах возможно изменение уголовного судопроизводства Российской Федерации, а также выяснить, чем определяется возможность внедрения в уголовный процесс тех или иных механизмов, ранее в нем не имевшихся.

Очевидно, что термины «реформирование» и «совершенствование» – не синонимы, однако реформирование уголовного судопроиз-

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² Концепция судебной реформы в РСФСР: прил. к постановлению ВС РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

водства, если оно проводится с целью сохранения и укрепления государственности, должно иметь задачей именно его улучшение. Законы, нормативные акты вводит и изменяет государство, оно, с одной стороны, распространяет на него свой авторитет мощнейшего политического образования, обладающего разветвленной системой органов и силой государственного принуждения, с другой – принимает на себя и ответственность за нормотворчество, именно государство, власть, несет неблагоприятные последствия и является адресатом критики закона и неприятия его в обществе.

Исследователями, изучавшими вопросы изменения российского законодательства в постсоветский период развития, указывалось, что в связи со сменой государственного и общественного строя и изменением ценностных ориентиров общества в Российской Федерации при осуществлении правотворчества отмечается широкое заимствование иностранного правового материала¹.

При характеристике такого заимствования обычно используют термины «рецепция» и «трансплантация». По мнению В.И. Червонюка, рецепцией является прямое и непосредственное заимствование нормативного материала, заключающееся в том, что одна правовая система инкорпорирует в свой состав нормативные комплексы другой (отрасль права, законодательства, крупный законодательный акт, институт права)². А.Ф. Черданцев рассматривает рецепцию как инкорпорирование крупных блоков другой правовой системы в правовую систему страны-заимствователя³. В.А. Рыбаков под рецепцией понимает заимствование и переработку, под трансплантацией – практический перенос принципиально важных правовых норм и моделей в рамках одной или разных социально-экономических систем⁴. Ю.А. Тихомиров в понятие «транспланта-

¹ Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы. Омск, 2009. С. 225–227.

² Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2006. С. 265.

³ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 410.

⁴ Рыбаков В.А. Указ. соч. С. 21–23, 58–59.

ция» вкладывает негативный смысл, указывая, что «юридическая трансплантация неизбежно приведет к чуждым для конкретной правовой системы актам и нормам и их последующему отторжению»¹.

Теоретиками права в ходе сравнительного изучения современного российского законодательства отмечается, что начиная с 90-х гг. XX в. Российское государство заимствовало многие положения из законодательства европейских стран. В.А. Рыбаков, например, указал, что партийная система РФ и институт президентства в РФ построены по образцу партийной системы Французской Республики, а Конституция РФ воспроизводит многие положения Конституции ФРГ 1949 г. В частности, автором обращено внимание на то, что ст. 18 Конституции РФ напоминает более широкую редакцию абз. 3 ст. 1 Основного закона ФРГ, а гл. 2 Конституции РФ воспроизводит положения международных договоров и хартий. Отмечено автором и то, что в РФ создан институт судебного конституционного контроля по образцу ФРГ, а образованный в 1991 г. Конституционный Суд по компетенции похож на свой аналог в ФРГ, который осуществляет контроль за конституционностью законов, разрешает споры о компетенции, федеральные конфликты по вертикали, рассматривает конституционные жалобы граждан, проводит проверку конституционности деятельности политических партий².

В литературе нет исчерпывающего ответа на вопрос о пределах реформирования и, в частности, о пределах рецепции, заимствования каких-либо положений, не присущих национальной системе права. Очевидно, что данный вопрос чрезвычайно сложен не только применительно к правовой системе государства в целом, но и к отдельным отраслям права.

Изменение общественных отношений в РФ, произошедшее с распадом СССР, обусловило и необходимость усовершенствования, реформирования уголовного судопроизводства.

¹ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 55–56.

² Рыбаков В.А. Указ. соч. С. 249–251.

Вспоминается ставшее хрестоматийным высказывание С.А. Шейфера о том, что для развития системы методов доказывания должна иметься «потребность практики в новом познавательном приеме»¹. Правильно утверждать, что для реформирования уголовно-процессуального законодательства в целом также необходима потребность в этом общества. Действительно, УПК РСФСР к началу 90-х гг. XX в. не в полной мере отвечал изменившимся общественным отношениям, обществу необходимы были преобразования, прежде всего касающиеся расширения прав граждан, закрепления гарантий реализации этих прав. Потребность в реформировании системы законодательства и в частности в изменении многих положений уголовно-процессуального законодательства, таким образом, имелаась.

Основное внимание при изменении уголовно-процессуального закона было уделено тому, что ранее оставалось вторичным, – правам и свободам личности. В результате, как известно, в уголовно-процессуальное законодательство РФ были введены нормы о судебном контроле на стадии предварительного расследования; изменены некоторые институты уголовного процесса, в частности, принципиально по-иному по сравнению с УПК РСФСР решается вопрос избрания меры пресечения в виде заключения под стражу; на иных, нежели прежде, подходах построен институт обжалования и т.д.

Вместе с тем преобразования, как представляется, не всегда учитывали объективные закономерности и особенности построения российского уголовного процесса.

В связи со сложностью и многогранностью проблемы пойдем от обратного, от того, чего законодатель, имея целью обеспечение стабильности и правопорядка в обществе, не должен делать.

Вначале обратимся к соотношению права и законодательства. В процессуальной литературе советского периода преобладал взгляд на право как на продукт, производимый государством, тео-

¹ Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 97–106.

рия права любую отрасль советского права рассматривала как систему правовых норм, регулирующих ту или иную часть, отрасль права, при этом традиционно указывалось, что правовая норма – это формально-определенное, общеобязательное правило поведения, установленное государством, исполнение которого обеспечивается силой государственного принуждения¹. Учеными, изучавшими вопросы уголовного процесса, понятия «уголовно-процессуальное законодательство» и «уголовно-процессуальное право» также фактически отождествлялись².

В настоящий период выделяется три точки зрения на сущность права³. Нас интересует взгляд на право как на систему мер социальной справедливости. Право, как считается, в отличие от закона всегда нравственно, поскольку оно формируется как социальный феномен, как система представлений человеческого социума об основных категориях человеческого бытия, о справедливости⁴. Не все нормы, закрепленные в любом законе, в том числе и в уголовно-процессуальном, являются правовыми. Неправовой характер нормы, в частности, может проявиться в противоречии установленного и закрепленного государством в законе правила поведения требованиям справедливости, нравственности, морали. К примеру, акты, принимаемые в СССР в период массовых репрессий, ориентированные

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 81; Он же. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Сов. государство и право. 1971. № 3. С. 46.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 103–122.

³ Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2004. С. 6–10.

⁴ Монтескьё Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 73–77; Локк Д. О государстве. М., 1947. С. 4–13; Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 89–94; Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 44–46. (Как известно, сторонниками подобных воззрений с некоторыми вариациями являлись Д. Локк, И. Кант, Ш. Монтескьё, среди российских процессуалистов – И.В. Михайловский, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Полянский и др.)

на сворачивание процессуальных гарантий для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по отдельным статьям, закрепляющие упрощенные порядки производства по уголовному делу (например, принятие решения о виновности и мере наказания так называемыми «тройками» из работников НКВД вместо суда), являлись явно неправовыми.

Вышеизложенное выдвигает для законодателя, для лиц и социальных групп, формирующих и изменяющих уголовно-процессуальный закон, общее принципиальное требование – закон должен быть правовым, т.е. его нормы не должны противоречить представлениям гражданского общества о справедливости и нравственности. В частности, законодатель не должен поощрять явлений, к которым исторически в обществе сложилось отрицательное отношение, либо, декларируя какие-либо положения, закреплять нормы, имеющие фактически обратное значение и препятствующие реализации провозглашенных задач. Данное требование можно условно назвать «правовым пределом» и оно применимо к уголовному судопроизводству любого государства любого типа. К примеру, в период дискуссий о возможности закрепления в УПК РФ сокращенных способов разрешения уголовных дел судом, в частности при обсуждении концепции, впоследствии реализованной в УПК РФ, И.Л. Петрухин высказал мнение о безнравственности института соглашений, указав, что «переговоры о сделках унижат следователя, поскольку ему придется вести торг (другого слова не подберу) с преступником, отчасти признающим свою вину в обмен на смягчение наказания»¹.

Представляется также, что реформирование уголовно-процессуального законодательства, происходящее путем нормотворчества, не должно подрывать основ процесса, его фундаментальных положений. Иначе говоря, при реформировании не должны игнорироваться типологические характеристики уголовного судопроизводства, его назначение, цель, основные положения теории доказы-

¹ Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35.

вания, стадийное строение процесса, комплекс взаимных, сбалансированных прав и обязанностей его участников, находящихся выражение в направлениях их деятельности, и т.д. Данное требование можно определить как «типологический предел».

Возможно определить и предел, условно названный конструктивным, или методологическим, системным. Реформирование уголовного процесса, заключающееся в основном в изменении и дополнении длительное время использовавшихся положений российского уголовного процесса нормами и институтами, ранее ему не присущими, должны быть объединены общей методологией и не нарушать стройности, логической взаимосвязи и обусловленности процессуальных норм и институтов. Российское уголовное судопроизводство характеризуется собственной системой «сдержек и противовесов», собственными органично присущими ему и также сложившимися исторически механизмами сбалансированности процесса. При реформировании логично, чтобы процесс оставался сбалансированным, иначе говоря, если мы добавляем, к примеру, какому-либо участнику процесса какие-либо права, то мы должны подумать и о том, как их обеспечить, и в особенности о том, как они отразятся на правовом статусе иных субъектов. Изменение одной части уголовного процесса зачастую влечет необходимость изменения и иных его частей, необходимость поиска механизма, который «сбалансирует», «уравновесит» процесс.

Предлагаемые пределы реформирования уголовного процесса, за исключением «правового предела», достаточно условны. Требования, предъявляемые обществом к реформированию, логически взаимосвязаны и взаимообусловлены, например, игнорирование принципов процесса может выражаться в неверном подходе к построению какого-либо института процесса и т.д.

Приведем некоторые примеры как допустимых, так и нежелательных, на наш взгляд, преобразований.

Известно, что согласно норм УПК РФ избрание меры пресечения в отношении обвиняемого в виде заключения под стражу осу-

ществляется судом по ходатайству органа расследования, поддержанного прокурором (ст. 108 УПК РФ), в то время как ранее, согласно нормам ст. 90 УПК РСФСР, заключение гражданина под стражу производилось органом расследования с санкции прокурора. В данном случае, как представляется, реформирование части российского уголовного судопроизводства было произведено с соблюдением его пределов. Так, принятие решения о заключении под стражу происходит в условиях гласного судебного разбирательства, с заслушиванием мнения участников уголовного судопроизводства и при наличии повышенных (по сравнению с УПК РСФСР 1960 г.) процессуальных гарантий. Определенные проблемы, возникающие в связи с передачей указанной деятельности в сферу судебного контроля – формирование обвинительной установки у судьи, затруднительность соблюдения срока рассмотрения жалоб на меру пресечения судом второй инстанции и др., – имеются, но они преодолимы.

Не вызывает возражений и расширение прав участников уголовного судопроизводства, не обладающих государственно-властными полномочиями, – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика – на доступ к правосудию, на расширение возможностей по обжалованию действий органа расследования и прокурора и т.д. там, где это вызвано логикой и необходимо в целях скорейшего устранения возможного нарушения их прав.

Известно также, к примеру, что в УПК РФ отсутствует формально закрепленная стадия предания суду, содержащаяся в УПК РСФСР, однако это не является критическим фактором, не позволяющим достичь задачи судопроизводства, хотя и доставляет в ряде случаев определенные неудобства. Стадийное построение процесса, во многом обусловленное конструкцией доказательственного права, имеет важнейшее значение, каждый этап при идеальном варианте необходим, он имеет свои задачи, от решения которых зависит правильность разрешения уголовного дела, кроме того, при движении дела от стадии к стадии происходит накопление информации, развитие информационных связей. Вместе с тем очевидно,

что применительно к типу российского уголовного процесса важнейшее значение имеет деление его стадий на досудебные и судебные, а оно осталось прежним, континентальным, задачи же, которые решались на стадии предания суду, были перераспределены, «сдвинуты» либо на предыдущий этап, либо на стадию судебного разбирательства.

Этапы движения уголовного дела требуют определенного времени, однако бесконечно производить расследование либо рассматривать дело в судебном заседании нельзя, в судопроизводстве участвует множество лиц, права которых затрагиваются, важнейшие из них – обвиняемый (подозреваемый, подсудимый) и потерпевший. Это предопределяет необходимость поиска баланса, установление срока судопроизводства, считающегося «разумным». С одной стороны, органы предварительного расследования должны иметь возможность надлежащим образом произвести предварительное расследование, предприняв все возможные меры для выяснения истинных обстоятельств уголовного дела, с другой стороны, участникам судопроизводства, не имеющим властно-распорядительных полномочий, необходим механизм защиты их прав. Сокращать или удлинять сроки расследования без разумных оснований нельзя, вряд ли оправданно, к примеру, предоставлять лицу право обжалования постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹, поскольку орган расследования должен располагать временем и возможностью произвести досудебное следствие. Значит, и в данном случае необходим определенный баланс: с одной стороны, следует соблюдать разумные сроки расследования и обеспечивать права участников судопроизводства, с другой – делать это таким образом, чтобы не пострадало качество расследования.

Примером неудачного реформирования, на наш взгляд, являются нормы гл. 40 и 40.1 УПК РФ, закрепившие «альтернативные»

¹ Якимович Ю.К. Необходимость и содержание дифференциации уголовного процесса // Правовые вопросы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2001. Вып. 7. С. 8.

общему, обычному порядку упрощенные способы разрешения уголовного дела судом. Подробный анализ их положений изложен в следующих частях работы, в данном разделе уместно упомянуть о том, что при использовании норм данных институтов имеется риск недостижения цели российского уголовного процесса, его задач, допускается игнорирование его важнейших принципов, дается неверная трактовка функционального содержания деятельности его участников.

Представляется важным сказать также о следующем. Отличие любой социальной науки от точных наук заключается в используемых методах проверки ее результатов. Если точная наука оперирует теоремами, аксиомами, использует методы математического анализа и т.д. и результат ее исследований можно проверить путем математических расчетов, то выводы и результаты социальных наук в значительно меньшей степени проверяемы объективными способами. Вместе с тем и социальные науки характеризуются наличием определенных аксиом и постулатов, пусть и не столь очевидных, но, тем не менее, существующих объективно.

Уголовный процесс – сложное многокомпонентное явление, система, стремящаяся к стабильности. Помимо прочего, данное образование, носящее социальный характер, обладает и огромной инерцией. Даже при нарушении основных требований, принципов процесса, неэффективном использовании не присущих ему норм и институтов оно способно функционировать еще длительное время, при этом проблемы, возникшие при таком «реформировании», будут загнаны вглубь, участники судопроизводства и государственные органы, вынужденные действовать в новых условиях, если они не будут соответствовать социальным реалиям, будут искать «лазейки», возможности обойти предписания, ломающие установленный порядок, однако подобное «раскачивание» процесса, если оно происходит длительное время, может быть губительно для общества и государства.

Уголовный процесс государства складывается под влиянием исторических условий его развития, различны законодательные и

правовые обычаи и традиции государств, менталитет населения, его отношение к власти, к личным и общественным интересам, представления о должном и необходимом поведении и т.д. Различно даже представление о том, каким образом должно осуществляться доказывание, что является доказательством, как его следует формировать и закреплять. Отличается стадийное построение уголовного судопроизводства государств, система «сдержек и противовесов», механизмы обеспечения сбалансированности процесса, применяемые в том либо ином государстве.

Представляется, что для качественного реформирования уголовного судопроизводства, без чего невозможно его эффективное функционирование, нужен верный взгляд на его типологию.

Для иллюстрации приведем пример. Известно, что в научной литературе в качестве признаков стадии предварительного расследования, характерной для российского уголовного процесса, называются ее линейный, розыскной характер, наличие лишь «отдельных элементов» состязательности, отсутствие «треугольника», «триады» субъектов, осуществляющих в процессе три основные функции – обвинения, защиты и разрешения дела по существу¹. Поскольку защита в России советского периода развития была стеснена в своих правах, предложений по реформированию уголовного процесса в сторону расширения ее полномочий при подготовке УПК РФ было высказано немало: от предоставления адвокату и обвиняемому (а равно и потерпевшему) права проведения «параллельных расследований» до создания «независимого» органа, который вместо нынешнего следователя будет заниматься сбором доказательств на данной стадии как «в интересах обвинения, так и защиты»².

¹ Давлетов А., Юсупова Л. Правомочия защитника по собиранию доказательств в современной модели уголовного процесса России // Уголовное право. 2009. № 3. С. 69; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 214.

² Проект УПК РФ, разработанный ГПУ Президента РФ // Российская юстиция. 1994. № 9; Воскресенский В., Корневский Ю. Состязательность в уголовном

После принятия УПК РФ некоторые правоведы, указывая, что поскольку в ч. 3 ст. 86 УПК РФ законодатель провозгласил, что защитник «собирает доказательства», а также определил способы такого собирания (истребование справок, опрос лиц с их согласия и др.) и указал, что его результаты следует трактовать как доказательства, подлежащие приобщению к делу, предложили пойти еще дальше – путем совершенствования соответствующих процессуальных форм предоставить защитнику средства фиксации собранных им сведений¹. Поскольку следователь, в свою очередь, согласно УПК РФ был отнесен законодательно к стороне обвинения и вроде бы не обязан производить расследование полно, всесторонне и объективно, были выдвинуты предложения и по улучшению его деятельности: к примеру, было предложено обязать следователя удовлетворять все ходатайства защитника, направленные на собирание доказательств, что должно «открыть реальную возможность с соблюдением надлежащей процессуальной формы и гарантий достоверности собрать доказательства, которые хотел бы получить защитник»². Высказывались и иные предложения: например, В.В. Николюк и Ю.В. Деришев, полагая, что предварительное следствие в РФ с принятием УПК РФ превращается в «прокурорское дознание», считают необходимым вернуться к трактовке фигуры следователя как «следственного судьи»³.

процессе // Законность. 1995. № 7. С. 10; Сазонов В. Нужен ли следственный судья // Сов. юстиция. 1993. № 5. С. 1; Махов В.Н. О месте и роли предварительного следствия в уголовном процессе Российской Федерации // Проблемы уголовного судопроизводства: сб. науч. тр. Москва; Кемерово, 1998. С. 83–89.

¹ Лазарева В.А. О доказательствах, их допустимости и способах собирания // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола / отв. ред. И.Ф. Демидов. М., 2004. С. 131–132.

² Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 154, 156–158; Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 21; Давлетов А., Юсупова Л. Правомочия защитника по собиранию доказательств в современной модели уголовного процесса России // Уголовное право. 2009. № 3. С. 21.

³ Николюк В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. 198 с.; Деришев Ю.В. Уголов-

Представляется, в силу объективно существующих в обществе (и в уголовном процессе) закономерностей защитник (сторона защиты) нигде, ни в одной уголовно-процессуальной системе ни одного государства, не наделен равными с органами государства, производящими расследование (полицией, прокурором, следователем, «судебным следователем»), правами по собиранию доказательств на начальном этапе расследования. Даже в англо-американском процессе после появления фигуры подозреваемого и выдвижения обвинения защитник выявляет лишь «источники доказательств» и собирает «сведения», которые могут быть затем закреплены в качестве доказательств при извлечении их в судебном заседании из источников. Разница между континентальным и англо-американским уголовным процессом заключается в строении процесса, а не в том, что в англо-американском процессе, в отличие от процесса континентального, защита собирает доказательства. И защита, и органы государства собирают информацию, сведения, выявляют источники доказательств, а затем формируют процессуальные доказательства в суде. Розыск и обвинение, обеспечиваемые возможностью государственного принуждения, функции исключительно государственные. Гарантия защиты интересов обвиняемого (подозреваемого) в любой стране любого типа процесса иная: при установлении такого лица и при применении меры пресечения он имеет право пользоваться услугами адвоката, имеющего целью не допускать нарушения прав подзащитного. Лишь при предъявлении претензий, при обвинении и подозрении возможно защищаться. Для «равноправия» в собирании в том смысле, в каком его понимают некоторые исследователи, необходимо, чтобы лицо, совершившее преступление, либо лицо, которое не совершало преступления, но может быть заподозрено в преступном поведении, сразу же после совершённого (либо предполагаемого) преступления начало «собирать доказательства», свидетельствующие в пользу его невиновности или меньшей виновности, что является нонсенсом. Реали-

ное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 4–7.

зую идеи о необходимости обеспечения «треугольника» процесса на всех его стадиях, в том числе и на стадии предварительного расследования, логично было бы, помимо равных прав, возложить на обе стороны и аналогичные обязанности, однако это абсолютно невозможно, исходя из различия в их природе, назначении и задачах. Но ведь именно этим обуславливается и разность в их инструментарии; у Фемиды не может быть, образно говоря, двух мечей, защита прежде всего должна быть наделена надежным щитом.

Особенности уголовного процесса России обусловлены не изъянами юридической техники, не недостаточной разработкой наукой проблем совершенствования процессуальных форм, они вытекают из типа процесса, из порядка построения российского уголовного судопроизводства. «Расширить» (принципиально) права защиты по собиранию доказательств в уголовном процессе России можно лишь одним способом: для этого необходимо построить процесс так, как он организован в США либо Англии, т.е. вообще убрать стадию предварительного расследования, что, с учетом исторических традиций и реалий, вряд ли целесообразно и возможно.

Что касается «собирания доказательств в интересах и защиты, и обвиняемого», представляется, что на такое положение дел исторически и ориентирован континентальный, в том числе и российский, уголовный процесс. Лицо либо орган, производящий предварительное расследование, как и прокурор, как указывалось, никогда не считались в уголовном процессе континентального типа лишь обвинителями. Во французском уголовном процессе, как упоминалось, постулатом является положение, что функция защиты осуществляется не только обвиняемым (подозреваемым) и его защитником, но и государственными органами, участвующими в судопроизводстве «в общегосударственных интересах», участие защитника при этом традиционно рассматривается в качестве *дополнительной* гарантии защиты прав преследуемого лица¹. Именно так,

¹ Bergoignan-Esper C. La separation des fonctions de justice repressive. Paris, 1973. P. 14; Pradel J. Procedure penale. Paris, 1997. P. 24–29. Цит. по: Головки Л.В.

как известно, смотрел на фигуры прокурора и следователя до недавнего времени и российский законодатель. Если в уголовно-процессуальном законе не закреплены те или иные положения, наличие которых предопределено типом процесса, либо, напротив, если закон содержит какие-либо нормы, не имеющие механизма их реализации и не отвечающие типу судопроизводства, это значит одно: данный нормативный акт не отражает реальных правоотношений и построен без учета типовых закономерностей уголовного процесса государства. Если даже орган, производящий предварительное расследование, отнесен, как в УПК РФ, к стороне обвинения, это не свидетельствует о том, что на участника судопроизводства, тем более действующего от имени государства, не возлагается каких-либо обязанностей, органично вытекающих из осуществляемой им деятельности. Представляется, что совершенствовать российское уголовное судопроизводство можно лишь в рамках исторически сложившегося типа процесса (например, путем расширения прав защитника на участие в следственных действиях, на обжалование, заявление ходатайств и т.д.), попытки же изменить его типовой каркас не окажутся продуктивными.

Принципиально не то, как называется какой-либо орган государства, его должностное лицо, а также защитник обвиняемого и представитель потерпевшего, важно то, какие функции он выполняет. Пусть это будет следователь (дознатель), как по УПК РСФСР и УПК РФ, либо «судебный следователь», «следственный судья» и т.д., как в иных государствах; лицо, выполняющее от имени государства государственную функцию расследования преступления, всегда, в любой правовой системе по сути его деятельности останется (по преимуществу) следователем (дознателем). Очевидно, что функция разрешения дела, также являющаяся прерогативой государства, в данном случае производна; принять обоснованное решение субъект процесса, осуществляющий её, может лишь на основе того

материала, который собрал сам либо получил, и не ранее момента завершения такого собиранья. В этой связи представляется достаточно спорным тезис о том, что проблемы российского предварительного расследования возможно решить созданием (возрождением) института судебного следователя и передачей функции расследования от следователя СК или МВД в ведение «независимого органа»¹. Должностное лицо, производящее предварительное расследование, в Российской Федерации уже есть. С точки зрения строения процесса появление еще одного следователя, производящего расследование и собирающего доказательства («объективного судебного следователя»), выглядит нонсенсом, в этом случае государству необходимо что-то делать с прежним следователем, простое же переименование его должности либо передача в другое ведомство следственного аппарата проблемы не решит, на новой должности будет то же лицо, с тем же уровнем образования и воспитания. Если говорить о следственном суде как о суде соответствующего суда, осуществляющего судебный контроль и рассматривающего жалобы на действия органов дознания и предварительного расследования, то такая фигура в российском процессе уже тоже есть, длительное время судьи санкционируют важнейшие действия, ограничивающие права граждан, и рассматривают жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Уголовный процесс имеет свою структуру, свои закономерности, состоит из различных «кирпичиков» – составных частей, при этом информационные связи между ее составными частями характеризуются не только какой-либо «иерархией», горизонтальной или вертикальной, логически связана в единое целое и взаимообусловлена вся система процесса. Убрав либо добавив даже один «кирпичик», законодатель рискует разбалансировать все судопроизводство.

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 50–51; Воскресенский В., Корневский Ю. Состязательность в уголовном процессе // Законность. 1995. № 7. С. 10; Махов В.И. О месте и роли предварительного следствия в уголовном процессе Российской Федерации // Проблемы уголовного судопроизводства: сб. науч. трудов. Москва; Кемерово, 1998. С. 83–89 и др.

Еще одно важнейшее положение заключается в следующем. Сам по себе уголовный процесс, уголовное судопроизводство, не является изолированной системой, «вещью в себе». Судья, прокурор, следователь, защитник – члены общества и представители различных профессий, с этой точки зрения их деятельность регулируется не только уголовно-процессуальным законодательством, но и иными нормами, могущими к тому же носить не только правовой характер. К примеру, деятельность прокуроров регламентируется в РФ законом «О прокуратуре Российской Федерации», а также различными инструкциями, деятельность адвокатов-защитников – законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязательны для лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, этические нормы, нормы морали и нравственности. Требования, предъявляемые к подготовке следственных, прокурорских кадров, судейского корпуса, а также и сама их практическая реализация также оказывают влияние на уголовный процесс того или иного государства, в том числе и на степень достижения задач и целей уголовного судопроизводства в целом. Очевидно, что без подготовленных следователей нет качественного предварительного расследования, без грамотного и нравственного судейского корпуса нет эффективного правосудия и т.д. В этом нам также видится корень проблемы. Как указывал И.В. Михайловский, «для общества было бы несравненно выгоднее иметь плохие процессуальные законы и хороших судей, чем иметь образцовый кодекс в руках у плохих судей»¹. Не секрет, что в постсоветский период развития России вузовское (а равно и до- и послевузовское) образование было «реформировано» и его качество также оставляет желать лучшего.

Помимо механизмов, которые создаются законодателями для обеспечения сбалансированности уголовного судопроизводства, государствами определяются также и приоритеты защиты того или иного общественного интереса, приоритетные задачи, которые в тот или иной период ставятся перед обществом. Различие в степени защиты

¹ Михайловский И.В. К вопросу об уголовном судье. Нежин, 1899. С. 9.

какого-либо приоритета, в варьировании способов и средств такой защиты в зависимости от политической и общественной ситуации в государстве характеризует построение уголовного процесса как механизма политического. Такое различие наименьшим образом обусловлено историческими, культурными, социальными традициями, но это никак не означает, что при выборе приоритетов указанные традиции и сам тип уголовного процесса допустимо игнорировать.

Так же как норма права первична по отношению к норме закона, общество первично по отношению к государству. Марксистское определение государства как политической организации общества верно, но его можно уточнить: государство тем стабильнее, чем большее количество членов общества считает его своей политической организацией, чем полнее оно отражает интересы общества. Из этого следует, что законодатель, создавая юридические конструкции – законы, принимая нормы, должен исходить из реально существующих проблем и потребностей общества в целом. В полной мере это относится к такой важнейшей сфере, как уголовный процесс. Задача государства как политического образования – улавливать тенденции и реагировать на объективно существующие явления, изменения, происходящие в общественном развитии. Ясно, что изменения, совершенствования должны вызываться необходимостью, а не стремлением достичь каких-либо сиюминутных задач и выгод. Как выразитель общественных интересов посредством изменения, дополнения законодательства государство призвано обеспечивать стабильность общества, его развитие. Исторические периоды развития различных стран знали временные промежутки, образно называемые «оттепель», «реакция», «охота на ведьм». Применительно к России, например, известно, что изъятие отдельных категорий дел из ведения суда присяжных, являвшегося в то время прогрессивной формой судопроизводства, производимое путём изменения положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г., происходило в период нестабильности, неустойчивости политической системы, в период социальных потрясений конца

XIX – начала XX в. Напротив, УПК РСФСР 1960 г. был принят в период, называемый оттепелью; обществу, уставшему от репрессий, необходимо было реальное повышение и закрепление гарантий прав личности, вот почему восторженно были восприняты и требование неукоснительного соблюдения процессуальной формы по отношению к доказательствам, и требование достижения объективного, истинного знания.

Сформулируем некоторые выводы:

1. Уголовный процесс современных государств характеризуется закономерностями построения, которые и обуславливают достоинства и недостатки их уголовного судопроизводства. В связи с этим реформирование российского уголовного судопроизводства возможно до определенных пределов. Новации российского уголовно-процессуального законодательства не должны:

а) противоречить представлениям социума о справедливости и нравственности, поощрять явления, к которым в российском обществе сложилось негативное отношение;

б) разрушать основополагающие положения уголовного процесса, его типовой «каркас», сложившийся исторически, нарушать целостность его частей и их сбалансированность;

в) нарушать баланс, складывающийся в правоотношениях субъектов уголовно-процессуальной деятельности, устанавливать двойственность возможных форм поведения, размытость форм судопроизводства.

2. Изменения уголовного судопроизводства следует производить на основе методологии, характерной для российского уголовного процесса, при этом прежние и новые процессуальные формы и механизмы должны быть объединены единым подходом. Видоизменяя какую-либо часть уголовного процесса без учета национальной конструкции судопроизводства, законодатель рискует не только не добиться каких-либо улучшений, но и потерять то ценное, что исторически имелось в российском уголовном судопроизводстве.

Глава 2. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ И СПОСОБЫ УПРОЩЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

2.1. Причины возникновения и основания применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в уголовном судопроизводстве

Стремление к ускорению и упрощению судопроизводства является в настоящее время одной из основных тенденций развития уголовного процесса.

На XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в числе проблем, негативно влияющих на состояние правопорядка названы «неэффективные и затяжные расследования, ограниченное использование положений об освобождении от содержания под стражей до суда, неэффективная практика рассмотрения дел, наличие ограниченных ресурсов у органов прокуратуры и судебных органов и отсутствие положений об упрощенном судопроизводстве или их недостаточное использование»¹. Отмечено, что эти проблемы способствуют росту числа незавер-

¹ Документ ООН A/CONF. 213/16. 2010 // XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: семинар-практикум по стратегиям и оптимальным видам практики по предупреждению переполненности исправительных учреждений. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.un.org/ru/conf/crimecongress2010> (дата обращения: 30.10.2017).

шенных дел в судах, неприемлемому затягиванию сроков завершения следствия и передачи дел в суды, многочисленным и зачастую лишним перерывам в судебных заседаниях и чрезмерным задержкам в судебных разбирательствах и вынесении решений по делам. Конгресс указал, что перед мировым сообществом стоит задача выработки стратегий повышения эффективности уголовного правосудия, целями которых, в числе иного, являются: сокращение срока между началом производства по уголовному делу и его завершением с вынесением окончательного приговора; внедрение упрощенных процедур уголовного судопроизводства. Упрощенное судопроизводство (summary proceedings) определено как упрощенный порядок, ускоряющий судебное разбирательство с целью обеспечения более высокой эффективности системы уголовного правосудия и сведения к минимуму расходов, который используется в судах более низкой инстанции в отношении менее серьезных уголовных правонарушений¹.

Учеными, занимающимися вопросами дифференциации уголовного процесса, выделяются: обычное производство; производство с более сложными процессуальными формами; упрощенное производство, которое определяется как производство по категории дел, обладающей особенностями, объективно требующими быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и простоты уголовно-процессуальной формы, осуществляемое в большинстве случаев быстрее и с меньшими затратами, чем производство, осуществляемое в обычном порядке². Среди упрощенных производств выделяют также «сокращенные», «ускоренные», «целерантные» и т.д.³

¹ Документ ООН A/CONF. 213/16. 2010...

² Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса... С. 130.

³ Уголовный процесс / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2004. С. 544–549; Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 39–42. (Автор обоснованно отмечает, что возможны механизмы процессуального упрощения любых порядков, как основных, так и особых.)

Отметим, что упрощенные формы разрешения уголовных дел в российской процессуальной литературе зачастую и, как представляется, необоснованно, в традициях англо-американского судопроизводства, обозначаются термином «сделка». Данный термин, употребляющийся в советский период исключительно в негативном значении и применительно к «буржуазным» системам права, вошел в научный обиход в период споров о направлениях реформирования российского судопроизводства. «Сделкой», «сделкой с правосудием» называются самые разные действия – от простого признания своей вины в обмен на какие-либо послабления, в том числе по мере наказания, до развернутого соглашения между обвинителем и подсудимым¹. Например, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский в уголовном судопроизводстве выделяют: а) сделки о признании виновности, которые представляют собой мировые соглашения между представителями обвинения и защиты о признании обвиняемым вины в обмен на смягчение обвинения; б) медиационные соглашения – примирительные процедуры при посредничестве третьих лиц (обычно общественных организаций либо специальных служб медиации, пробации – с разрешения суда или полиции) между потерпевшим и правонарушителем, виновность которого доказана, который признает свою вину и готов загладить причиненный вред; в) сделки о сокращении судебной процедуры, в частности особый порядок принятия судебного решения при согласии подсудимого с предъявленным обвинением². Л.В. Головкич предполагает существование множества критериев классификации процедур упрощения уголовного судопроизводства: в зависимости от вида производства, от органа, производящего упрощение, от це-

¹ Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 12–14; Лазарева В.А. Легализация сделок о признании вины // Рос. юстиция. 1999. № 5. С. 40–41; Аликперов Х., Зейналов М., Курбанова К. Допустим ли компромисс в борьбе с преступностью // Уголовное право. 2003. № 3. С. 92; Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 94–96.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб., 2009. С. 220.

ли такового упрощения, от его направленности и т.д., используя термины: «соглашение о признании вины», «соглашение о наказании», «соглашение об отказе от уголовного преследования», «процедура по назначению наказания по ходатайству сторон» и т.д. Он же справедливо указал, что упрощение процесса в современный период достигается различными способами, на различных стадиях уголовного судопроизводства и с применением различных механизмов¹. Примечательно, что «классическую» американскую «сделку о признании вины» Л.В. Головки считает одной из «частичных альтернатив» уголовного преследования в противовес упрощенным процедурам, применяемым в странах континентального права, так как упрощенные порядки разрешения дел в странах смешанной организации уголовного процесса не являются самостоятельными институтами и не существуют сами по себе вне национальных систем уголовного судопроизводства². Исходя из целей исследования, мы ограничимся рассмотрением наиболее важных форм упрощения уголовного процесса, производимого при судебном разрешении уголовного дела по существу, когда суд рассматривает «классический вопрос правосудия» – вопрос о виновности либо невиновности лица, хотя в современный период существует множество способов «альтернативного» разрешения малозначительных уголовных дел с прекращением уголовного преследования, производимых либо совсем без участия, либо с опосредованным участием суда. Известно, что сейчас в различных странах по малозначительным (по меркам того или иного общества и государства) делам применяются процедуры, в результате которых уголовное дело вообще не поступает в суд либо поступает к судье для своеобразного судебного контроля законности его прекращения (состоявшегося либо предполагающегося) на основании договоренностей, достигнутых между обвинителем и обвиняемым.

¹ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 16, 68, 193–195 и др.

² Головки Л.В. Указ. соч. С. 204.

Так, в УПК Германии имеется § 153а «Прекращение производства при выполнении обязанностей и указаний», устанавливающий, что с согласия суда к подсудности которого относится открытие основного судебного производства, и обвиняемого прокуратура может при условии, что предметом производства является уголовный проступок, временно отказаться от предъявления публичного обвинения и одновременно возложить на обвиняемого обязанности или дать ему указания, если они пригодны для того, чтобы устранить общественный интерес в уголовном преследовании, и тяжесть вины этому не противоречит. В качестве обязанностей или указаний могут назначаться, в частности: совершение определённых действий для возмещения ущерба, причинённого содеянным; выплата денежной суммы в пользу благотворительной организации или в государственный бюджет; совершение иных общественно-полезных действий; выплата алиментов в определённом размере; приложение серьёзных усилий для компенсации вреда, причинённого потерпевшему; участие в семинаре согласно § 2b (абз. 2 предл. 2) или § 4 (абз. 8 предл. 4) Федерального закона о дорожном движении. Для исполнения обязанностей и указаний обвиняемым прокуратура устанавливает срок, который не должен превышать одного года. Прокуратура может позже отменить обязанности и указания и один раз продлить срок на три месяца; с согласия обвиняемого она может позже назначать и изменять обязанности и указания. Если обвиняемый выполняет обязанности и указания, деяние не может больше преследоваться как уголовный проступок. Если обвиняемый не выполняет обязанности и указания, выплаты, которые он уже осуществил для их выполнения, не возмещаются. Если публичное обвинение по таким делам уже предъявлено, суд может с согласия прокуратуры и обвиняемого временно прекратить производство до окончания судебного разбирательства и одновременно возложить на обвиняемого такие же обязанности или дать указания, выполнение которых влечет прекращение уголовного преследования¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) / пер. П. Головненкова, Н. Спицы // Научно-

В Израиле в 2000 г. в уголовно-процессуальный закон внесено дополнение, дающее право гражданам, уголовное дело в отношении которых передано в прокуратуру или в отдел обвинения полиции, обращаться с просьбой не выносить против них обвинительного заключения. Полиция, закончив расследование по уголовному делу, передает дело в прокуратуру либо в отдел обвинения полиции, которые, проверив доказательную базу и целесообразность судебного преследования, выносят в случае необходимости обвинительное заключение, а затем поддерживают обвинение в суде. По закону обвинительный орган в случае получения из полиции уголовного дела должен оповестить об этом подозреваемого и уведомить его, что в течении тридцати дней он имеет право обратиться с мотивированной просьбой о невынесении против него обвинительного заключения. Данное право относится лишь к категории уголовных дел, наказание за которые не превышает три года лишения свободы. Обращение в обвинительный орган дает возможность подозреваемому изложить свою точку зрения на происшедшее, опровергнуть известные ему на данном этапе утверждения полиции или показания отдельных свидетелей, дать юридическую оценку ситуации или убедить в малозначительности случившегося. На практике немалое количество уголовных дел не доходит до судебных слушаний и прекращается в результате такого рода просьб после выполнения обвиняемыми каких-либо положительных действий – уплаты штрафа, определенных работ и т.д.¹

Статья 41-2 УПК Франции по делам о нескольких десятках малозначительных деяний, определяемых как «уголовные проступки», к которым относятся некоторые насильственные действия, проступки против интересов семьи, мелкие имущественные пре-

практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй У. Хельманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Potsdam, 2012.

¹ Раскин А. Страна сегодня. Судопроизводство Израиля [Электронный ресурс] // Страна. [Б. м.], 2004–2016. URL: <http://www.strana.co.il/1233996> (дата обращения: 19.09.2014).

ступления, первоначально предусматривала процедуру «уголовного штрафа по соглашению» (*composition penale*), заключающуюся в том, что в случае признания лицом вины прокурор до возбуждения уголовного преследования мог предложить уплатить в казну штраф в размере, не превышающем 25 тыс. франков, и половину штрафа, установленного за проступок в качестве наказания (единовременно или в рассрочку до года); передать государству предметы, ставшие орудием преступления или добытые преступным путем; передать секретарю трибунала водительские права или охотничье удостоверение (в случае совершения мелких преступлений соответствующей категории) на срок до 4 месяцев; бесплатно выполнить общественные работы продолжительностью до 60 часов в срок до 6 месяцев. При этом принципиальным требованием является также обязательное возмещение потерпевшему лицу имущественного ущерба. Если обвиняемый согласен с предложением прокурора, материалы передаются в суд для утверждения соглашения между ними. Судья после допроса в присутствии адвокатов подсудимого и потерпевшего либо утверждает соглашение, либо отказывает в нем, причем решение судьи не обжалуется, а предложение прокурора теряет силу. Все фактически исполненное до этого момента подлежит зачету¹.

В Кодексе уголовного расследования Бельгии с 1984 г. имеется ст. 216-бис в редакции 1994 г., в соответствии с которой во избежание судебного разбирательства по всем делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, обвиняемый, не отрицающий своей вины и уплативший в казну устанавливаемую в каждом конкретном случае сумму (если преступлением причинен вред только интересам государства), а также полностью возместивший ущерб потерпевшему (если вред причинен интересам частного лица), освобождается от уголовной ответственности с прекращением дела в досудебной стадии уго-

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 337.

ловного процесса. Примерно треть всех уголовных дел, поступающих из полиции в прокуратуру, разрешается таким способом. В Нидерландах данная процедура также применяется с 1983 г.¹ Правоведами отмечается, что широкое применение этого института привело к росту самооговоров, в частности в Нидерландах ставится вопрос об отмене трансакции, так как лица, задержанные полицией, подозреваемые в совершении деяний, не относящихся к тяжким, предпочитают даже признать свою вину в совершении преступления, к которому они не имеют отношения. Подозреваемым легче заплатить не слишком большой, по меркам Европы, штраф и быть освобожденным от уголовной ответственности в рамках упрощенной процедуры, нежели оплачивать услуги адвоката и доказывать свою невиновность в ходе длительного судебного разбирательства².

Как отмечается исследователями упрощенных форм уголовного судопроизводства, вопрос о том, применять или не применять упрощенные формы разрешения уголовных дел, в настоящее время актуальным не является, в той или иной мере упрощенные формы имеются в законодательстве большинства государств³, вопрос заключается лишь в том, в каких пределах следует их использовать.

Причины появления упрощенных порядков разрешения уголовных дел, на наш взгляд, тоже в общих чертах понятны.

К примеру, А.Г. Калугин и М.В. Монид указали, что государство (в лице уполномоченного органа, применяющего уголовный и уголовно-процессуальный законы) заинтересовано в решении одновременно нескольких проблем: а) восстановлении нарушенных прав потерпевших; б) экономии уголовной репрессии за счёт реституционных мер; в) экономии ресурсов (финансовых, людских и т.д.), затрачиваемых на

¹ Цит. по: Калугин А.Г., Монид М.В. Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 2008. С. 9; Головки Л.В. Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения // Государство и право. 1997. № 8. С. 77–79.

² Головки Л.В. Указ. соч. С. 79.

³ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 25, 37–42 и др.

осуществление уголовного судопроизводства и исполнение наказаний; г) предупреждении профессиональной и организованной преступности за счет сокращения числа лиц, попадающих на длительное время в места лишения свободы и оказывающихся под влиянием криминальной среды и ее субкультуры, активной ресоциализации уже на стадии предварительного расследования неосторожных и ситуативных преступников, а также второстепенных участников организованной преступной деятельности; д) склонении отдельных категорий лиц к прекращению преступной деятельности, самообнаружению (в форме явки с повинной); е) уменьшении моральных и материальных издержек правопослушной части населения, невольно вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства с его громоздкой и малопривлекательной для любого нормального человека процедурой¹. Сложно согласиться лишь с утверждением, что уголовное судопроизводство – порядок производства по уголовным делам, сложившийся в государстве, причем на основании исторических, законодательных, культурных традиций – «громоздкая и малопривлекательная для «нормальных людей» процедура», хотя не оспариваем, что исключительно положительных эмоций нахождение в суде (как и в больнице, к примеру) ни у потерпевшего, ни у подсудимого, как правило, не вызывает.

Представляется, можно выделить множество предпосылок упрощения уголовного судопроизводства: исторические (в зависимости от типа уголовного судопроизводства), экономические, политические, уголовно-правовые, социальные, криминологические и т.д. Как представляется, упрощение уголовно-процессуальных форм, наблюдаемое в различных странах, вызвано совокупностью имеющихся в различных государствах причин, лежащих в различных областях.

Прежде всего следует отметить экономические причины, на которые обращал внимание А.В. Смирнов, указывая, что СССР тратил чрезмерные денежные средства на обеспечение единства уго-

¹ Калугин А.Г., Мониц М.В. Указ. соч. С. 19.

ловно-процессуальной формы, чего не могли позволить себе даже развитые западные страны¹.

Экономические причины связаны также с причинами социальными. Как представляется, несмотря на декларируемое утверждение о ценности и важности прав и законных интересов личности, современное капиталистическое общество, учитывая многообразие общественных отношений, их постоянное качественное и количественное увеличение, усложнение, в силу, прежде всего, недостатка финансов, не может обеспечить равные права (и даже возможности) для всех граждан, а также равную защиту всех общественных благ, в результате чего оно вынуждено выбирать приоритетные направления, а также устанавливать пределы и критерии такой защиты.

Имеются и организационные, и уголовно-правовые, и криминологические причины. В частности, законодатели и правоприменители, использующие «обычные порядки», характеризующиеся как наличием комплекса процессуальных гарантий, так и множественностью этапов движения уголовного дела и сложностью форм, не усматривают целесообразности их применения при небольшой общественной опасности деяния, признании обвиняемым своей виновности, при его готовности (желании) поскорее выйти из создавшейся ситуации, например, добровольно уплатить штраф и исчерпать конфликт.

Вместе с тем представляется, что определить обязательные предпосылки упрощения уголовного судопроизводства, лежащие исключительно в сфере уголовного процесса, нельзя. Иначе говоря, причин, которые объективно требуют упрощения процесса познания в уголовном судопроизводстве, не имеется. Данный довод основан в том числе на том, что законодатели различных европейских государств в целях упрощения уголовного судопроизводства применяют уголовно-правовой критерий, проще говоря, критерий тя-

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 197.

жести преступления. К примеру, в Эстонии в упрощенном порядке допустимо рассмотрение дел о преступлениях, наказание за которые не превышает двух лет, в Польше, Хорватии и Чехии – трех лет, во Франции и Италии – пяти лет и т.д.¹ То или иное государство и общество, таким образом, соотносит свои представления о тяжести деяния, мере наказания и цене возможной ошибки, учитывая, что упрощенное уголовное судопроизводство с отступлением от выработанных процедур содержит большие риски осуждения и наказания невиновного, чем обычная процедура, и допуская эти риски, утрированно говоря, считая, что в принципе допустимо необоснованно заплатить штраф или отбыть условное наказание в виде нескольких месяцев, но совершенно недопустимо быть необоснованно наказанным за тяжкое преступление.

Сам по себе анализ понятий «малозначительность», «очевидность», «несомненность» без учета их взаимосвязи и конкретных обстоятельств конкретного деяния вряд ли способен привести к разрешению вопроса о том, когда желательно и возможно применение сокращенной процедуры. К примеру, если малозначительное, не представляющее большой опасности преступление произошло в общественном месте, в присутствии свидетелей, результат преступления очевиден, вряд ли во всех случаях необходима «обычная», сложная процедура. А необходима ли она, если лицо совершило при таких же обстоятельствах тяжкое деяние, например, убийство? Имеется соблазн на данный вопрос также ответить утвердительно, однако кто и как будет разрешать вопрос об очевидности деяния и для всех ли лиц данное деяние будет представляться очевидным? Кроме того, при определении малозначительности и очевидности в качестве критериев упрощения процессуальной формы, за ее пределами останутся деяния той же степени

¹ Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности [Электронный ресурс] // LPRC. Центр исследования правовой политики. [Б. м.], 2008–2014. URL: <http://lprc.kz/files/library/29/rus> (дата обращения: 30.10.2015).

тяжести (к примеру, кражи или компьютерное мошенничество), но совершенные в неочевидных условиях и представляющие сложность в их раскрытии.

С рассматриваемым вопросом связан вопрос о наличии достаточных доказательств виновности обвиняемого (подсудимого), он коррелируется и со степенью сложности познавательной деятельности. Сложность познавательной деятельности может быть различной не в силу тяжести преступления, а в зависимости от обстоятельств конкретного деяния. Возможно, к примеру, «неочевидное» совершение убийства, принципиально отличающегося от убийства на бытовой почве. Известно, например, что сложны в раскрытии и расследовании именно кражи – тайные хищения чужого имущества, тяжкими преступлениями не являющиеся, но априори совершающиеся в условиях неочевидности.

Трудно согласиться также с утверждением, что «отсутствие материально-правового спора означает крайнюю степень несложности установления обстоятельств дела», говорить о котором «можно только в том случае, если обвинение и обвиняемый (подозреваемый, подсудимый) полностью согласны как в описании имевших место фактов, так и в их юридической оценке и, кроме того, если признание себя виновным не оспаривается другими участниками процесса и у суда, прокурора, следователя, органа дознания отсутствуют основания не доверять этому признанию»¹.

Отсутствие «расхождения в юридической оценке содеянного» понятно применительно к теоретической модели, на практике же российские подсудимые и потерпевшие в подавляющем большинстве не только не в состоянии произвести подобную оценку (зачастую даже опосредованно), но и просто понять значение данного термина.

К примеру, Б., работающая бухгалтером и имеющая высшее экономическое образование, обвинялась в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, а также в со-

¹ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса... С. 155.

вершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ. Б. вину полностью признала и ходатайствовала о постановлении приговора в особом порядке, ее защитник по соглашению К., имеющая, к слову, стаж адвокатской деятельности более 25 лет и ряд почетных званий, также не оспаривала ни квалификацию, ни доказанность преступления. Вместе с тем по поступлению уголовного дела в суд было установлено, что Б. вообще не является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, а ее действия по присвоению имущества организации охватываются единым составом¹. По другому делу обвиняемый Ф. признал себя виновным в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УК РФ и, после консультаций с защитником П., заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Из материалов дела следовало, что действия Ф. охватываются единым умыслом, совершены в течение короткого промежутка времени и должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ².

Можно возразить, что те же самые ошибки те же лица допускают и при рассмотрении уголовного дела в общем порядке. Да, к сожалению, это так, однако особый порядок, сокращенная процедура, создает гораздо больше рисков просто в силу ее скоротечности, причем рост числа дел, рассматриваемых в рамках такой процедуры, не способствует не только повышению, но даже и простому сохранению профессиональных навыков субъектов процесса.

В литературе указывается на изменение в современном уголовном судопроизводстве соотношения публичности и диспозитивности как методов регулирования уголовно-процессуальных правоотношений³. Нельзя отрицать, что отказ от спора, как выражение диспозитивности,

¹ Уголовное дело № 1-229/2013 // Архив Сургутского городского суда ХМАО-Югры. 2013.

² Уголовное дело № 1-37/2014 // Архив Ямальского районного суда ЯНАО. 2014.

³ Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск, 2004; Касаткина С.А. Публич-

тивности поведения, понимаемой в уголовном процессе как свобода частных лиц, заинтересованных в исходе дела, в установленных законом пределах распоряжаться своими материальными правами и осуществлять процессуальные права, влияющие на возникновение, движение и прекращение уголовного судопроизводства¹, является предпосылкой дифференциации в сторону упрощения процессуальной формы. Несомненно, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, должно быть свободно в выражении своей воли, его поведение (при наличии предоставляемой ему государством возможности) диспозитивно, т.е. оно имеет право выбора. Если член общества согласен с выдвинутым обвинением, признает себя виновным, осознает общественно опасный характер своего поведения, раскаивается, возмещает потерпевшему причиненный ущерб, способствует государству в лице его органов в выявлении причин и условий, приведших к совершению противоправного деяния, – зачем проводить сложное и дорогостоящее разбирательство? Однако и в этом случае необходимо удостовериться, что квалификация преступления правильная, что признание лица истинное, что лицо по каким-либо причинам не оговаривает себя, не берет на себя чужую вину либо, напротив, не виновно в более тяжком преступлении, чем то, в котором признается, удостоверение же в уголовном процессе осуществляется в процессе уголовно-процессуального доказывания.

Еще один аспект проблемы заключается во взаимосвязи признания вины с применением льготного режима наказания. Государство, будучи заинтересованным в экономии средств, ресурсов, уголовной репрессии, стимулирует гражданина к признанию себя виновным в совершении преступления, гарантируя ему в этом случае льготу по наказанию, скидку, которую он не получит при рассмотрении дела в общем порядке, тогда, когда государство уже затратит

ность и диспозитивность в российском уголовном процессе. Ставрополь, 2006. С. 44–46.

¹ Рогова О.И. (Андреева О.И.) Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. С. 5–7.

средства на его обличение. Очевидно, что в таком случае у подсудимого имеется серьезная мотивация для признания вины. К примеру, он может просто не верить в благоприятный исход дела и считать свою судьбу заранее предрешенной либо не способен трезво оценить обстоятельства дела просто в силу отсутствия необходимых знаний. Очень вероятно также и то, что лицо, совершившее преступление в условиях очевидности, при наличии у него законодательно закрепленной возможности получить скидку по наказанию, воспользуется ей в случае бесперспективности рассмотрения дела в общем порядке, признав свою вину. Однако само такое признание не свидетельствует о раскаянии, об осознании противоправного характера совершенного деяния, как в том случае, если бы преференции по наказанию не носили гарантированного характера. Ведь и при применении общего порядка лицо с позитивным постпреступным поведением вправе признать себя виновным, раскаяться, возместить ущерб и т.д., понятие «деятельное раскаяние» давно и хорошо известно юридической науке.

Из теории также известно, что праву обычно корреспондирует чья-либо обязанность. Все правовые, демократические государства придерживаются принципа равенства прав и обязанностей своих граждан. Например, ч. 1 ст. 19 Конституции РФ устанавливает, что все равны перед законом и судом. Часть вторая этой же статьи гласит, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Отсюда вопрос: насколько правомерно отказывать в реализации гражданину его права на рассмотрение уголовного дела в упрощенном порядке и каковы основания для такого отказа?

Если заявление ходатайства о рассмотрении дела в упрощенном порядке в обмен на льготу по мере наказания – право лица, подвергаемого уголовному преследованию, добровольно отказывающегося от ряда важнейших процессуальных гарантий, то при наличии прочих равных условий возможность применения льготы по наказанию должны иметь все, это вытекает из важнейшего правового принципа – положения о равенстве всех перед законом и судом, закрепленного в конституциях развитых демократических государств.

Вместе с тем этот кажущийся простым вывод при ближайшем рассмотрении не представляется столь очевидным в силу того, что государство не берет на себя обязанности автоматически удовлетворять ходатайства всех обвиняемых, согласных с обвинением, и, соответственно, не берет обязанности предоставлять всем им льготу по наказанию в размере, установленном УК и УПК РФ.

Исследователи упрощенных форм такое положение считают логичным, указывая, что право лица соглашаться с обвинением и заявлять ходатайство об упрощении процесса и о применении льготы государством не ограничивается, обязанности же удовлетворять данное ходатайство у государства нет, оно может удовлетворить ходатайство, а может отказать в нем¹.

Интересна по данному поводу позиция Конституционного Суда РФ, указавшего, что право выбора наиболее отвечающей его интересам процедуры рассмотрения уголовного дела судом с учетом всех ее последствий принадлежит обвиняемому, заявление ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке предполагает осознанный выбор обвиняемым данной процедуры. Конституционный Суд указал также, что в качестве гарантии защиты его права выступает обязанность удовлетворять данное ходатайство лишь в том случае, когда суд удостоверится, что обвиняемый осо-

¹ Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Конярова Ж.К. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 100; Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 141.

знает характер и последствия заявленного им ходатайства, действует добровольно и его ходатайство заявлено после консультаций с защитником¹. Очевидно, что Конституционный Суд, констатируя право обвиняемого на выбор процедуры, не высказал мнения о том, в каких случаях государство вправе этот выбор проигнорировать.

Правоведами отмечалось, что применение упрощения судопроизводства на основе соглашения между государством и обвиняемым является вынужденным шагом, когда использование иных средств разрешения уголовно-процессуального конфликта равнозначно поражению либо грозит углублением или разрастанием конфликта². В.А. Лазарева, выступая за официальное введение в РФ упрощенных способов разрешения уголовных дел, еще в 2000 г. указывала, что судебная практика давно уже фактически одобряет соглашения, так как по делам, где обвинение основано на противоречивых доказательствах, суд склонен принимать максимально мягкое решение³. Ученые, изучающие практику применения сделок в США, также утверждают, что сила доказательств обвинения по делу является критическим фактором в принятии решения о том, надо ли заключать сделку о признании вины либо идти на судебный процесс; исследования показывают, что существует простая обратная зависимость – чем слабее доказательства по делу, тем более вероятно заключение сделки о признании вины. Самые благоприятные сделки о признании вины с наибольшей вероятностью заключаются там, где прокурорская версия по делу самая слабая,

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 17 окт. 2006 г. № 417-О; от 20 нояб. 2014 г. № 2572-О; от 23 окт. 2014 г. № 2391-О; от 20 нояб. 2014 г. № 2698-О; от 24 дек. 2013 г. № 2002-О; от 13 окт. 2009 г. № 1177-О-О; от 18 окт. 2012 г. № 1908-О; от 15 нояб. 2007 г. № 820-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Аликперов Х., Зейналов М., Курбанова К. Указ. соч. С. 92.

³ Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 184–202.

т.е. ценность сделки о признании вины обратно пропорциональна вероятности обвинительного приговора¹.

Изложенное не свидетельствует о том, что упрощенные процедуры допустимы и желательны там, где не имеется (или недостаточно) данных, чтобы доказать совершение преступления и установить виновность индивидуума в рамках обычной процедуры, поскольку равно несправедливо как осуждать невиновного, так и применять упрощение процедуры и льготы по наказанию только к лицу, доказательств вины которого недостаточно, вне зависимости от его отношения к совершенному деянию.

Выскажем несколько соображений. Во-первых, как мы указали, законодатели разных стран, в том числе российский, стимулируют обвиняемых выбирать упрощенные формы, именно для этого предусмотрена льгота по наказанию. Во-вторых, очевидно, что ходатайствовать о применении упрощенного порядка могут как лица, осознавшие свою вину, раскаявшиеся, так и лица, для которых совершение преступлений является своеобразным промыслом, понимающие, что иным путем получить «скидку» не выйдет. В третьих, кроме суда барьером для применения особого порядка может быть позиция прокурора либо потерпевшего.

Представляется, вопрос имеет ответ, если развести понятия «упрощение процесса» и «применение льготы», однако государство обычно стимулирует упрощение именно льготой. Очевидно вместе с тем, что индивидуум не должен злоупотреблять своими правами, а ответственность следует дифференцировать, в том числе в зависимости от личности преступника. К примеру, обвиняемый раскаялся, возместил ущерб, заявил ходатайство о применении упрощенной процедуры, но уголовное дело не может быть рассмотрено в таком порядке, например, из-за наличия несовершеннолетнего

¹ Horney J. Plea Bargaining Decision Factors // *Improving Management in Criminal Justice*. 1980. Vol. 17. P. 14; Rhodes W. *Plea Bargaining: Who Gains? Who Loses?* Washington, 1978; цит. по: Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). М., 1998. С. 180.

соучастника либо в силу несогласия прокурора с применением упрощенной формы. Не логично ли будет в этом случае суду проявить гуманность при вынесении приговора? И напротив, если лицо, несмотря на позитивное, гуманное отношение государства продолжает заниматься преступной деятельностью, повторно совершает антиобщественные деяния, однако каждый раз заявляет ходатайство об упрощении именно в целях получения льготы по наказанию – вправе ли государство ограничивать права такого лица? Нам представляется, что да. К примеру, в ряде государств деяние, даже носящее характер административного проступка, при его повторном совершении квалифицируется как уголовное преступление, а наказание за его совершение ужесточается, позиция правонарушителя при этом не играет никакой роли. К примеру, вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения в случае повторности данного деяния либо просто систематическое нарушение правил дорожного движения влекут в ФРГ, Франции, Бельгии, Норвегии, Австралии, США применение все более тяжкого наказания вплоть до длительного тюремного заключения¹.

С вопросом оснований упрощения связана проблема усмотрения потерпевшего, а также проблема дискреции² должностного лица, разрешающего просьбу о применении какого-либо порядка, отличного от обычного. Очевидно, что любое должностное лицо, принимающее решение по ходатайству обвиняемого и имеющее право либо удовлетворить, либо отказать в нем, должно руководствоваться понятными правилами, т.е. принять решение не произвольно, поскольку это является почвой для всевозможных злоупотреблений, а на основании каких-либо предпосылок, правил, норм, представлений, иначе говоря, оно должно «мотивировать» свое реше-

¹ Андрейчик М. Правила дорожного движения – не для всех? [Электронный ресурс] // Общественный центр «Судебно-правовая реформа». [Б. м.], 2001–2012. URL: <http://www.sprc.ru/library/uybk> (дата обращения: 14.11.2015).

² О дискреции см.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию... С. 273.

ние, и это решение, в идеале, должно быть проверяемым и оспори-
мым¹.

Законодатели различных государств, безусловно, понимая проблемы, таящиеся в упрощенных формах уголовного судопроизводства, в современный период пользуются определенными «наборами оснований и условий» для упрощения общих порядков разрешения уголовного дела, применяя их совокупности, а также создавая различные схемы и механизмы упрощения уголовного судопроизводства, пытаясь, одновременно с упрощением, решить и стоящие перед уголовным судопроизводством задачи: восстановить нарушенное право, возместить ущерб потерпевшему и т.д. Способам упрощения, применяемым государствами различной типологической принадлежности, посвящена следующая часть исследования.

2.2. Способы упрощенного разрешения уголовных дел судом, применяемые в современном уголовном судопроизводстве

Как определено, стремление к упрощению, удешевлению уголовного судопроизводства является общемировой тенденцией. Посмотрим, какие формы упрощения и при наличии каких условий² применяются в уголовном судопроизводстве современных государств.

Начать изложение логично с состязательного англо-американского судопроизводства, так как в английском уголовном процессе исторически наличествовали предпосылки, предопределяющие возможность упрощения порядка судопроизвод-

¹ Подробно данный вопрос рассмотрен в параграфах 2 и 3 главы 3.

² В данном разделе мы намеренно, в силу объемности материала, отказываемся от разграничения терминов «основания» и «условия», хотя подобное разграничение, безусловно, в каждом конкретном случае упрощения имеется. Под основанием в данном случае следует понимать причину, основное условие, «запускающее» процесс упрощения, под условиями упрощения – фактические обстоятельства, при наличии которых оно возможно.

ства, к которым относятся и частно-исковой характер обвинения, и трактовка состязательности, применяемая в классическом английском процессе, когда важно и почетно выиграть тяжбу, и большая степень диспозитивного усмотрения участников уголовного судопроизводства, т.е. всё то, что отмечается в качестве признаков данного типа уголовного судопроизводства¹. Признание вины в англо-американской модели (*guilty plea*) традиционно считается отказом от спора и основанием для упрощения процесса, при признании вины суд вправе перейти непосредственно к назначению наказания².

Основанием для упрощения классического английского процесса традиционно является малозначительность, небольшая общественная опасность деяния. Начиная с XV в. в Англии действуют магистраты – мировые судьи, рассматривающие дела о малозначительных преступлениях в порядке суммарного производства. Магистраты выносили приговоры о воровстве в размере менее 5 шиллингов, если обвиняемый был согласен с этим, и назначали наказание в виде трёхмесячного заключения. Если же обвиняемый был предупрежден о поспешности своих действий, но все равно признал себя виновным, магистрат мог назначить наказание до 6 месяцев заключения и при воровстве на сумму свыше 5 шиллингов. В настоящее время магистратам запрещено назначать наказание строже 6 месяцев тюремного заключения или 5 000 ф. ст. штрафа, а для несовершеннолетних – 1 000 ф. ст. штрафа. Кроме того, в соответствии со ст. 83 Закона о полномочиях уголовных судов при назначении наказания магистраты не могут приговаривать к

¹ Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса... С. 34–36; Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства... С. 110–114; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем... С. 43–49; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса... С. 14–27.

² Стифен Д. Уголовное право Англии в кратком очертании. СПб., 1865. С. 373–375.

тюремному заключению лиц, не имевших в ходе судебного разбирательства защитника и не отбывавших такое наказание ранее. При признании подсудимым вины магистрат сразу переходит к вопросу о назначении наказания, при несогласии с обвинением происходит 2–3 судебных заседания, на которых заслушиваются свидетели и изучаются доказательства¹.

Согласно ст. 12 Закона о магистратских судах 1980 г. при отсутствии спора между сторонами в Англии допускается также заочное разбирательство. По делу о любом суммарном преступлении, за совершение которого предусмотрено максимальное наказание, не превышающее 3 месяцев тюремного заключения, обвиняемый, получив приказ о явке в суд с указанием конкретных пунктов обвинения, вправе признать свою вину, уведомив об этом суд по почте, что освобождает его от участия в судебном разбирательстве. При заочном рассмотрении дела суд в отсутствие подсудимого заслушивает обвинителя и рассматривает предложенные им материалы. Если он приходит к выводу о необходимости назначить обвиняемому наказание, связанное с тюремным заключением или лишением прав, то он откладывает дело и распоряжается об обеспечении участия подсудимого в судебном заседании. Заочное назначение тюремного наказания исключено. Кроме того, заочно осужденное лицо вправе в течение 21 дня с момента ознакомления с решением суда обжаловать его, подача жалобы влечет аннулирование заочно-го производства. Если обвинитель вновь выдвигает в суде свое обвинение, то дело рассматривается в обычном порядке с вызовом обвиняемого².

В США дела о малозначительных преступлениях также рассматриваются магистратами согласно § 3401 разд. 18 Свода законов США и Правил судопроизводства по разбирательству дел о менее опасных преступлениях федеральными магистратами. Пovo-

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств... С. 145–147.

² Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 149.

дами для рассмотрения дела о менее опасном преступлении могут послужить обвинительный акт, информация, претензия (жалоба), полицейский протокол или предписание о явке к судье. Обязательно письменное согласие обвиняемого на то, чтобы его дело было рассмотрено и разрешено магистратом в упрощенном порядке. При отсутствии такого согласия дело становится подсудным судье районного суда, в штатах которого состоит данный магистрат. Получив согласие обвиняемого, магистрат должен подробно проинформировать его: о сущности обвинения и том наказании, которое ему угрожает; о праве пригласить защитника либо иметь назначенного защитника, если у него нет соответствующих средств и если его не привлекают к ответственности за правонарушение, которое не наказуемо лишением свободы; о том, что обвиняемый не обязан делать какие-либо заявления, а если сделает, то они могут быть использованы против него; о праве быть судимым судьей районного суда; о праве на суд с участием присяжных, кроме случаев, когда его обвиняют в малозначительном правонарушении; об обстоятельствах, при наличии которых он может быть освобожден из-под стражи до суда. После разъяснения и дачи письменного согласия на рассмотрение дела магистратом обвиняемый должен выразить свое отношение к предъявленному обвинению. Если он не признает себя виновным, то ему может быть предоставлено до 30 дней для подготовки к судебному разбирательству. Завершается такое разбирательство принятием решения по вопросу о виновности и о мере наказания, которое, как правило, не мотивируется¹.

Отмечается также тенденция к еще большему упрощению процедуры по делам, не предусматривающим лишение свободы. Практически по этим делам судебные разбирательства происходят редко, в большинстве случаев обвиняемые признают свою вину и производство сводится лишь к уточнению фамилии и имени обвиняемого и определению меры наказания. Существует и еще более

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 283.

упрощенная процедура, когда обвиняемому в повестке о вызове в суд сообщают сумму штрафа, которому он может быть подвергнут в случае осуждения. Обычно вместо явки в суд обвиняемый по почте высылает эту сумму и дело считается оконченным¹.

В уголовно-процессуальном законодательстве стран континентальной Европы, учитывая публичную направленность уголовного судопроизводства и само построение уголовного судопроизводства, включающее досудебные стадии, упрощение судопроизводства, особенно в части доказывания, допускалось в гораздо меньшей мере, чем в странах с англо-американской организацией процесса, а позиция обвиняемого (подсудимого) не являлась в этом вопросе определяющей. Однако начиная с середины XIX в. и в европейских странах начали задумываться об экономии средств и репрессии. Известно, к примеру, что в большинстве германских государств, за исключением Баварии, полиции предоставлялось право по уголовным проступкам (*Uebertretungen*) вручать обвиняемому письменное предложение отбыть наказание в виде ареста на срок не более двух недель либо уплатить в казну определенную сумму. Обвиняемый имел право отказаться, заявив требование судебного разбирательства дела либо участковому судье, либо той же полиции. В Голландии, Италии и России (ст. 171 Правил судопроизводства) обвиняемый в мелком проступке имел право уплатить максимальную сумму штрафа без разбирательства, и дело считалось исчерпанным. В Германии, Австрии, Венгрии, швейцарском кантоне Гларус с середины XIX в. действовал институт «судебных карательных приказов», заключающийся в том, что участковый судья, рассматривающий мелкие уголовные дела, мог, не вызывая обвиняемого, по письменному предложению прокурора издать приказ и приговорить обвиняемого к штрафу до 150 марок или аресту до 6 недель. Если в течение 7 дней после вручения такого приказа обвиняемый не оспаривал его, карательный приказ

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 284.

подлежал исполнению, в противном же случае дело разбиралось обычным порядком¹.

По делам более сложным в России с 1864 г., с принятием УУС, а также в Испании с 1882 г. действовали положения, позволявшие подсудимому признать свою вину, в этом случае судебное следствие могло не производиться, если у суда не было сомнений в «истинности» такого признания. Упрощенная процедура в УУС 1864 г. изложена в главе 7 «О порядке производства судебного следствия» раздела 4 «О производстве в окружных судах». После оглашения положений обвинительного акта председательствующий судья согласно ст. 679 УУС спрашивал подсудимого, признает ли он себя виновным. Статьей 680 УУС устанавливалось: «Подсудимому, признающему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется». В статье 681 Устава говорилось, что «если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным приемам», а ст. 682 УУС определяла, что «судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств»². В Испании подсудимый был вправе также выразить согласие с вступлением стороны обвинения и просить суд прекратить исследование доказательств с назначением ему наказания (*conformidad*). Такая процедура сохранилась до настоящего времени, возможность ее использования предусмотрена ст. 655 УПК Испании по преступлениям, наказание за которые не превышает 6 лет, по отдельным категориям дел – до 9 лет. При этом процедура, применяемая в данной стране, не расценивается как какое-либо соглашение между

¹ Муравьев Н.В. Сокращенные способы разрешения маловажных уголовных дел в Германии и Австрии // Юридический Вестник. 1887. Кн. 12. С. 27.

² Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1864.

сторонами, подсудимый просто признает свою вину, соглашаясь с позицией обвинителя и ходатайствует о снисхождении, причем ходатайство может быть как удовлетворено, так и отклонено. Суд не связан позицией подсудимого и может осуществлять любые действия, которые сочтет необходимыми, если не посчитает признание «истинным», не гарантируется подсудимому также и скидка по наказанию¹.

Применяются упрощенные способы разрешения уголовных дел в странах Европы и в настоящее время.

Согласно § 407–412 УПК ФРГ 1974 г. по малозначительным делам в ред. 01.01.1993 г. предусматривалось вынесение «приказа о наказании»² по заявленному прокуратурой ходатайству, сейчас данная процедура в УПК ФРГ называется «суммарное производство». В соответствии с § 407 УПК ФРГ в случае совершения уголовных проступков, относящихся к функциональной подсудности судьи участкового суда единолично или коллегии участкового суда с участием судебных заседателей, прокурор ходатайствует об установлении правовых последствий без проведения основного судебного разбирательства, если проведение устного судебного разбирательства не представляется необходимым для полного выяснения всех обстоятельств дела. Прокурор должен указать конкретные правовые последствия, которые он считает соразмерными содеянному (§ 407 абз. 1 предл. 3 УПК ФРГ). В соответствии с § 408 (абз. 3 предл. 1) УПК ФРГ судья принимает решение о наказании в суммарном производстве, если указанные в ходатайстве фактические обстоятельства дела верно оценены в правовом смысле и правовые последствия, о назначении которых ходатайствует прокурор, представляются соразмерными содеянному и вине обвиняемого.

¹ Rodriguez N. Garcia. El consenso en el proceso penal Espanol. Madrid, 1997. P. 14; Цит. по: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности. URL: <http://lprc.kz/files/library/29/rus> (дата обращения: 30.10.2015).

² УПК ФРГ 1974 г. по состоянию на 01.01.1993 / пер. Б.А. Филимонова. М., 1994. С. 169–172.

Если судья не подтверждает достаточного подозрения в отношении обвиняемого, он отклоняет ходатайство о принятии решения в суммарном производстве (§ 408 абз. 2 предл. 1 УПК ФРГ, а прокуратура вправе обжаловать это постановление суда посредством срочной жалобы (§§ 408 абз. 2 предл. 2 в сочетании с § 210 абз. 2 УПК ФРГ). Если судья сомневается в отношении возможности принятия решения без основного судебного разбирательства или если он хочет отклониться от правовой оценки прокуратуры или установить правовые последствия, отличные от ходатайства, а прокуратура настаивает на своём ходатайстве, он назначает в соответствии с § 408 (абз. 3 предл. 2) УПК ФРГ проведение устного основного судебного разбирательства. Таким образом, суммарное производство переходит в общее основное судебное производство. Если же сомнений у судьи нет, он принимает решение по делу.

В рамках суммарного производства могут в отдельности или в совокупности устанавливаться только следующие правовые последствия: денежный штраф, предупреждение с оговоркой о наказании, запрет управления транспортным средством, конфискация того, что было приобретено преступным путём, изъятие предметов и средств совершения деяния, уничтожение предметов, приведение предметов в негодность, сообщение об осуждении и денежное взыскание в отношении юридического лица или объединения; лишение водительских прав на срок не более двух лет; отказ от наказания. Если у обвиняемого на стадии предварительного судебного производства есть защитник, может также быть установлено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, если предоставляется условная отсрочка наказания. Согласно § 409 решение в суммарном производстве должно содержать: 1) данные о личности подсудимого и возможных дополнительных участниках; 2) имя защитника; 3) обозначение деяния, вменяемого подсудимому, время и место его совершения и признаки состава деяния согласно закону; 4) применённые положения с указанием параграфа, абзаца, номера, буквы и названия закона; 5) доказательства; 6) установле-

ние правовых последствий; 7) разъяснения о праве на обжалование и предусмотренных для этого сроков и формы, а также указание на то, что решение в суммарном производстве вступает в законную силу и может исполняться, если не подан протест согласно § 410¹.

В УПК ФРГ по незначительным делам закреплена и возможность «ускоренного процесса». Согласно § 417 УПК ФРГ по делам, рассматриваемым судьей единолично и судом с участием заседателей, прокуратура вправе возбудить ходатайство в письменной или устной форме о рассмотрении дела в ускоренном производстве, «если дело пригодно для незамедлительного рассмотрения в связи с ясностью фактических обстоятельств дела или однозначностью доказательств». В этом случае согласно положениям § 418 УПК представления обвинительного заключения не требуется, оно оглашается прокурором устно и заносится в протокол судебного заседания, само судебное разбирательство при этом должно производиться в «кратчайший срок».

Вызов обвиняемого необходим в том случае, если он добровольно не явился в судебное заседание или не доставлен в суд. В соответствии с § 419 УПК ФРГ наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или меры исправления и безопасности в ускоренном производстве назначаться не могут, допускается лишение водительских прав. Согласно § 420 («Исследование доказательств судом») в этом случае допрос свидетеля, эксперта или обвиняемого может быть заменен зачитыванием протоколов проведенного ранее допроса, а также документов, содержащих их высказывания в письменной форме. Для проведения производства в таком порядке необходимо согласие подсудимого, защитника и прокуратуры, если они присутствуют на судебном разбирательстве. В производстве, производимом судьёй, прини-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) // Научно-практический комментарий и перевод текста закона / пер. П. Головненкова, Н. Спицы. Potsdam, 2012. [Б. м.], 2002–2017. URL: <http://web-local.rudn.ru> (дата обращения: 19.09.2016).

мающим решение единолично, он устанавливает объем исследования¹.

В ФРГ, таким образом, а также в Дании и Норвегии традиционным основанием для упрощения является малозначительность деяния, в этих же странах, а также в Польше и Хорватии имеются запреты для должностных лиц предлагать какие-либо послабления обвиняемому в обмен на признание им своей вины, а также запрещается ставить порядок производства по уголовному делу в зависимость от поведения подсудимого².

В УПК Франции в редакции 1993 г. были закреплены два вида упрощенного производства в полицейских судах, рассматривающих дела об уголовных проступках: уголовный приказ (*ordonnance penale*) и штраф в твердой сумме (*amende forfaitaire*). Уголовный приказ применяется по преступлениям небольшой тяжести, прокурор по своему усмотрению передает в полицейский суд материалы дела вместе со своим требованием. Если судья не видит никаких препятствий для выдачи уголовного приказа (в противном случае дело возвращается прокурору), то он без проведения судебного заседания и вызова сторон выносит судебный приказ, причем он вправе как осудить, так и оправдать обвиняемого. Прокурор, получив уголовный приказ и не будучи согласен с размером наказания (или с оправданием), вправе в течение 10 суток обжаловать его, уголовный приказ аннулируется, и дело слушается в обычном порядке с участием сторон. Если прокурор согласился с уголовным приказом, то решение доводится до сведения осужденного, который в течении 30 дней должен добровольно уплатить штраф или подать жалобу, которая аннулирует приказ и дело слушается в обычном

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия...

² Herrmann J. Bargaining Justice—a Bargain for German Criminal Justice? // U. Pitt. L. Rev. 1992. № 53. P. 755, 763; Thaman S. Plea-Bargaining, Negotiating Confessions and Consensual Resolution of Criminal Cases // General reports of the XVII Congress of the international academy of Comparative law 996 (K. Boele Woelki & S. van Erp eds.). 2007; Цит. по: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

порядке. Если осужденный не предпримет никаких действий, то приказ считается вступившим в законную силу и исполняется принудительно. Если дело было возбуждено потерпевшим, приказ вынести нельзя, если же потерпевший обратился в суд уже после издания приказа, то суд, оставляя в силе приказ, обязан отдельно рассмотреть гражданский иск потерпевшего.

Что касается штрафа в твердой денежной сумме, он назначается за правонарушения, которые в РФ отнесены к категории административных проступков. Полицейский фиксирует совершение правонарушения, составляет протокол и вручает виновному уведомление с изложением его прав, в частности права добровольно исполнить наказание, уплатив соответствующий штраф. Для каждого вида правонарушений законом установлена твердо определенная сумма в пределах от 30 до 900 франков (ст. R.49 УПК). Если виновный платит штраф в течение 3 суток, то его размер автоматически уменьшается (150 франков вместо 230, 300 франков вместо 450, 600 вместо 900 и т.д.). Если он этого не делает, то получает право в течение 30 суток уплатить обычную сумму штрафа или обратиться к прокурору с ходатайством о рассмотрении данного дела. Прокурор по итогам рассмотрения ходатайства либо отказывает в уголовном преследовании, либо возбуждает его на общих основаниях (он может также просить у суда выдачи уголовного приказа). Если в течение 30 суток со стороны обвиняемого не происходит ни оплаты штрафа, ни обращения к прокурору, то размер штрафа автоматически увеличивается. Получив уведомление об уплате штрафа в увеличенной сумме, обвиняемый в течение десяти суток вправе обратиться к прокурору с возражением. В таком случае последний решает вопрос о возбуждении (или отказе) уголовного преследования на общих основаниях, в том числе исходя из его целесообразности. Если преследование возбуждается, дело передается в суд. Если же со стороны виновного возражений не последует, то через 10 дней с него может быть принудительно взыскан штраф в увеличенной сумме. Во Франции, таким образом, у обвиняемого есть возможность настаивать на рас-

смотрении его дела в обычном, а не упрощенном порядке, что, по мнению исследователей, компенсирует упрощенный характер процесса и отсутствие ряда процессуальных гарантий¹.

В 2004 г. во Франции введена еще одна упрощенная форма судебного разрешения дела – «comparution sur reconnaissance préalable de culpabilité», регламентации которой посвящены ст. 495-7–495-16 УПК. Первоначально данная процедура, применяемая при согласии лица с обвинением, предусматривалась по ограниченной категории дел, впоследствии их круг был расширен, сейчас ее применение возможно по делам о преступлениях, наказываемых на срок до 5 лет лишения свободы. Принятие предложения прокурора и признание вины обвиняемым позволяет назначить наказание в виде тюремного заключения сроком не более одного года и не более половины срока, который подсудимый мог бы получить, и это наказание в виде тюремного заключения может быть условным (ст. 495-8 УПК Франции)². Соглашение должен утвердить суд, убедившись в добровольности волеизъявления подсудимого, активность суда и его дискреционное усмотрение при этом несомненны, он не связан позицией сторон и вправе осуществлять действия, которые считает необходимыми. Если суд отказывает в утверждении соглашения, предложение прокурора теряет силу, а уголовное преследование лица производится в обычном порядке, фактически исполненное также учитывается и засчитывается при назначении наказания³.

После рекомендаций Совета Европы, данных европейским государствам в 1987 г., одним из которых являлось пожелание обеспе-

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств... С. 389–390.

² Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de Procédure Pénale) // Unodc. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. [Б. м.], 2017. URL: http://www.unodc.org/res/cld/document/fra/code-de-procedure-penale_html/France_Code_de_procedure_penale.pdf (дата обращения: 13.01.2017).

³ Там же.

чить быстроту и эффективность судопроизводства¹, в 1989 г. в Италии был принят новый УПК, упростивший процедуру разрешения уголовных дел. По малозначительным делам закон содержит возможность издания прокурором постановления (*decreto penale di condanna*), содержащего ходатайство, обращенное к судье, о признании виновным лица, обвиняемого в незначительном преступлении (наказуемом штрафом или арестом до 3 месяцев), и назначении ему штрафа в размере не более 50% минимального предела штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК Италии. Решение принимается на предварительном слушании в отсутствие обвиняемого, но в случае поступления возражений последнего оно утрачивает свою силу, что влечет назначение судебного разбирательства и рассмотрение дела по существу в суде первой инстанции. Допускается также возможность прекращения производства по делу об уголовно наказуемом проступке, если обвиняемый добровольно внесет 50% суммы, составляющей максимальный предел штрафа, предусмотренного статьей УК Италии, и возместит судебные издержки².

В УПК Италии 1989 г. также были закреплены две сокращенные процедуры: «*guidizio abbreviato*» и «*pateggiamento*». «*Guidizio abbreviato*», закрепленная в ст. 438–443 УПК Италии, представляет собой ускоренное производство, проводимое по требованию обвиняемого в рамках предварительного слушания, при котором суд выносит решение на основе доказательств, имеющих в деле. Основанием для этой процедуры является требование обвиняемого, признавшего себя виновным. В рамках данной процедуры никаких соглашений между обвинением и защитой не заключается, по результатам слушаний возможно оправдание обвиняемого, а обвини-

¹ Относительно упрощения уголовного правосудия: рекомендация Комитета министров Совета Европы от 17.09.1987 № 6(87)18 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 116–122.

² Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 41.

тельный приговор должен быть меньше на одну треть, чем возможное наказание в обычном процессе. Суд при проведении слушаний не производит исследование доказательств непосредственно, изучая лишь письменные материалы дела¹. Вторая сокращенная процедура, называемая «patteggiamento» – «ходатайство о наказании по просьбе сторон», порядок рассмотрения дела и меру наказания ставит в зависимость от признания вины и наличия соглашения между защитой и обвинением. Первоначально она применялась по преступлениям, за которые могло быть назначено наказание не более 3 лет, судья при этом мог заменить лишение свободы до 2 лет денежным штрафом. В 2003 г. в УПК Италии были внесены изменения, и к настоящему времени применение данной процедуры возможно по делам о преступлениях, наказание за которое не превышает 5 лет лишения свободы с уменьшением наказания по таким делам до 2/3². При этом судья вправе не утвердить «соглашение о наказании», если он считает его чрезмерным или если у него имеются сомнения в виновности обвиняемого³.

Имеется в Италии (как в настоящее время и в РФ) также процедура заключения соглашений с раскаявшимися членами организованных преступных сообществ («мафии»), она связана с принятием в середине 1980-х гг. в стране ряда законов о борьбе с оргпреступностью и о защите свидетелей; согласно этим актам, положения которых о мере наказания к настоящему времени также отражены в УПК, возможно заключение соглашений не только по малозначительным преступлениям, но и с раскаявшимися членами ОПС, совершившими преступления любой категории. Известно, что процедура соглашений с членами мафии вызвала множество споров в обществе, так как приговоры для них выносились менее суровые, чем в отношении лиц, совершивших общеуголовные преступления;

¹ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 191–193.

² Тейман С. Указ. соч.

³ Головки Л.В. Указ. соч. С. 194.

так, если они сообщали органам расследования и судьям сведения, позволявшие привлечь к ответственности руководителей мафии и их бывших товарищей, наказание могло быть уменьшено не до 2/3, а в 5 раз¹. Заключение сделки возможно в том числе с представителями оргпреступности, обвиняемыми по тяжким и особо тяжким статьям, однако при этом такая сделка считается экстраординарной, допустимой лишь в исключительных случаях; право её заключения предоставлено не всем, а лишь специальным прокурорам, прикрепленным к прокуратурам областей, специализирующимся именно на борьбе с оргпреступностью. Соглашения о сотрудничестве в Италии подверглись критике за то, что они выгодны исключительно лицам, которые «виноваты в тяжких преступлениях» и у них есть информация о тяжких преступлениях, которой они могут «торговать», в то время как лица, виновные в небольшой степени и лишённые такой информации, наказываются вдвойне².

Законодательство Итальянской Республики особенно интересно в связи с тем, что С. Тейман в своих работах, публикуемых в различных постсоветских государствах и размещаемых в сети Интернет, неоднократно указывал на роль американских консультантов в создании УПК РФ и его особых процедур. В частности, С. Тейман утверждает, что лично он написал главу о «процедурах согласования» для официальной рабочей группы, которая работала над УПК России, принятым в 2001 г. и где российский законодатель закрепил процедуру, которую Тейман смоделировал по итальянской «*patteggiamento*» и отразил в Рекомендациях парламентских слушаний «О ходе подготовки проекта Уголовно-процессуального ко-

¹ Новый УПК Италии // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. Вып. 5. С. 21–31; Минна Р. Мафия против закона. М., 1988. С. 283; Pizzi W., Marafioti L. The New Italian Code of Criminal Procedure: The Difficulties, of Building an Adversarial Trial System on a Civil Law Foundation // Yale journal of international law. 1992. № 17. P. 1, 23; цит. по: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

² Ferrajoli L. Diritto e ragione: teoria del garantismo penale. 1998; цит. по: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

декса Российской Федерации» по проблемам, касающимся сокращенных предварительных слушаний и форм судопроизводства¹. Представляется, С. Тейман не лукавит, упрощенные формы, примененные в УПК РФ, наиболее похожи именно на итальянские процедуры, на которые, в свою очередь, существенное влияние оказали положения англо-американского уголовного процесса. Л.В. Головки, анализируя «*patteggiamento*», назвал ее «континентальным аналогом англосаксонских “*plea bargaining*” в итальянском варианте»², отметив, что очевидного технико-юридического сходства между англосаксонскими сделками о признании вины и континентальными способами упрощения уголовного процесса отрицать нельзя³, однако вместе с тем указал, что в конкретных конструкциях, упрощениях, применяемых в Европе, «континентальная идеология почти всегда берет верх», в частности, судья не должен сомневаться в виновности подсудимого и справедливости наказания⁴.

Реальные механизмы упрощения уголовного процесса в различных странах разнообразны и многоплановы. К примеру, при суммарном производстве в Германии позиция обвиняемого не является определяющей при выборе порядка судопроизводства, инициатором упрощения процесса является прокурор, окончательное решение же принимается судьей. Судья, получив от прокурора документы, если он не нашел оснований для отклонения просьбы о вынесении решения в суммарном производстве, одновременно с направлением повестки направляет обвиняемому лицу решение, которое обвиняемым (а равно защитником) может быть опротестовано (в том числе и частично) в течение двух недель согласно § 410. В соответствии с § 411 суд может отклонить протест в случае его необоснованности либо в случае про-

¹ Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности....

² Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 195.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 202.

пуска срока, в иных случаях суд назначает судебное заседание, где исследует обстоятельства дела и где подсудимого может в его отсутствие по письменной доверенности представлять защитник. По итогам заседания суд постановляет приговор¹. Сходные процедуры используются и в ускоренном производстве, применяемом, согласно § 417, «если дело пригодно для незамедлительного рассмотрения в связи с ясностью фактических обстоятельств дела или однозначностью доказательств»². В данном случае очевидно, что диспозитивность поведения подсудимого в выборе формы судопроизводства, в распоряжении предметом и ходом процесса минимальна, основным действующим лицом немецкого уголовного судопроизводства является суд. Во Франции положение несколько иное – предложение о выборе упрощенной процедуры исходит от прокурора, но обвиняемый вправе с ним не согласиться изначально, т.е. роль обвиняемого значительнее. Кроме того, помимо упрощения собственно судебного разбирательства дела, как указывалось, в современный период широко применяются процедуры упрощения уголовного судопроизводства еще на досудебном этапе либо без участия суда (альтернативы уголовному преследованию), либо с участием суда в роли «контрольного» органа³.

Примечательно мнение С. Теймана, что европейские модели упрощения «предпочтительнее американской модели заключения сделки о признании вины, потому что они ограничены преступлениями небольшой степени тяжести и вследствие этого в них меньше давления на подсудимых; они не должны принимать условия сделки из-за очень больших сроков тюремного заключения в случае, если они пойдут на судебный процесс... Таким образом можно сэкономить большие средства...»⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия...

² Там же.

³ Подобные процедуры подробно проанализированы Л.В. Головки в работе «Альтернативы уголовному преследованию в современном праве».

⁴ Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

В США при рассмотрении уголовных дел по обвинению лица в преступлении любой степени тяжести широко используется практика сделок о признании вины, называемых также «сделками с правосудием», когда стороны обвинения и защиты путем торга и взаимных уступок приходят к согласованному мнению об объеме обвинения и мере наказания. Соглашение между защитой и обвинением затем утверждается судом, определяющим меру наказания. Данное явление, возникнув в конце XIX в., вплоть до 70-х гг. XX в. носило характер «парапроцессуального» и было «легализовано» Верховным Судом США с принятием ряда решений по конкретным уголовным делам.

Желательность и допустимость сделок была обоснована соображениями об экономии времени и ресурсов, в частности, по делу *Santobello* Верховный суд указал, что сделка между обвинителем и подсудимым желательна, что она является компонентом правосудия и если она заключается должным образом, ее нужно поощрять, поскольку если бы по каждому уголовному делу происходило полномасштабное судебное разбирательство, то федеральным властям и властям штатов пришлось бы во много раз увеличить количество судей и судебных учреждений¹. При этом согласно поправке VI, содержащейся в Билле о правах, являющемся составной частью Конституции США, каждому гарантируется справедливое, беспристрастное судебное разбирательство судом присяжных; во время всего судебного разбирательства дела в суде присяжных подсудимый имеет право хранить молчание. При разрешении уголовного дела посредством «сделки» гражданин отказывается от рассмотрения своего дела судом присяжных и от процессуальных гарантий в обмен на снижение объема обвинения либо объема наказания. С тем чтобы стимулировать заключение большего числа сделок, в суды присяжных США назна-

¹ *Criminal Procedure in the City of New York. Santobello v New York*, 404 U.S. 1971. N. Y., 1987. P. 232, 257, 261. Цит по: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 41.

чают самых суровых судей, а самые мягкие работают как единоличные судьи¹.

Несмотря на широкое применение, данный институт до настоящего времени вызывает споры, которые сам С. Тейман называет «классическими спорами американских юристов»; это свидетельствует о том, что противников сделок достаточно и в США². Аргументы у противников сделки о признании вины также можно назвать классическими; показательны названия некоторых работ, посвященных данной проблеме: «Сделка с правосудием или истина?», «Презумпция виновности: когда наказываются невиновные»³. Правоведы, выступающие против сделок, обращают внимание, что при их заключении в большинстве случаев не устанавливается реальная картина деяния, что суд, не желая прилагать усилий, принимает на веру версию, выработанную и представленную ему на утверждение прокурором и обвиняемым, как бы абсурдно и нелепо она не выглядела с точки зрения здравого смысла. Отмечается проблема принуждения и угроз, применяемых органами расследования и прокурорами США для склонения обвиняемых к заключению сделок⁴. Не имеется единства мнений по поводу использования сделок даже среди специалистов, вырабатывающих стратегию развития уголовного судопроизводства, как указывалось в литературе. Национальная консультативная комиссия по разработке стандартов и целей уголовного правосудия США, несмотря на широчайшее распространение соглашений, рекомендовала исключить практику «сделок о признании вины» как противоречащую закону и нормам нравственности⁵.

¹ Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10, 11.

² Thaman S. Comparative criminal procedure: a casebook approach. Durham, 2008. 296 p.

³ Mather L. Plea Bargaining or Trial? D.S. Health. 1979. P. 3; Yant M. Presumed Guilty: When Innocent People Are Wrongly Convicted. New York, 1993. P. 11, 34–36, 170–174.

⁴ Yant M. Op. cit. P. 34–36, 170–174; Mather L. Op. cit. P. 4–6.

⁵ Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Ведение в правовую систему США. М., 1997. С. 191.

Как бы то ни было, сделка с правосудием является к настоящему времени важнейшей составляющей системы уголовного судопроизводства США, большинство уголовных дел в данном государстве разрешаются именно посредством заключения сделок, а не действующим в первой инстанции судом присяжных. Различные штаты и суды (юрисдикции) имеют различные правила заключения соглашений, общая же возможность применения сделок регламентируется п. «е» Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса в окружных судах США и п. «А» Правила 443 Унифицированных правил уголовного процесса¹. Так, в п. «А» Правила 443 Унифицированных Правил... говорится, что стороны вправе заключить соглашение о том, что обвиняемый будет определять свое отношение к обвинению на основании одного или нескольких условий, основными из которых являются действия обвинителя, который может 1) внести поправки в обвинительный акт, указав в нем обусловленное сторонами преступление; 2) исключить какие-либо обвинения или не предъявлять их; 3) дать рекомендации по наказанию, обусловленные сделкой или не противодействовать применению к обвиняемому каких-либо процедур, желательных для него. В свою очередь обвиняемый при выполнении одного или нескольких из этих условий обязуется не подавать апелляцию на приговор суда, вынесенный на основании сделки. Более подробно механизм заключения сделки регламентирован в п. «е» Правила 11 Федеральных Правил уголовного процесса в окружных судах США, который назван «процедура достижения соглашения по ходатайству». Данным пунктом и содержащимися в нем подпунктами устанавливается, в частности, что инициаторами соглашения должны являться обвинитель и обвиняемый, а также положение о том, что суд не должен участвовать в обсуждении вопроса о существовании приговора (пп. «С» п. «е» Правила 11). Если стороны достигнут соглашения, то по

¹ Federal Criminal Code and Rules. Federal Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts. West Group. St. Paul, 1998. P. 138; Uniform Rules of Criminal Procedure. West Publisher Corp., 1997. P. 297–298.

их ходатайству судья заслушивает стороны о его существовании. При этом суд вправе принять ходатайство о включении условий соглашения в приговор, отклонить данное ходатайство либо отложить свое решение по указанному вопросу.

При отклонении ходатайства судья должен под протокол сообщить об этом обвиняемому, разъяснить ему право отозвать свое ходатайство о признании вины и сообщить, что если он будет настаивать на признании, то разрешение дела может быть менее благоприятным, чем то, на что рассчитывал в соглашении подсудимый (р. 3, 4 пп. «С» п. «е» Правил). Интересен пп. «F» Правила 11, устанавливающий, что суд, несмотря на принятие ходатайства о виновности, не должен выносить судебное решение лишь на основании ходатайства сторон о принятии соглашения «без проведения такого исследования, которое должно удовлетворить его с точки зрения наличия фактических оснований для такого заявления». Вообще анализ законодательства данного государства в части правил судостройства и уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что законодатель США понимает опасности, таящиеся в применении сокращенных процедур. В частности, перед началом предварительных слушаний председательствующий судья должен разъяснить подсудимому, что он имеет право на то, чтобы настаивать на своей невиновности и быть судимым судом присяжных, право не давать показания против самого себя, право на помощь защитника, право на допрос всякого лица, свидетельствующего против него, право на предоставление суду своих свидетелей и т.д. Лишь при положительных ответах, убедившись, что подсудимый осознает последствия, которые может повлечь для него сделка, суд вправе утвердить соглашение¹.

Исследователями уголовного процесса США указывается, что должностные лица органов расследования, обвинители и даже судьи заинтересованы в упрощенных порядках разрешения дела и принимают все меры к тому, чтобы подтолкнуть лицо на заключение

¹ Uniform Rules of Criminal Procedure... P. 302–304; Federal Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts... P. 140–142.

сделки¹; косвенным доказательством этого, на наш взгляд, служат разъяснения и Верховного Суда США о том, что сделка должна носить добровольный характер, поскольку если бы это положение всегда реализовывалось, необходимости в них не было бы.

Относительно лица, потерпевшего от преступления, если оно наличествует, отметим, что его мнение не является определяющим при решении вопроса о заключении сделки, хотя в Унифицированных Правилах в общем плане говорится о том, что прокурор должен учитывать, помимо интересов общества, также и его интересы, и упоминается о праве судьи приглашать потерпевшее лицо на согласительное заседание по поводу условий сделки². Соглашение, заключаемое, как правило, в письменной форме, подписывается обвинителем, с одной стороны, и обвиняемым и его защитником – с другой, участие потерпевшего в данной процедуре не предусматривается³. Л.В. Головкин вообще указывает, что с теоретической точки зрения процессуальной фигуры потерпевшего американское уголовное судопроизводство не знает, что позволяет рассматривать «сделки» исключительно через призму процессуальных взаимоотношений обвинителя и обвиняемого, в связи с чем не имеется и препятствий в заключении подобных сделок⁴. Представляется, с подобной трактовкой, со значительной долей условности, можно согласиться, потерпевший в англо-американском уголовном процессе по своему процессуальному статусу является свидетелем обвинения.

¹ Yant M. Op. cit. P. 34–36, 170–174; Mather L.M. Op. cit. P. 4–6; Thaman S. Comparative criminal procedure: a casebook approach...

² Uniform Rules of Criminal Procedure... P. 304.

³ Мнение, изложенное в работе В.Н. Махова и М.А. Пешкова «Уголовный процесс США (досудебные стадии)» о том, что роль потерпевшего при заключении сделки является определяющей (с. 117), вряд ли верно еще и по этой причине, по крайней мере, в изученных работах западных авторов мы подобного утверждения не нашли.

⁴ Головкин Л.В. Актуальные направления реформы уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // online.zakon.kz. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30425816&mode=p (дата обращения: 27.02.2016).

Главный момент, который заключен в сделке по американскому образцу, – при ее заключении нет процесса доказывания, подсудимый признает себя виновным, согласен с условиями соглашения и сам желает вынесения приговора в соответствии с теми договоренностями, которые согласованы им и его защитником с обвинением, для обвинения и защиты соглашение имеет силу взаимообязывающего договора. Целью сторон является сама сделка, обвиняемый не желает идти на риск необоснованного осуждения либо получения при обычной процедуре более строгого наказания, государство же в лице прокурора стремится сэкономить ресурсы. Стороны при этом не устанавливают реальные обстоятельства произошедшего, они лишь путём взаимных уступок разрешают конфликтную ситуацию. Заинтересовано в сделках и правительство: законодательство США не знает института рассмотрения более-менее важного уголовного дела единоличным судьей, затраты же на обеспечение рассмотрения дела судом присяжных, как предусмотрено Биллем о правах, очень велики.

Вместе с тем, несмотря на широкое распространение, североамериканская сделка является экстраординарным, особым порядком, используемым во-многом вынужденно, в целях экономии материальных, финансовых, людских ресурсов. Американские юристы считают именно так, судья К. Макгловер, выступая в Вологодском областном суде, куда она была приглашена в рамках изучения положительного опыта, указала, что в среднем ей требуется 15 минут, чтобы признать сделку, т.е. рассмотреть дело и вынести приговор. Отметив, что в США в год при населении в 366 миллионов человек рассматривается более 15 миллионов уголовных дел, в большинстве малозначительных судья, отвечая на вопрос, почему сделка о признании вины в США так популярна, сказала, что при подобной нагрузке отсутствие этой процедуры в уголовном судопроизводстве США привело бы к коллапсу судебной системы¹. В целом укажем, что нам понятно стремление США к упрощенным

¹ Красный Север. Вологда, 2006. 16 марта.

процедурам, когда альтернативой упрощению является не рассмотрение дела единолично судьей, как в Российской Федерации, а доверенный суд присяжных, который действует в США по первой инстанции. Очевидно, что при отказе от упрощения нагрузка на судебную систему США возросла бы многократно.

Следует отметить, что соглашение о признании вины по американскому образцу – это именно договор, акт, содержащий взаимные обязанности и права сторон, как правило, это письменный документ, в котором излагаются условия его заключения и отражаются существенные для сторон моменты: квалификация деяния, обязательства сторон тем или иным образом корректировать свое поведение, не осуществляя или, напротив, совершая те или иные действия и даже пределы, в которых за данное деяние предусмотрено наказание. Кроме того, согласно Правилу 410 Федеральных Правил уголовного процесса в окружных судах США, сведения, ставшие известными стороне при переговорах по поводу заключения соглашения, если сделка не была достигнута либо не утверждена судом, использоваться данной стороной в дальнейшем не могут¹.

В других странах англо-американской модели соглашения между обвинителем и обвиняемым – «сделки о признании вины» («plea bargaining»), используются в гораздо меньшей степени и имеют мало общего с американской сделкой. Заключение сделок о признании вины по американскому образцу, когда признание вины выдвигается в качестве условия для применения каких-либо преференций, предоставления послаблений, в этих странах критикуется; в частности, исследователями отмечается, что заключение сделок открывает возможность для угроз, принуждения к признанию вины, нарушению прав человека, уклонению от положенного наказания, что может привести к результату, несовместимому с понятием «справедливое правосудие»².

¹ Federal Criminal Code and Rules. Federal Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts... P. 139.

² Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994. P. 266–270.

В странах англо-американского типа процесса важнейшую, зачастую даже определяющую роль при решении вопроса об упрощении процесса играет усмотрение лица, осуществляющего уголовное преследование, – прокурора. При заключении соглашения любой обвинитель исходит, помимо прочего, из оценки степени опасности преступного деяния, он имеет свои представления о справедливости и для себя решает, стоит ли соглашаться на применение сокращенных процедур, идти ли на сделку с обвиняемым. Помимо оценки силы доказательств обвинитель анализирует и личность преступника, и резонансность преступления, и общественное мнение о нем, и опасность деяния для состояния общественного порядка в том или ином административном образовании в целом, и даже влияние компромисса на карьеру и репутацию прокурора. Если вспомнить периодически освещаемые в выпусках новостей сообщения из США об убийствах из хулиганских побуждений из огнестрельного оружия граждан в кинотеатре, школе, супермаркете, о случаях серийных похищений, то очевидно, что по таким делам вероятность компромисса между подсудимым и обвинителем крайне мала. Не будем забывать и о политической составляющей, также играющей важнейшую роль: прокурор в США – выборное лицо, соизмеряющее свои действия в первую очередь с перспективой партийной и профессиональной карьеры.

Для российского уголовного процесса, являющегося смешанным, континентальным, в современных условиях исключительно важен вопрос о том, насколько принципиально отличаются механизмы упрощения судопроизводства в странах англо-американского и континентального типа его построения, а также о том, в какой мере допустимо для России заимствование механизмов упрощения разрешения уголовных дел, применяемых, к примеру, в США.

С. Тейман не видит препятствий для внедрения всевозможных упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводство иных, даже отличающихся по типу процесса государств, указывая на прогрессивность порядков, применяемых в США и экспортируемых,

по его мнению, в результате американского влияния в страны Европы, Латинской Америки и страны бывшего СССР, судопроизводство которых, по его мнению, характеризуется многими «инквизиционными» чертами¹.

Л.В. Головки имеет противоположное мнение, указывая, что «сделки о признании» представляют собой не отдельный институт, могущий существовать в относительно «автономном режиме», а абсолютно системное явление, характерное для англосаксонских стран. Автор считает, что континентальный процесс, имеющий совершенно иную степень формализации досудебных стадий и построенный на таких категориях, как «уголовное дело», «производство по делу», «приостановление производства по делу», принципиально не может использовать англосаксонский механизм «сделок», предлагая ответить на вопросы: на каком основании обвинитель оставит без внимания часть материалов дела в обмен на признание вины? По какому основанию он прекратит по ним производство? Как быть с правами потерпевшего или гражданского истца? Может ли потерпевший обжаловать в порядке судебного контроля решение о частичном прекращении уголовного преследования и как такая жалоба будет рассматриваться, учитывая, что «сделка» имеет под собой не правовые, а фактические основания, отражая желание обвинителя и обвиняемого договориться исходя из обоюдной целесообразности? Л.В. Головки полагает невозможным ответить на эти вопросы в рамках «континентальной логики», указывая, что «именно поэтому в чистом виде “сделки о признании” в континентальный процесс имплементировать нельзя, что с теоретической точки зрения есть факт общеизвестный»².

Думается, мнение Л.В. Головки, отмечавшего, как говорилось выше, влияние американских сделок о признании вины на уголовное су-

¹ Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

² Головки Л.В. Актуальные направления реформы уголовного судопроизводства в Республике Казахстан...

допроизводство континентальных стран, более верно, уголовный процесс как системное явление не предполагает бездумного копирования, новации, не учитывающие системных особенностей национального судопроизводства, как свидетельствует история, отторгаются.

Романо-германское (континентальное) и англо-американское построение уголовного судопроизводства различаются как механизмами регулирования, так и степенью урегулированности уголовно-процессуальной деятельности. Для стран континента характерны четкие формально определенные правила, закрепленные в кодифицированных актах, правоприменители же стран англо-американской модели руководствуются помимо норм права еще и судебными прецедентами, и своим пониманием «буквы и духа» закона. В полной мере это относится и к сфере сокращенных форм уголовного судопроизводства; возможность их применения в странах Европы, помимо желания обвиняемого, зависит от тяжести преступления и меры наказания, которая за его совершение полагается, обстоятельств совершения (очевидность-неочевидность), а также от личности правонарушителя, причем критерии применения той или иной процедуры изложены в основном нормативно. В англо-американском процессе подход иной: помимо малозначительности преступления, которая, будучи закреплена, сама по себе является основанием для упрощения процедуры (суммарное производство), определяющее значение для упрощения процесса по иным категориям дел, вплоть до самых тяжких, имеет позиция обвинителя и обвиняемого, мнение так называемых сторон судопроизводства.

Вопрос о том, какой способ регулирования более перспективен, представляется риторическим. В литературе встречается мнение о том, что государство должно брать на себя регламентацию наиболее существенного в сфере уголовного судопроизводства, все остальное должно быть делом органов, непосредственно осуществляющих уголовное преследование и правосудие; преимущество такого подхода заключается в создании условий, способствующих

гибкой и оперативной корректировке порядка деятельности соответствующих органов¹.

Представляется, что применение того или иного способа регулирования, обуславливается множеством факторов: типовой конструкцией уголовного судопроизводства, состоянием правопорядка, нравственными установками общества и т.д. При наличии развитого гражданского общества, системы общественного контроля за действиями суда и обвинителей путь самостоятельности государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, в принципе возможен, однако для России (как и для стран континентальной Европы) предпочтительным представляется путь детальной регламентации судебных процедур.

Данный подход более справедлив. Рассмотрим простой пример: если два лица, совершившие аналогичные преступления и имеющие сходные социальные характеристики, хотят признать вину в обмен на снижение наказания либо заключить какое-либо соглашение, по какому критерию обвинитель должен принимать решение? К примеру, в США (а теперь и в России) возможно снижение наказания в результате рассмотрения дела в упрощенном порядке либо вследствие признания вины, либо вследствие заключения соглашения, по усмотрению обвинителя, только одному из них, но справедливо ли это? Как известно, особый порядок рассмотрения уголовных дел, регламентированный главами 40 и 40.1 УПК РФ, не предполагает принятия согласия всех граждан на применение сокращенных способов разрешения уголовного дела, но при этом не содержит и критериев для отказа, т.е. законодатель применил, как представляется, несвойственный для континентального процесса метод регулирования, не определив пределы дискреции прокурора, что вряд ли оправданно².

¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств... С. 16–17.

² Этот вопрос будет рассмотрен далее.

К слову, законодатели Италии вопрос с дачей согласия прокурора на применение упрощения решают по-иному. Согласно ч. 6 ст. 446 УПК Италии отказ прокурора должен быть мотивирован, обвиняемый при этом может обжаловать его в суд, а судья согласно ч. 1 ст. 448 УПК Италии вправе утвердить требуемое обвиняемым наказание в случае «необоснованности» действий прокурора. Кроме того, Решением № 81 1991 г. Конституционный Суд Италии обязал прокурора мотивировать свое несогласие с ходатайством обвиняемого об ускоренном производстве, а также признал не соответствующим Конституции Италии то, что судья не имеет права признать обоснованным (недостаточно мотивированным) отказ прокурора в даче согласия на ускоренное производство, т.е. отсутствие такого согласия со стороны обвинителя в настоящее время может быть преодолено обвиняемым и судьей, осуществляющим предварительное слушание¹.

В связи с изложенным необходимо сказать следующее. Как представляется, законодатели Европейских стран, в частности, Франции, Германии, Италии, при закреплении упрощенных, ускоренных способов разрешения уголовных дел стараются сделать это таким образом, чтобы сохранить то ценное, что имеется в их национальном законодательстве. Цель здесь – не изменить свою систему уголовного процесса, а «вписать», интегрировать в нее новые, упрощенные формы. Иными словами, при дифференциации процессуальной формы в сторону упрощения логично, чтобы продолжали действовать исторически сложившиеся принципы и подходы к правосудию.

Так, в современном УПК Германии закреплено положение, что суд вправе обсуждать с участниками процесса «состояние дела». Согласно § 257b и 257c суд может в ходе основного судебного разбирательства обсуждать состояние дела с участниками производ-

¹ Pisani M. La celerite dans la procedure penale italienne // Revue internationale de droit penal. 1995. Vol. 66, № 3-4. P. 577. Цит по: Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 192, 194.

ства, если тем самым представляется возможным ускорить процесс, а также может предложить заключить какие-либо соглашения о дальнейшем ходе процесса; в § 160b, 202a, 212, 257b законодатель предоставляет участникам процесса возможность коммуникации для подготовки соглашения практически на любой стадии уголовного производства, однако при этом определено, что соглашение заключает именно суд, а не участники между собой. Заключение судебных соглашений возможно в немецком уголовном процессе лишь в ходе основного разбирательства. Согласно § 273 («Судебное соглашение с участниками процесса о его дальнейшем ходе и результате») установлено, что «в подходящих случаях суд может в соответствии с нижестоящими абзацами заключить с участниками процесса соглашение о дальнейшем ходе и результате процесса... Предметом соглашения могут выступать лишь правовые последствия, которые могут содержаться в приговоре или в связанных с ним постановлениях (определениях), иные процессуальные меры в настоящем судопроизводстве, а также процессуальные действия участников процесса. Составной частью любого соглашения должно выступать признание подсудимого. Обвинительный вердикт, а также меры исправления и безопасности не могут являться предметом соглашения. Содержание возможного соглашения должно быть оглашено судом. С учётом свободной оценки всех обстоятельств дела, а также общих правил назначения наказания суд вправе установить нижние и верхние границы наказания. Участникам процесса предоставляется возможность высказаться. Соглашение считается заключённым, если подсудимый и прокурор соглашаются с предложением суда. Обязательства, принятые судом в рамках соглашения, расторгаются, если не были учтены или возникли впервые важные правовые или фактические обстоятельства и суд на этом основании приходит к убеждению, что установленные в соглашении рамки наказания более не соответствуют вине подсудимого и тяжести содеянного. Данное положение действует также, если дальнейшие процессуальные действия подсудимого не соответ-

ствуют поведению, предусмотренному в соглашении. В этих случаях признание подсудимого не может быть использовано судом. Отклонения от соглашения подлежат незамедлительному оглашению судом. Подсудимому должны быть разъяснены предпосылки и последствия отклонения решения суда от предусмотренного в соглашении исхода процесса»¹.

Данная норма введена в УПК ФРГ в 2009 г. в соответствии с Законом о регулировании судебных соглашений в уголовном процессе (Gesetz zur Regelung der Verständigung im Strafverfahren) от 29.07.2009 (BGBl 2009 I, 23539)². Составной частью любого соглашения должно выступать признание подсудимого, причём положения § 257с (абз. 1), 244 (абз. 2) УПК ФРГ не освобождают суд от обязанности в рамках судебного разбирательства проверять достоверность этих показаний. Суд и в этих случаях подчиняется принципу обязанности выявления «материальной истины» по официальной инициативе, он не вправе удовлетвориться лишь признанием подсудимого. Хотя это и не означает, что суд обязан в полном объёме произвести судебное следствие, что было бы необходимо, если подсудимый оспаривал бы совершение деяния; в судебном разбирательстве должны быть исследованы основные доказательства, в особенности должны быть допрошены свидетели обвинения и защиты³. Предметом соглашения также не может являться отказ от возможности обжалования приговора. Видами соглашений суда с участниками процесса могут быть постановление об условной отсрочке исполнения наказания на испытательный срок, отказ от ходатайства о применении отдельных процедур доказывания или принятие на себя обязательства о возмещении причинённого ущерба и т.д.⁴

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии...

² Научно-практический комментарий Головненкова П., Спица Н. к Уголовно-процессуальному кодексу Федеративной Республики Германии и перевод текста закона со вступительной статьёй У. Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Potsdam, 2012. С. 273–274.

³ Там же. С. 274.

⁴ Там же.

Параграф 245 УПК ФРГ «Объем исследования доказательств», устанавливает, что исследование доказательств должно быть распространено на всех вызванных судом и явившихся свидетелей и экспертов, а также на прочие средства доказывания, собранные прокуратурой или судом, за исключением случаев, в которых исследование доказательств является недопустимым. От привлечения отдельных доказательств можно отказаться, если прокуратура, защитник и подсудимый с этим согласны. Суд обязан распространить исследование доказательств на вызванных подсудимым или прокуратурой и явившихся свидетелей и экспертов, а также на прочие собранные средства доказывания только в том случае, если заявлено ходатайство о доказывании. Ходатайство должно быть отклонено, если исследование доказательств является недопустимым. В остальном ходатайство может быть отклонено, только если факт, подлежащий доказыванию, уже доказан или очевиден, если между ним и предметом судебного решения не существует взаимосвязи, если средство доказывания является совершенно непригодным или если ходатайство заявлено с целью затянуть судебный процесс¹.

Конституционный Суд ФРГ в своем решении от 27 января 1987 г. поставил применению даже таких «соглашений» жесткие рамки. Суд указал, что, во-первых, никакое соглашение не должно иметь «одежду приговора», т.е. лицо не может быть приговорено на основании самого соглашения обвинения и защиты. Во-вторых, суд исключил какую-либо возможность «торговли с правосудием», что, по его мнению, вытекает из правильного понимания концепций «юстиции» и «правового государства». В-третьих, суд признал, что соглашения допустимы лишь при сохранении верховенства основных уголовно-процессуальных и материально-правовых принципов: обязанности суда всесторонне исследовать все обстоятельства дела, осуждения лица только при установлении его виновности, равенства прав перед судом, свободного (без физического

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии...

или психологического принуждения) принятия решения обвиняемым. Конституционный суд ФРГ указал, что преимущества, которые может получить обвиняемый в силу соглашения с обвинителем, должны быть основаны исключительно на законе и что принцип материальной истины остается для суда обязательным независимо от того, заключили стороны соглашение или нет. Если суд (судья) видит, что соглашение сторон (оценка фактов, квалификация, требуемая мера наказания и т.д.) противоречит обстоятельствам дела, он обязан самостоятельно установить истину и постановить справедливый приговор. Соглашение сторон не имеет для него в таком случае никакого значения¹.

Как указывалось, прокурор в ФРГ вправе в качестве «договорной уступки» обвиняемому отказаться от уголовного преследования по «остальным преступлениям» только в порядке применения § 154 УПК, когда «сопутствующее преступление» малозначительно или когда «ожидаемое наказание за основное преступление является достаточным для воздействия на обвиняемого либо для защиты правопорядка», т.е. имеет право идти на соглашение лишь в пределах установленных законодателем исключений из принципа «законности уголовного преследования», остающегося доминирующим принципом германского уголовного процесса. Если же никакого исключения из него законом не предусмотрено, то о соглашении не может идти речи. Точно так же все послабления обвиняемому в наказании должны быть основаны на нормах действующего УК (должны составлять часть института назначения наказания)².

Вообще ФРГ в плане защиты национального уголовного процесса от деструктивного влияния современных тенденций, связанных с экономией средств и ресурсов, является лидером, однако те

¹ Цит. по: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 197–198.

² Там же. С. 198.

же тенденции к сохранению исторических основ своих процессов демонстрируют и законодатели иных европейских стран¹.

Отметим еще один момент, представляющийся нам очень важным в свете введения в 2009 г. в УПК РФ положений гл. 40.1 УПК РФ. Очевидно, что российский институт соглашений о сотрудничестве является прямым заимствованием американского института Plea and Cooperation Agreement, применяемого, как правило, по наиболее значимым делам, связанным с оргпреступностью. Подобный институт, как упоминалось, действует и в Италии, где применение соглашений допускается также в исключительных случаях, в целях борьбы с организованной преступностью (мафией), а само заключение соглашений делегировано специальным прокурорам на уровне провинций (префектур). В России подобных ограничений нет, что может привести к самым негативным последствиям, о чем будет сказано далее.

Подводя итог данному параграфу, сформулируем выводы:

1. В современный период как в англо-американском уголовном судопроизводстве, так и в уголовном процессе континентального типа «универсальным» основанием для упрощения является малозначительность деяния. Малозначительность деяния независимо от типа уголовного процесса предполагает рассмотрение уголовных дел: 1) путем использования альтернативных способов разрешения, в результате которых малозначительные уголовные дела либо разрешаются без передачи в суд, либо принятие решения по ним суда (либо обвинителя, либо даже медиатора-посредника) сочетается с судебными мерами; 2) в порядке «суммарного судопроизводства», применяемого, как правило, независимо от усмотрения обвиняемого.

2. В странах континентальной Европы основаниями (условиями, при наличии которых возможно упрощение) для упрощения уголовного судопроизводства в современный период являются:

¹ Подобное мнение разделяет и С. Тейман. См.: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности...

- небольшая общественная опасность преступления, оцениваемая по меркам того или иного государства применительно к максимальному пределу санкции статьи уголовного закона;
- инициатива прокурора либо согласие или отсутствие возражений прокурора против применения упрощенной процедуры;
- просьба обвиняемого о принятии решения в упрощенном порядке, сопровождающаяся признанием вины либо согласием с применением такого порядка, либо отсутствием возражений против упрощения. Обычно признание вины поощряется законодателями в обмен на фиксированное снижение наказания, вместе с тем в ряде стран прямо запрещается обуславливать снижение меры наказания и предоставление иных преференций признанием вины;
- согласие либо отсутствие возражений потерпевшего против применения упрощенного порядка;
- согласие суда с упрощенным порядком разрешения уголовного дела.

3. В странах англо-американского построения уголовного судопроизводства возможны упрощенные формы разрешения уголовного дела по обвинению лица в правонарушении любой степени тяжести в случае признания вины и отказа тем самым от спора. В современный период в США и в меньшей степени в иных странах англосаксонской модели возможно также упрощенное разрешение уголовного дела путем соглашения между обвинением и защитой, заключение которой практикуется после предъявления обвинения и обращения обвинителя в суд, т.е. после завершения собирания сведений о преступлении, при этом сделка носит характер взаимобязывающего договора, а у ее сторон имеются взаимные права и обязанности.

Целью сторон и суда являются экономия ресурсов и обеспечение быстроты судопроизводства, доказывание по делу не производится и реальные обстоятельства совершенного деяния судом не устанавливаются, а приговор, вынесенный в таком порядке, не предусматривает возможности его обжалования, что указывается в

соглашении. Инициатором заключения соглашения может быть любая сторона, как обвинитель, так и обвиняемый с защитником.

4. Несмотря на явления конвергенции, механизмы упрощения судопроизводства в странах англо-американского и романо-германского типа уголовного судопроизводства различны. В континентальном уголовном процессе для упрощения, в силу преобладания публичного начала, при неизменности уголовно-правовой квалификации содеянного используется определенный набор нормативно определенных оснований (условий) для упрощения, определяющим из которых является общественная опасность преступления, а возможность дискреции прокурора определена рамками уголовно-процессуального закона и уголовно-правовой квалификацией. В англо-американском судопроизводстве определяющей является позиция сторон, особенно обвинителя, оценивающего перспективы судебного рассмотрения уголовного дела, общественную опасность преступления и другие моменты, т.е. значительно большую роль играют субъективные, дискреционные факторы. Уголовно-правовая квалификация деяния в состязательном судопроизводстве может быть установлена в результате соглашения сторон и не соответствовать фактическим обстоятельствам реально совершенного деяния, а рамки возможного компромисса не ограничены.

Представляется, что в российском уголовном судопроизводстве допустимо применение процедур упрощения, не противоречащих его типологическим свойствам и прошедших апробацию в странах со сходными характеристиками.

2.3. Дифференциация российского уголовного процесса и упрощенные способы разрешения уголовных дел судом, установленные УПК РФ

Вопрос о дифференциации российского уголовного процесса приобрел особую актуальность в современный период развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. В начале – середине 90-х гг. XX в. с изменением общественно-

политического устройства Российского государства подверглись ревизии и ценностные ориентиры общества, возникли сомнения в обоснованности и правильности устройства многих правовых институтов и даже целых отраслей права, в результате чего прежние, советские подходы к тем или иным проблемам оказались забыты либо отвергнуты, причем, как представляется, не всегда оправданно.

При изучении уголовного судопроизводства встречаются мнения о том, что российский уголовный процесс в советское время характеризовался единством процессуальной формы¹, сама же дифференциация зачастую преподносится как явление, присущее развитым в правовом отношении государствам. В частности, имеется мнение, что «стремление к упрощению уголовного судопроизводства, расширению принципа диспозитивности – давняя, уходящая своими корнями в далекое прошлое тенденция, которая присуща почти всем современным государствам. В основе этого лежит, прежде всего, желание придерживаться таких форм судопроизводства, которые адекватно учитывали бы тяжесть и сложность рассматриваемого преступления, а также те правовые последствия, которые могут наступить в результате данного рассмотрения»².

Термин «дифференциация» является заимствованным и означает, согласно словарю иностранных слов, разделение, расчленение на различные части, формы, ступени, образовано же оно от лат. *differentia* – разность, различие³.

Посмотрим, что понимают под дифференциацией различные авторы, насколько прогрессивно данное явление и наличествовало ли оно в российском уголовном судопроизводстве до реформы 90-х гг. XX в., одной из целей которой, как было закреплено в Концепции

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 196–197; Цыганенко С.С. Дифференциация как модель уголовного процесса (уголовно-процессуальная стратегия): материалы междунар. науч. конф. посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. СПб., 2007.

² Научно-практический комментарий к УПК РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2002. С. 210.

³ Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М., 2012. С. 209.

судебной реформы, как раз и была дифференциация уголовного процесса.

Известна дискуссия, развернувшаяся среди ученых-процессуалистов СССР в связи с предложением П.Ф. Пашкевича в 1971 г. «в целях обеспечения быстроты судопроизводства» дифференцировать процессуальную форму, отказавшись от «сложной формы судопроизводства там, где она не соответствует своему назначению и где ее с большим успехом может заменить более простая и гибкая форма, не связанная со значительными затратами времени и материальных средств»¹.

Для понимания сути вопроса обратимся к Курсу советского уголовного процесса М.С. Строговича. Параграф 6 гл. 2 т. 1 данного курса следует за параграфом 5 «Процессуальные гарантии» и имеет название: «Единство советского уголовного процесса». М.С. Строгович указывает, что «советский уголовный процесс представляет собой единый во всех судах и по всем делам порядок производства, который обуславливается едиными принципами советского правосудия и едиными задачами обнаружения по всем уголовным делам истины, справедливого разрешения этих дел и обеспечения прав и законных интересов участников процесса»². Однако перед тем, как сделать данный вывод, на предыдущих трех страницах автор излагает изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства, которые допускались в СССР, упоминает УПК РСФСР 1923 г., перечисляя его особые производства, вспоминает Великую Отечественную войну, культ личности и допускаемые в эти периоды способы упрощения судопроизводства, что, как представляется, свидетельствует о том, что «дифференциация» уголовного судопроизводства в Советской России все же была, причем не в лучших ее формах³.

¹ Пашкевич П.Ф. Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1971. Вып. 14. С. 75–98.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... Т. 1. С. 65.

³ Там же. С. 62–64.

Как указывал автор, «в историческом развитии советского уголовного процесса иногда допускались некоторые отступления от общего и единого порядка уголовного процесса, но развитие все время шло в направлении сужения и устранения этих изъятий, упразднения особых процессуальных форм для отдельных звеньев судебной системы и для отдельных категорий уголовных дел»¹.

Думается, что не вследствие консерватизма, а потому что общество и в частности научная общественность к началу 70-х гг. XX в. помнили о «формах упрощения», которые упоминаются М.С. Строговичем, предложение П.Ф. Пашкевича и было принято в основном негативно. Дифференциация расценивалась правоведами как упрощение процесса, снижение процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, отход от принципов уголовного процесса, повышение риска недостижения его задач и целей².

Представляется, отстаивая единство процессуальной формы, процессуалисты советского периода, вслед за М.С. Строговичем, думали именно о соблюдении в процессе уголовного судопроизводства «единых принципов правосудия», «единых задачах обнаружения по всем уголовным делам истины», о необходимости «справедливого разрешения» уголовных дел, об «обеспечении прав и законных интересов участников процесса».

Вместе с тем и сам П.Ф. Пашкевич, и правоведы, допускавшие и поддерживавшие идеи различных процессуальных порядков, применительно к дифференциации не вели речь о снижении уровня процессуальных гарантий, отступлении от принципов процесса, о допустимости

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... С. 65.

² Строгович М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50–53; Элькин П.С. К вопросу о суммарном судопроизводстве // Сибирские юридические записки. Иркутск; Омск, 1973. Вып. 3. С. 143–159; Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 68–85; Каз Ц.М. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства // Соц. законность. 1975. № 1. С. 65; Алексеев И.С., Лукашевич В.З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве (стадия судебного разбирательства). Л., 1979. С. 32.

недостижения его целей и задач; в их понимании задачами дифференциации являлись лишь сокращение сроков судопроизводства и оптимизация его форм при условии сохранения эффективности¹.

Ряд авторов понимали дифференциацию не как упрощение процессуальных форм, а как явление, объективно присущее уголовному процессу, сторонниками такого подхода указывалось, что по разным категориям уголовных дел судопроизводство осуществляется с определенными особенностями, под которыми понимались: возможность осуществления предварительного расследования либо в форме следствия, либо в форме дознания, наличие родовой и предметной подсудности, наличие подследственности, обязательное участие защитника, переводчика, законного представителя, прокурора, предусматриваемое законом в некоторых случаях в зависимости от свойств личности обвиняемого (например, несовершеннолетнего либо недееспособного)².

М.Л. Якуб основаниями дифференциации считал материально-правовые свойства преступлений, среди них выделяя: 1) степень общественной опасности и тяжесть меры наказания, предусмотренной за него законом; 2) степень сложности дел данной категории в разрешении как их фактической, так и правовой стороны;

¹ Пашкевич П.Ф. Эффективность уголовного судопроизводства // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 97–104; Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 8–48; Арсеньев В.Д. О едином порядке производства по уголовным делам и пределах его дифференциации // Тр. Иркут. гос. ун-та. Сер. юрид. 1970. Т. 85, вып. 10, ч. 4: Вопросы борьбы с преступностью. С. 63–71; Гуляев А. Единый порядок предполагает дифференциацию // Соц. законность. 1975. № 3. С. 64–65; Рахунов Р.Д. Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 83–91 и др.

² Рахунов Р.Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Сов. государство и право. 1975. № 12. С. 60–68; Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 71–74; Даев В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 45–52.

3) общественно-политическое значение дел данной категории;
4) значение, которое преступление имеет для интересов отдельных лиц, тех или иных ведомств, организаций, предприятий¹. М.К. Свиридов указывал, что процессуальная форма допускает не только упрощение, но и, в необходимых случаях, усложнение, он подразделил основания дифференциации на процессуальные и материальные, к материальным основаниям автор отнес: а) вид и меру наказания, которые могут быть применены к подсудимому, указав, что применение более тяжкого наказания требует более сложной процедуры обсуждения вопроса о нем; б) особую общественную опасность обвиняемого, которая обуславливает невозможность применения в отношении него упрощенных форм. В качестве процессуальных оснований автор выделил: а) степень сложности познавательной деятельности по установлению всех обстоятельств дела; а) необходимость или отсутствие принудительного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и подозреваемого; в) наличие у обвиняемого и потерпевшего особых качеств – возраста, физических либо психических недостатков². Ю.К. Якимович применительно к процессуальной форме выделил материальный уголовно-правовой критерий дифференциации, которым, по его мнению, является степень общественной опасности преступления, а также уголовно-процессуальный критерий, в который включил: а) степень сложности установления фактических обстоятельств дела; б) наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство или у лица, пострадавшего от преступления; в) общественную значимость дела; г) интересы лица, в отношении которого ведется судопроизводство, или интересы лица, пострадавшего от преступления³.

¹ Якуб М.Л. Указ. соч. С. 104.

² Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 241–242.

³ Якимович Ю.К. Структура уголовного судопроизводства // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебной реформы: материалы науч.-практ. конф. Ижевск, 1989. С. 29.

Впоследствии Ю.К. Якимовичем, Т.В. Трубниковой и А.В. Ленским система производств уголовного процесса была классифицирована «одновременно как по их направленности, так и по степени их сложности, а также в зависимости от степени соотношения в них публичных и диспозитивных начал»¹. Авторы предложили понимать под дифференциацией уголовного процесса существование в системе уголовного процесса самостоятельных производств, которые характеризуются наличием определенной материально-правовой базы, объективно требующей отличий в законодательном регулировании, комплексностью и наличием существенных различий по сравнению с обычным порядком производства, приводящих в конечном итоге к изменению форм деятельности по этим делам². Упрощенными уголовно-процессуальными производствами предложено считать производства по делам, для которых объективно требуются быстрота производства уголовно-процессуальной деятельности и простота уголовно-процессуальной формы, осуществляемые в большинстве случаев быстрее и с меньшими затратами, чем производство, осуществляемое в обычном порядке, что достигается за счет внесения в уголовно-процессуальную форму изменений, распространяющихся на несколько стадий уголовного процесса³.

В целом точка зрения о том, что в уголовном судопроизводстве возможно выделить различные виды производств в зависимости от их направленности, целей, задач, сложности, степени реализации диспозитивных начал, не вызывает сомнения. Отметим, что авторы указанной теории также не обосновывали ни необходимости отхода от целей уголовного процесса, указывая, напротив, что они должны достигаться, ни снижения уровня процессуальных гарантий, считая лишь, что может меняться их система, ни отказа от принципов судопроизвод-

¹ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса... С. 19–23.

² Там же. С. 51–53, 119–121.

³ Там же. С. 76–85.

ства, допуская, вслед за иными правоведами¹, «изъятие» из принципов и приоритетное удовлетворение каких-либо из них².

В современный период считается, что дифференциация – это одно из направлений развития уголовно-процессуального права, представляющего специфический метод правового выражения в уголовно-процессуальной форме материально-правовых и процессуальных условий деятельности его субъектов. Ее применение ведет к структуризации процессуальных отношений в виде комплекса различающихся свойствами и положением процессуальных порядков (производств по уголовному делу)³. Определяется также, что дифференциация форм уголовного судопроизводства и их законодательное воплощение должны осуществляться системно и в равной степени затрагивать как досудебное производство, так и производство в суде первой инстанции, а также производство по проверке законности и обоснованности судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях, и основываться на следующих исходных положениях: 1) обеспечение гражданам права на свободный доступ к правосудию; 2) отправление правосудия без тяжких и обременительных процедур; 3) объективное рассмотрение дела независимым судом на основе принципа состязательности и равноправия сторон; 4) обеспечение права заинтересованных лиц на обжалование выносимых судом решений⁴. Считается, что в УПК РФ закреплены производства двух типов, имеющих специфическое предназначение: 1) производства по уголовным делам, обусловленные материальным характером правового от-

¹ Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 7–14; Савицкий М.Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса // Сов. государство и право. 1950. № 1. С.45.

² Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 24–27, 33–34, 42–48, 155–156.

³ Цыганенко С.С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства: дис ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 24–25.

⁴ Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 324.

ношения в качестве своего предмета; 2) специальные уголовно-процессуальные производства¹. К специальным правоведомы относятся производства, которые обусловлены потребностью обеспечения различных процессуальных задач по охране прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, а также реализации предоставленных процессуальным органам в этой связи полномочий; к производствам, обусловленным материальным характером правового отношения в качестве своего предмета, отнесены:

1) общий порядок уголовного судопроизводства – основной вид уголовно-процессуальной деятельности, урегулированный наибольшим кругом правовых норм, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве, публичный порядок, состоящий из досудебного и судебного производства по уголовному делу, применяющийся во всех случаях обнаружения и регистрации повода и оснований для возбуждения уголовного дела за исключением тех обстоятельств, которые предусматривают применение иного порядка деятельности процессуальных органов;

2) дифференцированные порядки уголовного судопроизводства – нормативно выраженные, как обычные по своим правоприменительным задачам и предмету, так и особые, обладающие индивидуально-специфическими признаками, виды уголовно-процессуальной деятельности, включающие в себя:

а) сокращенный порядок – вид судопроизводства, специфическими чертами которого является измененная структура частей (этапов) уголовного производства, быстрота, использование меньшего круга процессуальных действий и применение по делам о преступлениях, не представляющих значительной опасности, включающий в качестве форм: ускоренные порядки рассмотрения уголовных дел; сокращенные (упрощенные) досудебные производства; сокращенные (упрощенные) формы судебного разбирательства;

¹ Цыганенко С.С. Указ соч. С. 214.

б) судопроизводство с усиленными гарантиями прав обвиняемого – порядок, применяемый в отношении дел о преступлениях особой и исключительной тяжести, дифференцированный за счет модели суда «с разграниченными полномочиями» для судебного состава, – суд присяжных;

в) судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних – дифференцированный по признаку несовершеннолетнего субъекта уголовной ответственности порядок, в котором общие правила досудебного и судебного производства сочетаются со специальными нормами – гарантиями, обеспечивающими защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от необоснованного уголовного преследования и осуждения;

г) особый порядок – производство о применении принудительных мер медицинского характера – вид уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающий применение специфических мер государственного принуждения в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение;

д) судопроизводство по делам частного обвинения – процессуальный порядок, в котором уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в частном порядке, а уголовные дела частного обвинения рассматриваются мировыми судьями¹.

Вышеприведенная классификация принципиальных возражений не вызывает, уточним лишь, что к настоящему времени в УПК РФ добавлен еще один сокращенный порядок судебного разрешения дела – положения главы 40.1 УПК РФ, процедура альтернативного разрешения уголовного дела с прекращением уголовного преследования с уплатой судебного штрафа, предусмотренная главой 51.1 УПК РФ, а также упрощенный порядок производства предвари-

¹ Цыганенко С.С. Указ. соч. С. 59–63, 170–192.

тельного расследования – нормы главы 32.1 УПК РФ, регламентирующие дознание в сокращенной форме.

Предметом нашего исследования не является система уголовно-процессуальных производств в целом, интерес, если рассуждать об уголовном процессе как такой системе, представляет лишь основное производство (производства), имеющее целью разрешение вопроса о доказанности и обоснованности обвинения и, в конечном итоге, в контексте воззрений И.В. Михайловского и Н.Н. Полянского, разрешение спора о праве государства на наказание.

Бесспорно, что в современном уголовном процессе разрешается ряд иных, связанных с основным, вопросов, осуществляется к примеру, судебно-контрольная деятельность, отличная по задачам, сложности, степени диспозитивности и т.д. Трудно спорить и с тем, что рассмотрение дела в порядке частного обвинения имеет существенные особенности по сравнению с рассмотрением дела публичного обвинения и т.д.

Следует согласиться с тем, что рассмотрение дела в отношении лиц, имеющих пороки психики, к примеру, при признании таких лиц общественно опасными должно заканчиваться вынесением постановления о применении принудительных мер медицинского характера, а не приговора. Подобное понимание «дифференциации процессуальных порядков» возражений не вызывает и при таком взгляде на проблему очевидно, что и в УПК РСФСР дифференциация имелаась.

Представляется также, что законодатель, ставя цель дифференцировать уголовный процесс постсоветской России, имел в виду несколько иной подход, о котором говорит А.В. Смирнов, указавший, что использование единого порядка судопроизводства по всем делам было «связано с крупными материальными затратами, которые не могут себе позволить даже богатые западные страны. В результате догматической приверженности универсальному принципу мы надолго лишились упрощенного, ускоренного произ-

водства, таких его форм, как судебный приказ, непосредственный вызов обвиняемого в суд, суммарное производство»¹.

Посмотрим, какой порядок уголовного судопроизводства наиболее «дифференцирован» в современном российском уголовно-процессуальном законе.

Т.В. Трубникова, А.В. Ленский, Ю.К. Якимович, разрабатывая теоретические вопросы дифференциации, в качестве основы взяли «идеальную модель... характерную для всей западной цивилизации, сформировавшуюся в результате многовекового развития науки уголовного процесса»². По мнению авторов, к числу наиболее важных черт такой модели можно отнести, во-первых, условия, необходимые для рассмотрения уголовного дела, а именно: 1) наличие досудебной подготовки, проводимой с целью сбора доказательств, которые могут стать предметом исследования в суде; 2) проведение предварительной судебной проверки с целью установления достаточности материалов для рассмотрения дела в суде; 3) предварительное (т.е. производимое до судебного разбирательства) ознакомление обвиняемого с формулировкой предъявленного ему обвинения и с основными доказательствами обвинения; 4) предоставление обвиняемому необходимого времени для подготовки собственной защиты; во-вторых, условия, относящиеся непосредственно к судебному разбирательству, в числе которых: 1) проведение гласного судебного разбирательства; 2) предоставление подсудимому возможности мотивированного отвода судей; 3) присутствие подсудимого при судебном разбирательстве его дела (право «быть судимым в его присутствии»); 4) коллегиальность состава суда; 5) предоставление государством подсудимому возможности воспользоваться помощью профессионального защитника; 6) состязательность судебного производства, т.е. разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела и равноправие сторон; 7) устность и непосредственность исследования доказательств в

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса... С. 197.

² Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 121–122.

судебном разбирательстве; 8) полнота исследования доказательств (должны быть исследованы как все доказательства, представленные обвинением, так и все доказательства, на которые ссылается защита); 9) оценка судом доказательств на основе внутреннего убеждения, а не на основании формальных правил; 10) предоставление сторонам возможности свободного обжалования решения суда по делу; 11) пересмотр дела по жалобе другим судом (или же в ином составе суда).

Указав, что различные формы судопроизводства различных государств находятся либо ближе, либо дальше к «идеальной модели», авторы посчитали, что ближе всего к такой модели в РФ является обычное производство, которому «свойственны черты, отличающие его от общей модели идеального судебного производства как в сторону его упрощения, так и в сторону большей сложности уголовно-процессуальной формы». Так, обычное судебное производство в уголовном процессе РФ, по мнению авторов, применительно к УПК РСФСР было несколько упрощено по сравнению с «общепринятыми положениями», поскольку в нем не воплощался в полной мере принцип состязательности, с другой стороны, оно было более сложным, чем общая модель, так как ему были свойственны дополнительные гарантии¹.

Представляется, что применение «идеальной модели» вряд ли целесообразно. Уголовное судопроизводство конкретного государства складывается в течение длительного периода времени, для того чтобы изменилась сфера уголовного процесса, помимо изменений собственно законодательства, должны поменяться и представления общества и правоприменителей о должном и необходимом, подходы к принципам процесса, к системе процессуальных гарантий и т.д. Сами основополагающие идеи, принципы процесса, складываются, оформляются, проникают в сознание граждан и правоприменителей в течение длительного периода времени.

¹ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 123. (Подобная модель встречается и в упоминавшейся диссертации Т.В. Трубниковой «Теоретические основы упрощенных судебных производств».)

К примеру, реализация идеи «правового государства», повлиявшей на развитие всей системы процессуальных гарантий, происходила в разных странах в период с начала первых буржуазных революций XVII в. до второй половины XIX в., соответственно, становление и формирование системы процессуальных гарантий прав личности уголовного процесса происходили в эти же сроки по мере продвижения и закрепления идеи уважения прав личности в общественном сознании. Как известно, в России закрепление и оформление многих прогрессивных идей произошло в период судебной реформы Александра II, т.е. (если сравнивать с Англией, Францией, Германией), довольно поздно по европейским меркам.

Российское уголовное судопроизводство как социокультурное явление, характеризуется собственной ценностью и значимостью, в нем, по образному выражению И.В. Михайловского, отражается «душа народа», его менталитет. Российский уголовный процесс характеризуется определенной системой принципов, наличием процессуальных гарантий, имеет свои особенности построения и механизмы сбалансированности процесса.

По типовой принадлежности российское уголовное судопроизводство, как было определено, до настоящего времени является континентальным, смешанным.

Представляется, что «образцом», который является основой для изменения, упрощения или усложнения формы судопроизводства применительно к основным производствам, в которых реализуются материально-правовые отношения, служит общий, обычный порядок. Именно этот порядок является центральным, основным, именно он выражает и отражает тот исторический путь, который прошел российский уголовный процесс. Не случайно нормы УПК РФ в части обычного порядка максимально приближены к УПК РСФСР и составляют важнейший элемент его типового каркаса. Верность подобного подхода можно подкрепить и тем, что общему, обычному порядку посвящено большее в количественном выражении число норм, изложенных в ч. 2 и 3 УПК РФ (ст. 140–313).

Думается, что права Н.С. Манова, давшая определение дифференциации через наличие «качественных особенностей в процедуре соответствующего вида производства, когда за исходный порядок принимается процедура, в которой осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по большинству дел на ее основном этапе, раскрывающем функциональную направленность данного производства»¹.

Рассуждая далее, можно утверждать, что согласно УПК РФ наиболее «дифференцированными» являются упрощенные порядки (производства) установленные в главах 40 и 40.1 УПК РФ, порядок альтернативного разрешения уголовного дела, закрепленный в главе 51.1 УПК РФ, а также процедура (производство) дознания в сокращенной форме, регламентации которой посвящена глава 32.1 УПК РФ, т.е. основные порядки, в наибольшей степени «отличные» от общего, обычного порядка производства по уголовному делу, проходящего в Российской Федерации досудебный и судебный этапы.

Судебный этап, судебные стадии разбирательства уголовного дела, применительно ко всем остальным этапам уголовного судопроизводства – сердцевина, основная часть уголовного процесса. Таким же основным применительно к деятельности субъектов процесса является доказывание – центральная, основная подотрасль уголовного процесса. В настоящее время рассмотрение уголовного дела в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ происходит при кардинальном «усечении» судебного следствия, уголовно-процессуальное доказывание практически не производится, а приговор суда не может быть обжалован по мотивам его несоответствия фактическим обстоятельствам, т.е. реальности. Именно использование упрощенных порядков и вызывает наибольший интерес и наибольшее количество вопросов.

Как упоминалось, в Уставе Уголовного судопроизводства 1864 г. имелась ст. 679 УУС, устанавливающая, что подсудимый

¹ Манова Н.С. Указ. соч. С. 20.

был вправе признать вину. Статья 680 УУС определяла, что подсудимому, признающему свою вину, предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется; в ст. 681 говорилось, что «если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям», а ст. 682 УУС определяла, что «судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств»¹. В дальнейшем развитие уголовного судопроизводства России происходило в сторону унификации форм уголовного процесса; УПК РСФСР 1960 г., который среди всех нормативных уголовно-процессуальных актов, принимаемых в РСФСР в различное время, содержал наибольшее количество процессуальных гарантий, лишь в 1985 г. получил первую сокращенную процедуру: 24 января 1985 г. он был дополнен Разделом IX «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». Досудебная подготовка материалов могла производиться лишь при совокупности следующих условий: если преступление относилось к числу мелких, не представляющих общественной опасности, перечень которых был дан в ст. 414 УПК РСФСР и являлся исчерпывающим; если преступник был известен; если у него отсутствовали особые качества, исключавшие производство по делу в протокольной форме, перечисленные в ст. 126 УПК РСФСР, т.е. он не должен был быть несовершеннолетним и не должен был страдать физическими либо психическими недостатками, затрудняющими осуществление его права на защиту. В отношении несовершеннолетних и в отношении лиц, страдавших недостатками, производство в досудебной стадии согласно ст. 417 УПК РСФСР должно было производиться в форме предварительного расследования. Упрощалась только досудебная стадия, ст. 419 УПК РСФСР не предписыва-

¹ Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1864.

ла упрощать собственно судебное разбирательство по делу, а Верховный Суд РСФСР традиционно указывал, что какие-либо отступления от общих правил, предусмотренных УПК РСФСР, при разбирательстве таких дел недопустимы¹.

Кроме того, как известно, УПК РСФСР содержал ряд альтернатив уголовному преследованию, в частности положения, предусматривающие прекращение уголовного дела по ряду оснований: вследствие изменения обстановки, в случае признания судом, прокурором, следователем органом дознания, что совершенное деяние потеряло характер общественно опасного или само лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным (ст. 6 УПК РСФСР); предусматривал прекращение уголовного преследования в связи с передачей дела в товарищеский суд (ст. 7 УПК РСФСР), в связи с передачей лица на поруки (ст. 9 УПК РСФСР); в отношении несовершеннолетних предусматривалась передача дела в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8 УПК РСФСР). Статьи 7–9 УПК РСФСР могли применяться лишь в случае совершения малозначительного деяния, впервые, при наличии смягчающих обстоятельств, применительно к ст. 6 УПК РСФСР первоначально подобное требование не выдвигалось, однако процессуалисты полагали, что и в этом случае прекращение дела было возможно лишь в случае совершения преступлений небольшой тяжести². По такому же пути шла и практика, прекращения уголовных дел в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, не допускалось. В постсоветский период, в декабре 1996 г., ст. 6 УПК РСФСР была изложена в новой редакции, прямо установившей, что прекращаться могут уголовные дела лишь в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести³.

¹ Сборник Постановлений Пленумов ВС РСФСР по уголовным делам. М., 1994. С. 397.

² Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. М., 1970. С. 16.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5881.

Кроме общественной опасности преступления существовал и личностный критерий для применения уголовной репрессии, положения которого были отражены, помимо УПК, в Уголовном кодексе РСФСР; на снисхождение по мере наказания традиционно не могли рассчитывать лица, совершившие преступления повторно, при рецидиве, опасном и особо опасном рецидиве.

Российское уголовное законодательство советского, а также раннего постсоветского периода всегда содержало и механизмы, позволявшие поощрять позитивное постпреступное поведение. УК РФ, в основном воспринявший положения УК РСФСР, в новой редакции был изложен в 1996 г., т.е. до принятия нового уголовно-процессуального закона, и он также содержит нормы, предусматривающие возможность смягчения наказания и даже возможность полного освобождения от уголовной ответственности в случае позитивного, общественно-полезного поведения лица, привлекаемого к ней. Пунктом «и» ст. 61 УК РФ в редакции 1996 г. к обстоятельствам, смягчающим наказание, были отнесены явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. Статьей 64 УК РФ было установлено, что при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного. Статьей 65 УК РФ предписывается снижать размер наказания по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей при их вердикте о том, что подсудимый заслуживает снисхождения.

Предусмотрено УК РФ и освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Частью 1 ст. 75 УК РФ в редакции 1996 г. устанавливалось, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. В 2003 г. в УК РФ была введена ст. 80.1, регламентирующая освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, установившая, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

Столь подробное отступление и подробный экскурс в историю сделаны исключительно для того, чтобы обосновать утверждение, что, во-первых, и до принятия УПК РФ, закрепившего положения об особом порядке принятия судебного решения в соответствии с нормами главы 40 УПК и тем более до принятия 29 июня 2009 г. Федерального закона № 141-ФЗ, введшего в законодательство еще одно упрощенное судебное производство, законодательство РФ содержало (и содержит до настоящего времени) возможности для дифференциации ответственности и смягчения наказания при позитивном постпреступном поведении, а во-вторых, чтобы проиллюстрировать, что содержащиеся в УПК РСФСР нормы, в частности нормы, регламентирующие протокольную форму подготовки материалов, способы альтернативного разрешения уголовных дел и др. в совокупности с нормами УК РФ представляли собой именно систему и являли образец системного подхода законодателя к решению проблем современного общества. Вообще же, как представляется, подходы, применяемые авторами УПК и УК РСФСР, близки к подходам, имевшимся

и имеющимся в ФРГ, чье законодательство до настоящего времени характеризуется системностью и теоретической основательностью.

Что касается дифференциации процессуальных порядков по признакам субъекта, по составу судебных органов, по реализации в процессе частного интереса и т.д., она в той или иной мере всегда была присуща уголовному процессу, в том числе российскому. В современный период УПК РФ, помимо общего и собого порядка, предусматривает разрешение уголовных дел судом присяжных; разрешение мировым судьей уголовных дел частного обвинения, которые, как и общий порядок, принципиально отличаются от рассмотрения уголовного дела в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ, так как, по общему правилу, осуществляются с использованием тех же механизмов доказательственного права, что и обычный порядок.

Поскольку рассмотрение уголовного дела в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ осуществляется применительно к общему порядку с отступлениями от обычной процедуры доказывания, лишь эти производства являются упрощенными формами разрешения судом уголовных дел по существу, в итоге которого выносится окончательный судебный акт – приговор. Некоторые авторы относят к упрощенным производствам и заочный порядок рассмотрения уголовного дела¹, высказывается также мнение, что, напротив, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, как и рассмотрение уголовного дела судом присяжных, – усложненное с точки зрения процессуальных форм производство, так как осуществляется при усиленных процессуальных гарантиях²; нам представляется, что подобные трактовки вряд ли верны, поскольку законодатель не указывает в законе, что суд вправе в случае отсутствия подсудимого производить какие-либо изъятия из правил доказывания.

¹ Азаров В.А., Боярская А.В. Упрощенные судебные производства уголовного процесса России и специфика их процессуальной формы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 353. С. 136–139.

² Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 22–23.

Даже при поверхностном взгляде на общий и упрощенные порядки разрешения судом уголовных дел их отличия кардинальны. Непосредственно после принятия УПК РФ М.К. Свиридов, проанализировав нормы УПК РФ, регламентирующие общий и особый порядки судебного разбирательства, указал, что кодекс методологически внутренне противоречив даже с точки зрения определения целей и задач доказывания и допускает установление как материальной, так и формальной (юридической) истины¹.

Если задачами введения института рассмотрения уголовного дела в особом порядке являются, как указывал законодатель в Концепции судебной реформы и как считают ученые-процессуалисты², обеспечение быстроты судопроизводства, экономия процессуальных средств, «разгрузка» перегруженной работой судебной системы, утрируя, можно сделать вывод, что дела подсудимых, которые выбирают общую процедуру, суд призван рассмотреть качественно, приняв обоснованное судебное решение; дела же подсудимых, выбравших упрощенные судебные порядки, он должен рассмотреть быстро.

Впрочем, есть и иные воззрения. Например, высказано мнение, что в нормах главы 40 УПК РФ «заложены достаточные гарантии прав и обвиняемого, и стороны обвинения, а также механизм реализации этих гарантий. Регламентированные законом последствия и пределы допускаемого смягчения ответственности при применении данного порядка судебного разбирательства исключают возможность таких «уступок» обвиняемому, которые могут поставить под сомнение нравственную допустимость подобной процедуры. Поэтому особый порядок принятия судебного решения при согла-

¹ Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под. ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. Ч. 10. С.3.

² Шмарев А.И. Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 10; Монид М.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 17.

сии обвиняемого с предъявленным обвинением на нынешнем этапе развития отечественного уголовно-процессуального законодательства не только обеспечивает возможность справедливого и при этом недорогого правосудия, но и отвечает требованиям принципа состязательности, так как отсутствие спора о вине лишает смысла исследование доказательств»¹.

Представляется, что смысл в исследовании доказательств (хотя бы частичном) имеется всегда, а отсутствие спора при юридической неграмотности подавляющего большинства российских граждан никак не означает истинности вывода, получаемого при разрешении дела в порядке, к примеру, главы 40 УПК РФ. Представляется также, что понимает это и сам законодатель; не зря в УПК РФ наличествуют как ст. 317 УПК РФ, не допускающая исследование достоверности выводов суда, так и ст. 90 УПК РФ, констатирующая различную природу обвинительных приговоров современного российского уголовного суда, указывая, что приговор, вынесенный в «особом порядке», в отличие от «обычного приговора», значение преюдиции не имеет.

Можно ли считать, что российским законодателем произведена дифференциация процессуальных форм, в частности дифференциация судебного порядка разрешения уголовных дел, если согласно положениям УПК РФ общий и упрощенные судебные порядки разрешения уголовного дела имеют разную природу, отличаются рядом принципиальных особенностей, среди которых разная степень достоверности получаемого при доказывании и «усеченном доказывании» вывода, а также разная степень как реализации принципов уголовного процесса, так и процессуальных гарантий²?

Вопрос, как представляется, в терминах и в подходах к объяснению тех или иных явлений. Как верно указывала Н.А. Громошина, «упрощать явление возможно в любых объемах, но с непременным сохранением сущности упрощаемого явления», т.е. «упрощение может иметь

¹ Манова Н.С. Указ. соч. С. 24.

² Подробно данные проблемы рассматриваются далее.

место до тех пор, пока это не скажется на иных параметрах системы»¹. Уместно вспомнить и выражение С.С. Цыганенко о том, что дифференциация уголовно-процессуальной формы не является основой для дуализации единого по своей сущности и значению уголовного судопроизводства. Несмотря на отсутствие в ч. 2 ст. 1 УПК РФ указания на единство, последнее «выражено в действующем законодательстве как совокупность всех общеобязательных условий, установленных для порядка уголовного судопроизводства»².

В данном случае в результате изменения уголовно-процессуальной формы изменилась сущность судебного акта, произошло изменение природы явления, его фактическое «удвоение». Правильнее будет сказать, что законодатель в данном случае произвел не дифференциацию, а простое упрощение порядка уголовного судопроизводства, причем в его важнейшей, судебной стадии с урезанием важнейшего вида процессуальной деятельности – уголовно-процессуального доказывания и с усечением важнейшей части важнейшего этапа судебного разбирательства.

Вопросом, возможно ли минимизировать отрицательный потенциал, заложенный в нормах глав 40 и 40.1 УПК РФ, посвящены следующие главы исследования.

¹ Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства. М., 2010. С. 767–780.

² Цыганенко С.С. Указ. соч. С. 22.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ УПК РФ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

3.1. Основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным обвинением, установленного главой 40 УПК РФ

В УПК РФ, как известно, закреплены упрощенные формы судопроизводства, в том числе упрощенные (сокращенные) процедуры судебного разрешения уголовных дел.

В период споров о необходимости их введения в уголовное судопроизводство высказывались мнения, что соглашения о признании вины под условием снижения либо освобождения от наказания являются чуть ли не традиционными для российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, утверждалось об их принципиальной применимости в российских условиях и об их фактическом многолетнем существовании¹. Представляется, данная

¹ Лазарева В.А. Легализация сделок о признании вины // Рос. юстиция. 1999. № 5. С. 40–41; Она же. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 184–202; Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Рос. юстиция. 1998. № 6. С. 41; Морозова И.,

точка зрения неверна. Нормы действовавшего в советский период УПК РСФСР, в частности ст. 6 данного закона, позволявшая прекратить уголовное дело в связи с изменившейся обстановкой, на которую ссылались авторы – сторонники соглашений, не имели своей целью «выведение из-под удара» лиц, активно способствовавших раскрытию преступлений и не являлись разновидностью сделки о признании вины, как, в частности, полагает С. Милицин¹. Как в российском дореволюционном, так и в советском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве не предполагалось никакого торга при признании вины – лишь при позитивном поведении и деятельном раскаянии виновному можно было рассчитывать на снисхождение.

Основными факторами, обуславливающими использование упрощенных форм разрешения уголовных дел, являются стремление государства сэкономить финансовые, людские ресурсы там, где преступление не представляет большой общественной опасности, а также возможность упростить процессуальную форму там, где подсудимый не оспаривает свою вину, где спор фактически отсутствует. Особый порядок судопроизводства, закрепленный в главе 40 раздела X УПК РФ – это и ускоренный, и упрощенный порядок разрешения уголовного дела судом, применяемый, как установлено в ст. 314–316 УПК РФ, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, в котором дело разрешается «без проведения судебного разбирательства» и «без исследования доказательств». Примечательно, что глава 40 УПК РФ состоит всего из четырех статей – ст. 314–317 УПК РФ, при этом ст. 317 УПК РФ закрепляет лишь положение о недопустимости обжалования приговора, вынесенного в особом порядке, по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, т.е. по мотивам его несоответствия фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Анненков А., Дадонов С. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Рос. юстиция. 2000. № 5. С. 46 и др.

¹ Милицин С. Указ. соч. С. 41.

Вместе с тем существует множество точек зрения на природу и сущность особого порядка, регламентированного главой 40 УПК РФ. Высказаны мнения, что особый порядок судебного разбирательства является: комплексным «самостоятельным уголовно-процессуальным институтом»¹; «упрощенной формой российского судопроизводства, направленной на экономию времени и сил участников уголовного процесса, а также на своевременное обеспечение их прав, не противоречащей сущности и целям уголовного процесса»²; видом «компромиссного производства»³; «процессуальной формой, сочетающей в себе публичное и диспозитивное начала»⁴; «конвенциональной формой судебного разбирательства», разновидностью сделки, суть которой – договор о согласии защиты с уголовным иском, в результате которого выносится «конвенциональный приговор, устанавливающий конвенциональную истину»⁵; «сделкой между государством и обвиняемым, по которой обвиняемый, соглашаясь с предъявленным обвинением и заявляя ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке, экономит средства и время рассмотрения дела, а взамен государство обязуется не назначать ему наказание выше предусмотренного в законе предела»⁶. В.В. Дьяконовой высказано мнение¹, что «сущность этой оте-

¹ Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 27.

² Бочкарев А.Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 14.

³ Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 2–3.

⁴ Астафьев А.Ю. К вопросу о совершенствовании процедуры рассмотрения уголовных дел в особом порядке // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 31.

⁵ Маткина Д.В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 6–7.

⁶ Дубовик Н. П. Указ. соч. С. 59–60.

чественной процедуры рассмотрения уголовных дел как нельзя точно выражает утверждение В.М. Бозрова: «Современное построение уголовного процесса России – благо, потому что феномен правосудия с точки зрения общественных интересов заключается не в его возможности установить объективную истину, а в его способности разрешать возникшие конфликты в сфере уголовно-правовых отношений»².

Укажем, что применительно к нормам главы 40 УПК РФ, регулирующим особый порядок, закрепленный в данной части кодекса (равно как и далее к нормам главы 40.1 УПК РФ), несмотря на то, что они во многом противоречивы, несовершенны, не объединены общей методологией и т.д., для удобства мы также будем употреблять термин «уголовно-процессуальный институт».

Обращаясь к уголовному судопроизводству разных государств, очевидно, что те или иные действия и решения могут являться как основаниями, так и условиями применения упрощенных процедур; к примеру, в ФРГ основанием упрощения может являться акт, выносимый прокурором и обращенный к суду, условиями же – согласие суда, отсутствие возражений обвиняемого (которые можно преодолеть) и т.д.

Применяя подобный подход, ясно, что основанием, т.е. инициативным действием, «запускающим» процесс упрощения, согласно УПК РФ, является ходатайство обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения.

Условиями, т.е. обстоятельствами, при которых допустимо применение особого порядка, если объединить все положения ст. 314–316 УПК РФ, являются: 1) понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с обвинением в полном объеме; 2) заявление ходатайства о применении особого порядка добровольно; 3) заявление ходатайства после консультаций с защитником;

¹ Дьяконова В.В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 134.

² Бозров В.М. Истина и суд // Рос. юрид. журн. 2003. № 1. С. 78.

4) осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства; 5) наличие согласия прокурора с рассмотрением дела в особом порядке; 6) согласие потерпевшего с упрощенной процедурой разрешения дела; 7) обвинение лица в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет; 8) заявление ходатайства о применении особого порядка в определенный момент: при ознакомлении с материалами уголовного дела (ст. 217–219 УПК РФ) либо на предварительном слушании (ст. 239 УПК РФ), если оно проводится.

Гипотетически необходимо еще одно условие: ч. 7 ст. 316 УПК РФ определяет, что суд для постановления обвинительного приговора должен прийти к выводу, что «обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу», однако при наличии указаний, что законодательства не исследуются, а анализ доказательств и оценка их судьей в приговоре не отражаются, оно имеет характер декларации. УПК РФ содержит и меры, стимулирующие обвиняемых к выбору именно упрощенных, сокращенных способов судебного разрешения уголовного дела; в ч. 7 ст. 316 УПК РФ установлено, что наказание, назначаемое подсудимому обвинительным приговором, не может превышать $\frac{2}{3}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление; кроме того, на осужденного не возлагаются процессуальные издержки, в частности, оплата услуг адвоката, составляющая порой значительную, по меркам Российской Федерации, сумму. Аналогичные положения закреплены и в УК РФ.

В случае, если какое-либо из условий упрощения отсутствует, суд в соответствии с ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ принимает решение о назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» выдвинул еще одно требование к судье, рассматривающему дело в порядке главы 40 УПК РФ:

прежде чем выносить приговор, он должен убедиться, что отсутствуют основания для прекращения уголовного дела.

Деление обстоятельств, при наличии которых возможно рассмотрение уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, на «условия» и «основания» весьма условно. Да, для того чтобы суд приступил к рассмотрению вопроса о возможности рассмотрения дела в порядке главы 40 УПК РФ, необходимо наличие ходатайства обвиняемого. Однако столь же необходимо наличие такого обстоятельства, как обвинение лица в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы, причем данное обстоятельство легко проверяется простым обращением к санкции соответствующей части и статьи УК, также необходимо наличие и еще целого ряда условий. Привлекает внимание использование законодателем понятий, подразумевающих значительную степень субъективизма: «добровольность заявления ходатайства», «понимание существа обвинения», «осознание последствий постановления приговора», «обоснованность обвинения» (определяемая без исследования доказательств). Из положений, наличие которых дает возможность применения судом особого порядка принятия решения, перечисленных в ст. 314 и 316 УПК РФ, наиболее «объективен» критерий тяжести преступления, все же иные предпосылки сокращения процедуры скорее субъективны.

Для эффективного применения конструкций, использованных в ст. 314–316 УПК РФ законодателем, в свою очередь, необходим ряд условий. В частности, для того чтобы заявленные обвиняемыми (подсудимыми) ходатайства о применении особого порядка всегда были добровольными, в государстве должны отсутствовать (либо быть минимизированными) возможности принуждать обвиняемых к выбору упрощенных форм, характеризующихся снижением процессуальных гарантий. Для того чтобы «понять существо обвинения» и «соглашаться с обвинением», также необходимы определенные познания, хотя бы минимальные; в современном же российском обществе, как известно, не только обвиняемые, но даже

следователи, и в особенности защитники, гораздо чаще допустимо-го затрудняются не только в квалификации деяния, но и в установлении наличия самого деяния. Необходим ряд других условий, перечислять которые можно достаточно долго и которых на современном этапе в РФ не имеется.

Так, например, осужденный в особом порядке к реальному лишению свободы приговором Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры от 18.11.2015 г. Ч. в апелляционной жалобе указал, что его образование – 9 классов, он не принадлежит к лицам, в совершенстве знающим русский язык, юридически неграмотен, защитник – адвокат по назначению – осуществлял защиту формально, следователь принуждал его к признанию вины и заявлению ходатайства о применении особого порядка принятия решения, обещая условное наказание, а суд осудил к реальной мере наказания, хотя в деле, по мнению Ч., доказательств виновности не имеется, а на двери, столе и иных поверхностях помещения, из которого совершена кража, его отпечатков пальцев нет, хотя имеются отпечатки иных неустановленных лиц¹. Рискнем ошибиться, но очень вероятно, что при осуждении Ч. к мере наказания, не связанной с реальным лишением свободы, апелляционная жалоба им подана не была.

По делу по обвинению Е. в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, и одного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, направленного прокурором для рассмотрения в Мегионский городской суд ХМАО-Югры, явно усматривалось, что в действиях Е. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 285 УК РФ, а деяние, которое было разделено на три состава преступления, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, охватывается единым умыслом и должно быть квалифицировано как одно продолжаемое преступление. При этом Е., работающая директором школы, с предъявленным органом расследования обвинением, объем которого был обусловлен указаниями прокурора сле-

¹ Уголовное дело № 1-471/2015 // Архив Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры. 2015.

дователю о необходимости вменения обвиняемой совершения преступления так называемой «коррупционной направленности», была полностью согласна, согласен был с обвинением и ее адвокат-защитник¹.

Подобных примеров можно привести предостаточно. Как известно, личность преступника изучает наука криминология, мы, не ставя перед собой всеобъемлющих целей, посмотрели на уровень образования лиц, осужденных в особом порядке в ХМАО-Югре в 2015 и 2016 гг. Показательно, что в 2015 г. и в 2016 гг. доля осужденных, имеющих высшее образование, составила 3,4 и 5,8% соответственно, доля осужденных, имеющих среднее-специальное образование, составила 19,4 и 27,46%, соответственно, общее среднее образование имели 53,3 и 46,2%, остальные осужденные имели образование 9 классов (неполное среднее) и ниже.

Можно также уверенно утверждать, что о наличии упрощенного судебного порядка разрешения уголовного дела лицо, обвиняемое в совершении преступления, если оно ранее не судимо, узнает, как правило, от защитника либо следователя, ходатайство о его применении оно тоже пишет в присутствии следователя и, как предполагается, защитника и после консультации с ним. Много в этой ситуации зависит и от того, как обвиняемому будет объяснена цель его ходатайства и сущность данной процедуры.

В целом результаты анкетирования по вопросам применения положений главы 40 УПК РФ свидетельствуют, что каждый из основных участников судопроизводства преследует свои интересы и в этом смысле упрощенные процедуры по тем или иным причинам выгодны и приветствуются и стороной защиты, и стороной обвинения, и судьями. Так, например, 37% опрошенных прокуроров (73 человека) пояснили, что одной из основных причин, которая побуждает их давать либо не давать согласие на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, является наличие либо отсутствие

¹ Уголовное дело № 1-149/2015 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2015.

по уголовному делу прочной доказательственной базы, а 76,11% адвокатов-защитников (179 человек) указали, что прибегают к упрощенным порядкам из-за отсутствия перспектив для защиты при очевидности преступления. При этом основной побудительной причиной, стимулирующей обвиняемого (подсудимого) соглашаться с применением при рассмотрении его дела положений главы 40 УПК РФ, 93,42% опрошенных защитников (236 человек) считают стремление получить как можно меньшее наказание при отсутствии перспективы его избежать, также считают 97,41% опрошенных работников прокуратуры и 91,25% судей, при этом раскаяние, осознание своей неправоты в качестве побудительного мотива назвали лишь 3,82% адвокатов-защитников, 5,08% прокуроров и 4,81% интервьюируемых судей.

Показателен ответ адвокатов-защитников на вопрос, как часто они предлагают подзащитному ходатайствовать о рассмотрении его уголовного дела в особом порядке: около 75% защитников рекомендуют своим подзащитным выбирать упрощенные процедуры.

Еще более показателен ответ на вопрос, побуждают ли должностные лица органов предварительного расследования обвиняемого ходатайствовать о рассмотрении его дела в особом порядке, заданный следователям и дознавателям: 81,05% опрошенных пояснили, что они предлагают обвиняемым выбирать именно особый порядок судопроизводства, главным же мотивом своих действий опрошенные указали стремление к «беспроблемному» рассмотрению дела судом.

Полученные результаты позволяют утверждать, что, несмотря на декларирование законодателем положения о том, что выбор порядка судопроизводства является прерогативой лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, реальным инициатором рассмотрения уголовного дела без исследования доказательств, в порядке главы 40 УПК РФ, в большом количестве случаев является лицо, осуществляющее предварительное расследование (дознание), которое, согласно требованиям закона, как раз и долж-

но собрать исчерпывающий объем обличающих обвиняемого (подсудимого) доказательств. Относительно собирания доказательств для последующего рассмотрения судом уголовного дела в упрощенном порядке интересное мнение высказал В.В. Николук, указавший, что поскольку уголовное дело рассматривается при усеченном исследовании доказательств, то «по таким делам и расследование также производится в усеченном объеме»¹. Действительно, хотя УПК РФ предусматривает «усеченную» процедуру собирания доказательств только органом дознания, в порядке главы 32 УПК РФ, не только у дознавателя, но и у следователя, производящего предварительное расследование, имеется соблазн при согласии обвиняемого с версией расследования произвести расследование уголовного дела «побыстрее» и не в полном объеме.

Что касается момента заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, допускаемого законодателем либо в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании, если оно является обязательным, он, думается, определен не совсем верно.

В Италии в рамках *patteggiamento*, во-многом по образцу которого создан российский особый порядок, защитники, оценивая шансы на выигрыш дела, ждут самой последней минуты перед началом вступительных речей на судебном процессе для того, чтобы согласиться на сокращенный порядок². Известно также, что в той же Италии при введении сокращенных способов судопроизводства УПК 1988 г. существовали опасения, что сокращенные формы приведут к разрушению основ классического судопроизводства,

¹ Николук В.В. Уголовное судопроизводство и криминалистика: взаимодействие, сближение, отчуждение в условиях реформирования УПК РФ и модернизации научных стандартов // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2016. № 2 (77). С. 21.

² Pizzi W., Marafioti L. The New Italian Code of Criminal Procedure: The Difficulties, of Building an Adversarial Trial System on a Civil Law Foundation, 1992. P. 43. Цит. по: Тейман С. Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности.

поэтому расширение категорий дел (в сторону увеличения санкции), рассмотрение которых могло производиться с упрощением, происходило поэтапно¹.

Представляется, можно объяснить позицию законодателя применительно к определению начального момента заявления обвиняемого о согласии с рассмотрением уголовного дела в порядке главы 40 УПК: в момент ознакомления с материалами уголовного дела, т.е. не ранее момента завершения собирания доказательств. Это логично, так как если орган расследования выносит обвинительное заключение (обвинительный акт), он, как предполагается, уже принял для себя решение о виновности обвиняемого и собрал в подтверждение этого необходимые доказательства. Однако в дальнейшем, если проведение предварительного слушания необязательно (а таких дел подавляющее большинство), обвиняемый уже не сможет выбрать сокращенную судебную процедуру. Если попытаться объяснить логику законодателя, возможно, он предполагал, что после того как разосланы повестки свидетелям, вынесены постановления и т.д., процессуальной экономии уже не получится. Это не совсем так, свидетелей возможно в любой момент освободить от участия в процессе, на изготовление же приговора судом будет затрачено гораздо меньше времени и сил; то же относится и к рабочему времени прокурора, секретаря судебного заседания и адвоката по назначению. Не исключено также, что четким определением момента заявления ходатайства законодатель хотел отрегулировать количество дел, рассматриваемых в порядке главы 40 УПК РФ, не допуская их резкого роста.

Представляется, что обвиняемому (подсудимому), признающему свою вину, логично было бы предоставить право заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке (в присутствии защитника, естественно) в любой момент до начала судебного разбиратель-

¹ Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве... С. 192–194.

ства уголовного дела, сам момент его заявления в этом случае ни на чьи, кроме обвиняемого, права не влияет и не нарушает их.

Не все просто и с такими условиями упрощения судопроизводства, определенными в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, как согласие прокурора и потерпевшего на применение особого порядка разрешения уголовного дела.

Наличие широкого бесконтрольного усмотрения прокурора характерно, как известно, для уголовного процесса США, где обвинитель, сообразно со своим мнением решает, следует ли идти на упрощение процесса. В соответствии с УПК РФ право прокурора давать либо не давать свое согласие на рассмотрение дела в особом порядке, если наличествует единственное объективное условие в виде санкции, не превышающей 10 лет лишения свободы, также ничем, кроме его личного усмотрения, не ограничено. Основанием для упрощения процедуры является «целесообразность» ее применения с точки зрения прокурора и иных должностных лиц государства. Кроме очевидной субъективности, у прокурора имеется соблазн согласиться с применением особого порядка при недостаточности доказательств, а не в силу каких-либо иных причин либо вообще потому, что при данной упрощенной процедуре не надо работать, выясняя истину. Как упоминалось, 37,5% опрошенных прокуроров, решая для себя вопрос о даче согласия на применение упрощения, смотрят на наличие по делу именно доказательственной базы, т.е. упрощенные процедуры желательны обвинителю там, где недостаточно данных, чтобы установить виновность индивидуума в рамках обычной процедуры, или когда надо предпринять для этого определенные усилия.

Очевидно, что вообще исключить возможность усмотрения должностного лица невозможно. Широкий круг вопросов в праве и в частности в уголовном процессе решается именно на основании дискреции. Например, суду, разрешая вопрос о возможности освобождения лица от уголовной ответственности и о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потер-

певшим на основании ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, как указано в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями), «надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия»¹. Кстати, теми же критериями должен руководствоваться, как представляется, и обвинитель, принимающий участие в заседании суда, где рассматривается вопрос о примирении. Более того, возможность дискреции – усмотрения – предусмотрена даже УК РФ: к примеру, суду, рассматривающему дело по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, предоставлено право самому оценить, является ли неизгладимое телесное повреждение, причиненное гражданину, обезображивающим².

Как указывалось, в Италии, где возникли аналогичные вопросы, они были разрешены Конституционным судом, установившим, что отказ прокурора на применение упрощенных процедур должен быть мотивированным, а суд и обвиняемый должны иметь способы его преодоления. Представляется, и в РФ следует обязать прокурора (а равно и потерпевшего) мотивировать свое несогласие либо (что даже предпочтительнее) согласие с применением особого порядка.

Относительно потерпевшего опрошенные практики, а также интервьюируемые потерпевшие отметили, что наиболее важными причинами, влияющими на отношение потерпевшего к выбору по-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 32.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2007. С. 202.

рядка судопроизводства, является заинтересованность в возмещении ему ущерба, желание получить определенную материальную компенсацию за совершенное в отношении него преступление, а также стремление реализовать свои представления о справедливости. При этом большинство опрошенных (81,11% судей, 83,83% прокуроров, 81,74% защитников) полагают, что усмотрение потерпевшего по вопросу выбора порядка судопроизводства (общего или особого) ограничивать нецелесообразно. По поводу ограничения усмотрения прокурора картина иная: 93,54% опрошенных адвокатов-защитников и 67,66% судей считают, что такое усмотрение следует ограничить, в то же время 83,83% прокуроров выступают против такого ограничения.

Полагаем, что полученные результаты обусловлены спецификой профессиональной деятельности респондентов, а позиция судей и адвокатов вызвана во многом тем, что прокуроры, участвующие в деле, зачастую не приводят убедительных мотивов своего мнения по поводу выбора порядка производства по делу. Не секрет также, что позиция прокурора, участвующего в судебном разбирательстве, в настоящее время во многом формируется под влиянием вышестоящих прокуроров, осознающих опасность окончательного вытеснения общего порядка и тотальной замены его особым и дающих по этому поводу «рекомендации» о том, какой должна быть в соответствующем субъекте федерации доля приговоров, вынесенных в особом порядке¹. Подобный метод «регулирования статистики» хотя и сдерживает рост числа таких дел, но не решает имеющихся в правоприменительной практике проблем.

Хотя согласие потерпевшего на применение упрощенных процедур очень часто и обуславливается материальными соображениями

¹ На проблему бесконтрольного роста дел, рассматриваемых в особом порядке, как известно, обратил внимание Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка. URL: <http://law.vl.ru/articles/showart.php?id=15493&range=13> & (дата обращения: 12.02.2016).

ями¹, очевидно, что ни возмещение материального ущерба, ни отношение потерпевшего к преступлению не находятся в зависимости ни от доказанности вины, ни тем более от отношения подсудимого к своему деянию. Тем не менее в 67,8% случаев от имеющихся суд отказывает в применении упрощенной процедуры при несогласии потерпевшего просто потому, что у подсудимого нет достаточных средств, чтобы удовлетворить финансовые запросы потерпевшего, при этом последние зачастую требуют даже не возмещения материального ущерба, причиненного в результате преступных действий подсудимого, а своеобразной компенсации «морального ущерба», оцениваемого ими в конкретную сумму, обуславливая получение согласия на применение особого порядка ее выплатой. Думается, данная тенденция, учитывая значительную расслоение современного российского общества, к числу положительных не относится. Лица, наиболее обеспеченные финансово, в современных условиях имеют большие условия для рассмотрения дела в упрощенном порядке и получения «скидки» по наказанию, что едва ли справедливо. По официальным данным Росстата РФ, в настоящее время около 17% населения Российской Федерации, т.е. около 22 миллионов человек, имеют доходы ниже прожиточного минимума по стране², и их интересы, как правило, представляет адвокат по назначению, чье желание надлежащим образом осуществлять свои функции, а также квалификация, как, к сожалению, показывает наша практика, несколько ниже, чем у адвоката, обслуживающего обеспеченные слои. Это, кстати, еще один довод в подтверждение тезиса о том, что вряд ли согласие обвиняемых с обвинением во всех случаях добровольно и осознанно.

Что касается «обоснованности обвинения и его подтверждения собранными по делу доказательствами» как условия, сформулиро-

¹ Кроме данных нашего исследования, изложенных в Приложении 10, на это же указывают: Алипперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 11–14; Калугин А.Г., Мониц М.В. Указ. соч. С. 35–38.

² Данные Росстата за 2018 год. URL: <http://www.argumenty.ru/live/2018/01/223061> (дата обращения: 12.03.2018).

ванного для возможности вынесения приговора в порядке главы 40 УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», оно, как представляется, в примененных законодателем конструкциях вряд ли достижимо. При отсутствии доказывания следует допустить, что множество обвиняемых, признавших свою вину, ходатайствовавших о применении особого порядка и осужденных в таком порядке, действительно виновны в преступлениях, указанных в приговорах судов; вместе с тем нельзя исключить и того, что множество осужденных подобным образом невиновны либо виновны в иных более или менее тяжких преступлениях; главное здесь то, что возможен и тот и другой вариант. Частью 5 ст. 316 УПК РФ установлено, что судья в случае применения особого порядка не производит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, при этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание. В части 7 этой же статьи указано, что суд для постановления обвинительного приговора должен прийти к выводу, что «обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами», собранными по уголовному делу; в ч. 8 ст. 316 УПК РФ вновь устанавливается, что «анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются», а ст. 317 УПК РФ запрещает обжаловать вынесенный в особом порядке приговор в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, что свидетельствует о том, что законодатель сознательно допускает вынесение подобного акта.

Исследования, проводимые в различных субъектах Федерации – в Тюменской, Московской областях, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Краснодарском, Хабаровском краях, показывают, что наибольшие сложности у судов после введения УПК РФ в действие возникали в применении как раз положений главы 40 УПК РФ, устанавливающей, что судье надо сделать вывод о

доказанности и обоснованности обвинения, с которым согласился подсудимый, при этом судебное разбирательство с исследованием доказательств производить не следует. Практика различных судов в различных субъектах Федерации длительное время была различной – от полной поддержки апелляционными и кассационными инстанциями полностью формализованных приговоров до категорического неприятия подобных актов. Проблема (частично) была разрешена Верховным судом, потребовавшим от судей в п. 2 Постановления Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» во всех случаях рассмотрения дела в особом порядке устанавливать обоснованность обвинения.

Отметим, что хотя в ст. 317 УПК РФ указывается, что приговор, постановленный в порядке главы 40 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном (а ранее не мог быть обжалован в кассационном) порядке по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК, т.е. в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленных судом первой инстанции, около 7% осужденных, обжаловавших приговор, в качестве доводов указывают, что ими не были осознаны последствия постановления приговора в особом порядке и не была понятна суть особого порядка, что признание вины было сделано с целью получить наказание, не связанное с реальным лишением свободы, но они в совершении преступления, за которое осуждены, не виновны. Остальные осужденные и их защитники обжалуют в основном (в 86% случаев) меру наказания, указывая на несправедливость и чрезмерную суровость приговора, прокурор же в подавляющем числе случаев в качестве доводов указывает либо мягкость наказания, либо неправильное применение уголовного закона и наличие процессуальных нарушений.

Несмотря на то что в п. 15 Пленума ВС РФ № 60 содержится положение, аналогичное норме ст. 317 УПК РФ и предписывается прекращать производство по жалобам, где оспаривается несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, апелляци-

онные инстанции не всегда следуют предписанию, фактически проверяя приговор в том объеме, в котором это возможно, оценивая правильность квалификации, правильность применения положений уголовного и уголовно-процессуального закона и даже доказанность обвинения.

К примеру, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского края от 09.04.2015 г. отменен приговор Геленджикского городского суда от 04.12.2014 г. в отношении Ц., осужденного по ч. 1 ст. 319 УК РФ; коллегия указала на маловероятность того, что Ц., являющийся инвалидом, смог бы причинить работнику полиции Г., физически крепкому мужчине, какие-либо повреждения. При таких обстоятельствах, по мнению коллегии, суду следовало перейти к общему порядку судебного разбирательства и тщательно исследовать все обстоятельства произошедшего¹.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Суда ХМАО-Югры от 25.04.2012 г. отменен приговор Нижневартовского городского суда от 14.02.2012 г. в отношении Ш., осужденного по п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Отменяя приговор, судебная коллегия, в частности, указала, что судом были оставлены без должного внимания показания Ш., данные им во время предварительного расследования, который в ходе неоднократных допросов свою вину в содеянном фактически не признал, показав, что телефон у спящего У., с которым они вместе распивали спиртные напитки, он взял из одежды не с целью хищения, а чтобы иметь связь, так как для приобретения спиртного, которого им с У. не хватило, надо было идти от дачи в город через лесной массив. Своевременно телефон он вернуть не смог, так как вначале заблудился, а затем был задержан проезжавшим нарядом патрульно-постовой службы УМВД. Учитывая данные обстоятельства, по мнению коллегии, суд пришел к преждевременному выводу о том,

¹ Уголовное дело № 1-293/15 // Архив Геленджикского городского суда Краснодарского края. 2015.

что обвинение, предъявленное И., обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу¹.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Тюменского областного суда от 02.03.2011 г. отменен приговор Ишимского городского суда от 15.01.2001 г. в отношении Р. и Г., осужденных по пп. «а», «в», «г» ст. 161 УК РФ. Отменяя приговор, судебная коллегия указала, что, из материалов дела, на предварительном следствии Р. и Г. утверждали, что умысел на хищение чужого имущества возник у них, когда они длительное время, почти двое суток, находились в квартире потерпевшего, который пригласил их отметить его трудоустройство. При таких обстоятельствах, по мнению коллегии, возникают сомнения относительно правильности квалификации действий Р. и Г. и для правильного разрешения дела необходимо было перейти к общему порядку его рассмотрения².

В целом следует отметить, что недоказанность фактических обстоятельств совершенного деяния не указывается в качестве причины отмены приговоров суда судами апелляционных и кассационных инстанций, и это, с учетом положений главы 40 УПК РФ, правильно, прямая ссылка на недостаточность доказательств виновности подсудимых встречается по изученным делам, приговоры по которым были отменены, немногим более чем в 1,8% случаев, однако указание на неправильность либо сомнительность квалификации имеется уже в 18,7% отмененных либо измененных приговорах. Наиболее часты случаи отмены приговоров (около 42%) вследствие неправильного применения норм уголовного закона (в основном из-за неверного определения меры наказания) и в связи с нарушением требований уголовно-процессуального закона (16%).

¹ Уголовное дело № 1-750/2012 // Архив Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры. 2012.

² Уголовное дело № 1-144/2011 // Архив Ишимского городского суда Тюменской области. 2011.

В качестве тенденции отметим некоторый рост количества дел, по которым суды переходят от особого к общему порядку рассмотрения уголовного дела практически во всех субъектах, где проводилось изучение. Согласно изученной практике в 2011 г. из 512 изученных дел судьи перешли к общему порядку лишь 10 раз, а в 2017 г. – по 27 из 374 изученных дел. Следует отметить при этом, что большое число случаев (89–93%) было связано с положениями, изложенными в Постановлении Пленума ВС № 60 и очевидно неправильной квалификацией преступления органом предварительного расследования, рост числа таких дел следует отнести к негативным тенденциям судопроизводства. Нам, например, встречались случаи, когда подсудимому, нанесшему при совершении грабежа потерпевшему один удар в лицо, не повлекший причинения вреда здоровью, вместо вменения грабежа, сопряженного с применением насилия, органом расследования, заинтересованным, как представляется, в повышении отчетности в раскрытии тяжких преступлений, было предъявлено обвинение в совершении разбоя с указанием на то, что удар им «был нанесен в жизненно важный орган – голову»; когда неверно был рассчитан размер наркотического средства, в хранении которого подсудимый обвинялся, необоснованно вменена перевозка наркотических средств в то время, когда лицо перемещалось в том же населенном пункте; когда лицам, ранее не знакомым друг с другом, вменялось совершение преступления группой лиц; случаи отнесения ущерба, значительным не являющегося, к значительному и крупному размеру и т.д. Случаи излишнего, по нашему мнению, вменения нередки, и мы можем уверенно прогнозировать их рост.

В качестве иллюстрации укажем, что из изученных в 2011 г. случаи излишнего (по нашему мнению) вменения составляли около 4,7%, в 2012 г. таких дел было уже 6,8%, в 2014 и 2015 г. соответственно 8,3 и 7,9%, в 2016 и 2017 гг. – 12,3 и 11,7% соответственно. При этом рост необоснованного вменения отмечен во всех субъектах, где происходило изучение. Причина проста – органы предва-

рительного расследования и дознания (а также адвокаты-защитники) либо утрачивают профессиональные навыки, либо преследуют цели «улучшения отчетности» и надеются, что суд не станет «излишне глубоко» вдаваться в вопросы правильной квалификации. Обвиняемые, признающие вину, как правило, вообще не знакомы с постановлениями Пленумов ВС РФ, посвященными квалификации преступлений либо практике рассмотрения конкретных преступлений. Кроме того, встречаются ситуации, когда обстоятельства дела не так очевидны и по подобным делам, как в случае излишнего вменения, даже при наличии сомнений, учитывая, что работать нужно будет гораздо больше, имеется опасность того, что суд не станет переходить к общему порядку.

Следующий момент, на котором следует остановиться: согласно статистическим данным за период 2011–2017 гг. в особом порядке судами РФ рассмотрено соответственно 62,8; 64,2; 67,6; 68,9; 62,5; 65,15; 62,6% уголовных дел¹. При согласии обвиняемых с обвинением фактически любое уголовное дело, подсудное суду районного звена, за исключением наиболее тяжких, можно рассмотреть в особом порядке, поскольку санкция, предусмотренная по большинству составов преступлений, подсудных суду районного звена, не превышает установленного УПК РФ предела – 10 лет.

В этой связи необходимо сказать о том, что реальный процент дел, рассматриваемых с применением главы 40 УПК РФ, в зависимости от категории дел значительно выше общих отчетных показателей судов субъектов федерации, и соответственно, отчетных показателей Верховного Суда РФ. Изучая статистические данные судов Тюменской области, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Краснодарского, Хабаровского краев, Мос-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. [Б. м.], 2009–2017. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3541> (дата обращения: 12.02.2016) (обзоры деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.).

ковской области, а также отчеты судебных департаментов, мы отметили, что в период 2010–2017 гг. процент дел, рассмотренных в особом порядке, остался примерно на одном уровне при незначительном росте либо снижении в отдельных субъектах. При этом в тех же субъектах Федерации рассматривается 12–17% дел, по которым применение особого порядка, предусмотренного положениями главы 40 УПК РФ, невозможно в силу законодательно установленного в ч. 1 ст. 314 УПК РФ ограничения, т.е. особо тяжких дел, по которым подсудимому может быть назначено наказание более 10 лет лишения свободы. В эту категорию входят преступления, предусмотренные ст. 105 ч. 4 ст. 111 УК РФ, которые довольно распространены, а также преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 228, ч. 3–5 ст. 228.1 УК РФ, рост которых отмечается в последние годы. Таким образом, реальный процент дел, рассмотренных в особом порядке (т.е. тех, по которым имеется такая возможность), составляет, по самым приблизительным подсчетам, около 90–95% (!). В свете изложенного представляется, что при снятии ограничения, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УПК РФ, возможен резкий рост числа дел, рассматриваемых в особом порядке; это крайне нежелательно, учитывая, что одной из основных опасностей, возникающих при распространении упрощенных производств, является утрата профессионализма и профессиональных навыков как судей, так и иных основных субъектов процесса.

Поскольку в уголовном процессе взаимодействуют различные, в том числе разнонаправленные интересы, причем не только участников уголовного судопроизводства, но и ведомственные, посмотрим, кто же в настоящее время заинтересован в переходе от особого порядка разрешения уголовного дела к общему. Это не судьи, поскольку судейский корпус в лице его руководителей, как явствует из многочисленных публикаций в СМИ, предшествовавших принятию УПК РФ, длительное время ратовал за введение сокращенных форм судопроизводства. Не секрет, что приговор в особом порядке изготовить гораздо проще и быстрее, чем «обычный» при-

говор с анализом доказательств. Думается, это и не работники прокуратуры, нагрузка на которых также в последнее время увеличивается. Что касается защитников, зачастую в российских реалиях осуществляющих защиту не по соглашению, а по назначению суда за фиксированную плату, также очевидно, что при рассмотрении дела в особом порядке работать им придется значительно меньше. Наверняка это и не обвиняемые, которые либо в силу очевидности преступления, либо неверия в возможность добиться справедливости, либо юридической неграмотности хотят получить гарантированное снисхождение по наказанию. Есть соблазн посчитать, что выгоднее всего особые порядки государству, которое путем их введения решает задачу ускорения и удешевления судопроизводства путем стимуляции обвиняемого (подсудимого) признавать свою вину в обмен на предоставление преференций, однако выгода это сомнительная, государство может вовсе потерять уголовное судопроизводство, загоняя имеющиеся сегодня проблемы «вглубь», накапливая их критическую массу и в результате рискуя утратить доверие общества к судебной и правоохранительной системам.

Позволим себе небольшое по объему, но не по принципиальности отступление. Бесспорно, что суд как орган правосудия не должен «закрывать глаза» ни на правильность квалификации преступления, ни на вопросы доказанности вины подсудимого. Точно так же орган расследования должен осуществлять свои обязанности непредвзято и объективно. Очевидно, что несмотря на то, что отказ от обвинения, как указано в нашем уголовном законе, – «право» прокурора, это не может освободить его от нравственной обязанности отказаться от обвинения, не нашедшего подтверждения. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не должен содержать положений, создающих у государственных органов и должностных лиц иллюзию того, что если есть защитник, который защищает подсудимого, то они должны лишь обвинять либо выносить приговор. Данный вывод не является теоретическим. К примеру, на снижение уровня расследования уголовных дел указали более 57% опрошен-

ных судей во всех субъектах, где производились опросы и изучение уголовных дел, а также в среднем более 60% адвокатов и даже 19% (!) следователей.

На основании изложенного, сделаем следующие выводы:

1. Вопрос об основаниях и условиях применения особого порядка принятия судебного решения, закрепленного в главе 40 УПК РФ, решён законодателем неудовлетворительно. Среди закрепленных в ст. 314–316 УПК РФ наиболее объективирован критерий тяжести преступления, однако возможность применения в РФ особого порядка по любым преступлениям, предусматривающим наказание до 10 лет лишения свободы включительно, сдерживающим фактором для критического роста дел, рассматриваемых в особом порядке, не является.

2. Несмотря на декларирование законодателем положения о том, что выбор способа судопроизводства является прерогативой лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, реальным инициатором рассмотрения уголовного дела без исследования доказательств, в порядке главы 40 УПК РФ, в большинстве случаев является лицо, осуществляющее предварительное расследование (дознание), которое, согласно требований закона, как раз и должно собрать исчерпывающий объем обличающих обвиняемого (подсудимого) доказательств.

3. Согласие прокурора и потерпевшего на применение сокращенных процедур фактически означает согласие на применение льготы по наказанию, при этом законодателем не определено, что отказ либо согласие этих участников судопроизводства должны быть чем-то мотивированы. В частности, законодателем вообще не определено пределов дискреции прокурора. Изложенное, при условии обязательности несогласия потерпевшего и прокурора для суда, позволяет говорить, что выбор способа разрешения уголовного дела в современный период во-многом зависит от случайных факторов.

4. Положение, при котором момент заявления подсудимым ходатайства о согласии с обвинением и о рассмотрении судом уго-

ловного дела в особом порядке, имеет определяющее значение для определения формы судопроизводства, не предопределено логикой и необходимостью. Представляется, данное ограничение, введенное законодателем во-многом для предотвращения бесконтрольного увеличения дел, рассматриваемых в особом порядке, своего назначения не выполняет. Переход к общему порядку рассмотрения уголовного дела, кроме того, в значительном числе случаев (неправильность квалификации, наличие несовершеннолетнего соучастника и т.д.) зачастую производится судом помимо желания обвиняемого (подсудимого), в результате чего лицо, признававшее свою вину, не поощряется, так как льгота по наказанию ему уже не гарантируется.

3.2. Соотношение особого порядка судебного разбирательства, закрепленного главой 40 УПК РФ, с типологическими характеристиками российского уголовного процесса

Общее правило любого реформирования, как определено, заключается в том, что преобразования должны носить системный характер и быть объединены общей методологией.

Непосредственно после принятия нового УПК РФ было отмечено, что общую часть Уголовно-процессуального кодекса РФ законодатель смоделировал во многом по англо-американскому образцу, каркас же процесса остался по преимуществу континентальным, хотя и подвергнутыми серьезным правкам¹.

¹ Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под. ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. Ч. 10. С. 3; Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51–61; Азаров В.А. Функциональное содержание предварительного уголовного произ-

Так, ч. 2 ст. 15 УПК РФ установлено, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; согласно ч. 4 ст. 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Сообразно с данными положениями прокурор и следователь в соответствующих статьях общей части УПК РФ законодательно отнесены к стороне обвинения. В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ определено, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты.

При применении единой методологии иные части кодекса должны развивать и подтверждать те положения, которые изложены в качестве основополагающих. Но подобной тенденции не прослеживается, ее и не может быть, поскольку российский процесс исторически построен на принципиально ином подходе и имеет иную конструкцию.

Континентальный «каркас» российского уголовного судопроизводства сохранился в построении кодекса в целом, в конструкции институтов и норм, перешедших в новый уголовно-процессуальный закон РФ из УПК РСФСР, действовавшего в последний период перед принятием нового закона. К примеру, ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относит, как и прежние нормы УПК РСФСР, в частности, ст. 68 УПК РСФСР, помимо прочего, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

водства и судебный контроль // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2004. С. 121–127.

Прокурор и следователь в России, как указывалось, – не только обвинители. В российском процессе, характеризующемся регламентированной досудебной деятельностью, прокурор еще и должностное лицо, осуществляющее важнейшую государственную функцию надзора, следователь же – не просто лицо, собирающее улики против обвиняемого для прокурора, а важнейшая процессуальная фигура, правомочная принимать решения, определяющие ход и направление уголовного дела, причем принять такое решение возможно лишь на основе совокупности всех, как уличающих, так и свидетельствующих в пользу обвиняемого, доказательств.

Доказывание, важнейшая подотрасль, составляющая, по образному выражению, «сердцевину уголовного процесса», также построена в РФ преимущественно по континентальному образцу.

Если смотреть на требования, предъявляемые законодателем к приговору, очевидно, что они практически повторяют положения УПК РСФСР. Согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Частью 4 ст. 302 УПК РФ установлено, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Согласно ст. 299 УПК РФ к числу вопросов, которые суд должен разрешить при постановлении приговора, относятся вопросы о доказанности вины лица в совершении преступления. «Общий порядок» судебного разбирательства, закрепленный в нормах УПК РФ, в основных чертах несущественно отличается от положений УПК РСФСР, действовавшего в постсоветский период, т.е. предполагает непосредственное исследование доказательств судом в целях установления фактических обстоятельств дела. Согласно положениям ст. 287–290 УПК РФ, повторяющим нормы УПК РСФСР, суд может инициировать и провести с участием сторон осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование,

согласно ст. 283 УПК РФ он также вправе назначить судебную экспертизу, в том числе и по своей инициативе.

Сокращенные, упрощенные формы разрешения уголовных дел, регламентации которых посвящены главы 40 и 40.1 УПК РФ, основаны на иных, чем закреплено в ст. 297, 299, 302 УПК РФ, положениях. Частью 5 ст. 316 УПК РФ установлено, что судья в случае применения особого порядка не производит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, в процессе могут исследоваться лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность. В особом порядке может быть рассмотрено (и рассматривается) огромное число дел, вплоть до тяжких, наказание за которые ограничивается 10 годами лишения свободы, причем, как указал Ю.К. Якимович, особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК, относится не к «особым», как полагают некоторые ученые¹, а к «основным» производствам, поскольку данное производство направлено (*либо должно быть направлено*) на решение задач, установленных ст. 6 УПК РФ: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод².

Проблема соответствия сокращенных форм судопроизводства назначению уголовного процесса, его типологическим характеристикам и принципиальным положениям предполагает разрешение ряда вопросов.

Необходимо исходить из того, что в любом правовом государстве назначением уголовного судопроизводства является как защита личности от необоснованного осуждения, а также защита прав и

¹ Дубовик Н.П. Указ. соч. С. 6–7.

² Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства по УПК РФ // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: сб. ст. / отв. ред. А.В. Барков. Минск, 2006. С. 163–164.

интересов граждан и организаций, пострадавших от преступления, так и защита общества в целом, предполагающая применение адекватных, обоснованных репрессивных мер к лицам, совершающим общественно опасные, уголовно наказуемые деяния, с тем чтобы оградить общество от роста и воспроизводства преступности. При этом производство по уголовному делу с точки зрения его субъектного состава должно характеризоваться сбалансированностью взаимных прав и обязанностей участвующих в судопроизводстве лиц, а также сбалансированностью инструментария, используемого ими для осуществления возложенных на них функций. Уголовное судопроизводство действует эффективно тогда, когда за совершение преступлений наказываются действительно виновные лица и когда оправдываются лица, преступления не совершавшие; в конечном итоге, именно это определяет устойчивость общественного развития, повышает доверие и уважение граждан к власти, государству.

Уголовное судопроизводство современных государств строится в соответствии с руководящими идеями, принципами, лежащими в его основе и пронизывающими материю уголовного процесса. Принцип – основополагающее, руководящее положение, т.е. изначально предполагается, что он подлежит безоговорочному соблюдению. Вместе с тем известно суждение Я.О. Мотовиловкера о том, что, несмотря на доминирующий характер принципов, почти любой из них допускает некоторые изъятия, что, по мнению автора, неизбежно, поскольку между принципами возникают коллизии, требующие отдельных уступок¹. Представляется, дело в степени допустимости такого ограничения и в содержании конкретного принципа. Вряд ли возможно «законное ограничение» (либо «частичное несоблюдение») таких принципов процесса, как презумпция невиновности, уважение чести и достоинства участников уголовного судопроизводства, обеспечение национального языка судопроизводства и др. Уместнее говорить о способах, о мерах, способствующих

¹ Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса... С. 10.

реализации принципа, такой подход более точно отражает суть проблемы и, кроме того, позволяет определить пути ее разрешения. Законодатель путем издания нормативного акта может «ограничить» либо даже «отменить» действие любого принципа, однако подобный акт не будет правовым, поскольку любая система, в том числе и социальная, имеет свои объективные особенности и закономерности построения, не поддающиеся игнорированию.

По этим же причинам представляется необоснованным высказываемое мнение о том, что действие конкретного принципа ограничивается толкованием его содержания в отдельной стадии процесса или при производстве конкретного процессуального действия¹. Действие принципа носит объективный характер, обусловленный закономерностями общественного развития, складывающимися в течение длительного времени, толкование же его содержания (доктринальное либо официальное) – субъективная категория, зависящая от множества факторов и условий.

Т.В. Трубникова, А.В. Ленский, Ю.К. Якимович, рассматривая вопросы дифференциации уголовного процесса, выделили «процессуальные гарантии-принципы процесса», указав, что при упрощении процессуальных форм гарантии – принципы остаются неизменными, поскольку «любое изменение уголовно-процессуальной формы допустимо лишь в рамках единой системы принципов уголовного процесса». Авторы полагали, что упрощение или усложнение судопроизводства, при сохранении действия гарантий-принципов, отражается на гарантиях как возможности осуществления гражданами своих прав (использовать или не использовать) и как обязанности государственных органов действовать определенным образом².

Особый порядок судопроизводства по уголовным делам, когда уголовное дело следует разрешить «без проведения судебного разбирательства», но «при наличии достаточных доказательств»,

¹ Дьяконова В.В. Указ. соч. С. 16.

² Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 115–116.

предусмотренный главой 40 УПК, как представляется, смоделирован законодателем неудачно именно вследствие того, что в нем не прослеживаются способов, мер, направленных на реализацию принципиальных положений судопроизводства.

Имеются, впрочем, и иные мнения; например, М.В. Монида полагает, что законодатель, вводя особый, сокращенный порядок принятия судебного решения, для достижения целей и задач судопроизводства, которые остаются прежними, устанавливает ряд *дополнительных* гарантий, к которым автор относит получение согласия прокурора и потерпевшего, возможность применения сокращенной формы после консультаций с защитником, обязанность суда выяснить, что обвиняемый понимает сущность предъявленного обвинения¹. Сложно согласиться с тем, что условия, при которых возможно постановление приговора в особом порядке, являются гарантиями достижения целей и задач, стоящих перед судопроизводством; напротив, никаких гарантий обоснованности принимаемого решения законодатель не предложил.

Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что в уголовном процессе недопустимо несоблюдение принципов уголовного процесса и ограничение прав участников судебного разбирательства, в Постановлении Пленума от 05 декабря 2006 года № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» он также ориентировал нижестоящие суды на то, что «при рассмотрении уголовных дел в особом порядке следует неукоснительно соблюдать принципы уголовного судопроизводства»². Подобный подход можно приветствовать, однако в реальности, при наличии имеющихся положений главы 40 действующего уголовно-процессуального закона, делать это чрезвычайно затруднительно.

¹ Монида М.В. Указ. соч. С. 17.

² О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 5 дек. 2006 г. № 60 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 2.

Поскольку приговор должен быть вынесен на основании совокупности достаточных доказательств, а ч. 7 ст. 316 УПК РФ прямо устанавливает, что он постановляется, если судья, рассматривающий дело в особом порядке, придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, следует предположить, что при его постановлении суд должен убедиться, что доказательства виновности лица собраны полно и всестороннее, что подсудимый действительно совершил преступление и виновен в его совершении, кроме того, необходимо убедиться и в том, что были соблюдены его права на защиту, на неприкосновенность личности и т.д. Некоторым образом подобные требования в УПК РФ реализуются, в частности п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ предписывает удостоверяться, что ходатайство о проведении слушания дела в особом порядке заявлено подсудимым добровольно и после проведения консультаций с защитником, однако мер по недопущению вынесения несправедливого приговора в уголовно-процессуальном законе явно недостаточно.

Объяснить и обосновать при желании можно любое, даже самое спорное положение закона. Одним из основополагающих принципов судопроизводства является презумпция невиновности, заключающаяся в том, что любое лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Представляется, что и при разрешении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, недооценивать данную презумпцию нельзя. При рассмотрении дела в порядке главы 40 УПК РФ у суда имеются письменные материалы уголовного дела, содержащие доказательства в основном стороны обвинения, собранные и отраженные (зафиксированные) органом расследования, а также ходатайство обвиняемого о проведении судебного заседания в особом порядке, без исследования доказательств. В данном случае можно утверждать, что суд исходит фактически из «презумпции вины», изучая письменные доказательства виновности, причем в

изложении следователя, а не непосредственно. А можно утверждать и обратное: презумпцию невиновности опровергает сам обвиняемый, заявляя ходатайство о согласии с обвинением и о постановлении приговора в особом порядке. Можно вообще утверждать, что положения, установленные главой 40 УПК РФ, близки к институту германского «судебного приказа», когда подсудимый подчиняется наказанию, однако все эти утверждения упускают главное: чтобы опровергнуть презумпцию невиновности, виновность надо не презюмировать, не предположить, не «установить на основании признания», ее надо «доказать». Но если бы законодатель предполагал именно это, вряд ли бы в УПК имелся запрет на обжалование приговора по мотивам его несоответствия реальности.

В случае применения особого порядка не реализуется и такой важнейший принцип уголовного процесса, как принцип непосредственности изучения доказательств, поскольку судья производит вывод не на основании совокупности исследованных доказательств, а лишь на основании письменных материалов уголовного дела, причем сформированных одной, выражаясь терминологией создателей УПК, стороной – органом предварительного расследования. Впрочем, законодатель этого и не требует, устанавливая в ч. 1 ст. 240 УПК РФ, что суд не обязан изучать доказательства непосредственно при рассмотрении дел в порядке раздела X УПК РФ. Следует сказать, что при изучении дел, рассмотренных в порядке главы 40 УПК РФ, а также при рассмотрении уголовных дел в обычном порядке сегодня имеется серьезная, на наш взгляд проблема. Зачастую показания различных лиц – обвиняемых, свидетелей – изложены в протоколах их допросов в одних и тех же выражениях с использованием одних и тех же фраз и оборотов речи. Так, к примеру, по уголовному делу по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, показания семи свидетелей – работников полиции, были изложены с использованием оборотов речи вроде: «мы незамедлительно прибыли по вызову», «подозреваемый вел себя дерзко и агрессивно» и т.д., что

говорило о том, что лицо, ведущее расследование, не производило допросы в соответствии с требованиями УПК РФ, фиксируя то, что ему сообщали свидетели, а «составляло» их, излагая события с использованием тех оборотов речи, которые он сам употребляет. При переходе к общему порядку показания свидетелей, что естественно, отличались друг от друга, в результате чего Т. был осужден, но по ч. 1 ст. 318 УПК РФ¹. Следует отметить, что подобных дел множество, тем более что в настоящее время показания участников уголовного судопроизводства не пишутся лично допрашиваемым или даже должностным лицом органов расследования, а печатаются на компьютере и подписываются. Более того, нам встречались и дела, в которых показания свидетелей просто были сфальсифицированы либо в деле имелись протоколы допроса лиц, которые, явившись в суд, отрицали сам факт такого допроса.

Что касается состязательности процесса, которая также является важнейшим принципом, очевидно, что и он, даже в его ограниченной, «континентальной» трактовке, также не реализуется. Можно, при желании, утверждать и обратное, рассматривая признание вины и отказ от спора как выражение данного принципа, ранее мы ссылались на авторов, отстаивающих подобные воззрения, однако, думается, это не так. Поскольку не имеется спора, суд при вынесении приговора основывается лишь на версии следователя, что также, при формальном отношении суда к реализации целей и задач судопроизводства, повышает риск вынесения приговора, основанного на предположениях.

Часть 2 ст. 77 УК РФ, имеющая, как представляется, общий характер, устанавливает, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющих по уголовному делу доказательств. Статьей 17 УПК РФ, также изложенной в общей части закона, установлено, что судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, ос-

¹ Уголовное дело № 1-47/2015 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2015.

нованному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Под внутренним убеждением, в общих чертах, принято понимать «уверенность лиц, принимающих уголовно-процессуальные решения, относительно допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств, а также тех выводов, которые следуют из совокупности данных доказательств»¹. Г.М. Резник в содержании понятия «внутренне убеждение» выделял три аспекта: гносеологический, предполагающий необходимость описать отношение знания, составляющего содержание внутреннего убеждения, к отражаемой действительности, определение критерия его истинности; логический, предполагающий наличие формально-логической структуры формирования вывода из оценки доказательств; психологический, предполагающий уверенность познающего в истинности знания². А.К. Калугин и М.В. Монид, рассматривая данную проблему, пришли к выводу, что и при применении особого порядка законодатель «требует от судьи руководствоваться не вероятностными, а обоснованными достоверными выводами»³.

С уважением относясь к суждению авторов, тем не менее, отметим, что вывод, сделанный ими, не основан на положениях действующего УПК. Да, суд должен сделать достоверный вывод, Пленум ВС в своем Постановлении от 05 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» ориентировал судей именно на это, но вот позволяют ли добиться этого конструкции, примененные в уголовно-процессуальном законе РФ?

Представляется, Пленум, напомнив судьям об их обязанности устанавливать реальные обстоятельства дела, не дал ответа (да и не

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М., 2008. С. 77.

² Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977. С. 61–62.

³ Калугин А.Г., Монид М.В. Указ. соч. С. 94.

мог дать, поскольку он лишь толкует закон) на самый принципиальный вопрос: каким образом суд должен сформировать убеждение о доказанности обвинения по делу, рассматриваемому в особом порядке? В реальности убеждение в виновности подсудимого предлагается достичь путем «тщательного и внимательного» изучения письменных материалов уголовного дела.

В литературе высказываются мнения, что доказывание при особом порядке рассмотрения уголовного дела осуществляется теми же способами и основано на тех же принципах, что и по общему правилу, но с определенными изъятиями, и что в результате такого доказывания *может быть* постановлен приговор, имеющий достоверный характер¹. А.В. Боярская, например, считает, что «упрощенное судебное производство представляет собой судебный цикл доказательственной деятельности, осуществляемый в более элементарном, по сравнению с общим порядком производства по уголовному делу, режиме, упрощение которого достигается в зависимости от избираемого аспекта уголовного судопроизводства: через изменение уголовно-процессуальных норм различного типа в том числе, относимых к доказательственному праву, если уголовное судопроизводство истолковывается в аспекте правовых норм; путем изъятия отдельных элементов уголовно-процессуальной формы, введения в нее альтернативных элементов, приспособленных для целей конкретной процедуры, установления более кратких процессуальных сроков – при рассмотрении уголовного процесса как системы процессуальных форм; через воздействия на такие элементы уголовно-процессуальных отношений, как субъект, объект, права и обязанности их участников, и, через них, опосредованно – на процесс доказывания, если уголовное судопроизводство интерпретируется в контексте системы уголовно-процессуальных отношений»². Автор указывает, что «специфика доказывания в

¹ Шмарев А.И. Указ. соч. С. 10; Мониц М.В. Указ. соч. С. 17.

² Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 10.

рамках особого порядка... обусловлена формированием здесь двухкомпонентного – уголовно-правового и уголовно-процессуального предмета доказывания», в качестве уголовно-процессуального предмета рассматривая установление обстоятельств, предусмотренных ст. 314–316 УПК РФ, и утверждая, что уголовно-правовой компонент доказывания сохраняется для суда в полном объеме за счет обязанности произвести самостоятельное изучение доказательств, имеющихся в деле»¹.

Представляется, утверждение о том, что суд либо иной субъект уголовного судопроизводства в особом порядке осуществляет уголовно-процессуальное доказывание, изучая письменные материалы, сформированные органом предварительного расследования, очень спорно.

В.А. Семенцов, И.И. Белохортов, рассматривая проблему оценки доказательств судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, указали, что судья и в этом случае проводит исследование доказательств и обязан установить все подлежащие доказыванию обстоятельства и сделать самостоятельные выводы. В деятельности судьи, осуществляемой в порядке, установленном главой 40 УПК РФ, авторы выделили два этапа: 1) познание из уголовного дела обстоятельств, входящих в предмет доказывания, основанное на самостоятельном и единоличном их изучении, в результате которого у судьи складывается «досудебная установка», чего и требует от него законодатель, и 2) доказывание в условиях гласного и состязательного судебного разбирательства, включающего собирание доказательств и их проверку².

Представляется, мнение авторов также является попыткой выдать «желаемое за действительное». Досудебная, обвинительная установка у судьи действительно складывается, но фактически в непроцессуальном порядке и лишь на основании письменных дока-

¹ Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах... С. 11–12.

² Семенцов В.А., Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу. М., 2012. С. 146, 156.

зательств, причем сформированных органом расследования, что не исключает их недостоверности, доказывания же судебного в процессе (если не считать таковым изучение вопроса о личности подсудимого и о наличии смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств) не производится. М.К. Свиридов обоснованно указывает, что в силу специфики предварительного расследования формирование ценности доказательств (главным образом, такого их качества, как достоверность) завершается лишь в стадии судебного разбирательства посредством исследования их на новой, более качественной основе, в связи с чем окончательные выводы органа расследования по уголовному делу следует считать только вероятными, достоверное же знание может быть получено лишь в судебном заседании. На основе выводов органа расследования нельзя разрешать уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, а представленные органом расследования доказательства не должны полагаться в основу приговора без их исследования в судебном заседании¹.

Российский уголовный процесс имеет свой набор средств, методов, способов доказывания, хорошо известных уголовно-процессуальной теории, сложившихся объективно, исторически, под влиянием множества факторов. При изменении процессуальной формы столь кардинальным образом, как это было сделано с введением главы 40 УПК РФ, при закреплении «особого порядка» вынесения приговора, законодатель фактически отказался от прежних основополагающих идей, предложив взамен «изучение письменных материалов».

Понимая, что прежние подходы не работают, некоторые исследователи упрощенных форм высказывают интереснейшие суждения. Так, Н.В. Редькин пишет, что особый порядок судебного раз-

¹ Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Томск, 2011. Ч. 51. С. 7–8.

бирательства привел к появлению в уголовном судопроизводстве «качественно новых презумпций, ранее неизвестных отечественному уголовному процессу», к которым автор отнес: предположение о добросовестном выполнении собственных процессуальных функций государственным обвинителем и защитником; предположение о законности собранных в уголовном деле доказательств; презумпцию доказанности обвинения, предъявленного обвиняемому; презумпцию законности, обоснованности и справедливости приговора, постановленного с соблюдением требований главы 40 УПК РФ, – после чего сделал вывод о том, что «накопление знаний судьи об обстоятельствах произошедшего преступления посредством исследования доказательств заменяется при особом порядке презумпциями»¹.

Представляется, не следует забывать, прежде всего, презумпцию невиновности подсудимого до тех пор, пока его вина не доказана, не подтверждена в установленном порядке доказательствами.

Если вести речь об изменении способов доказывания, определенную логику (тем не менее не принимаемую нами) можно усмотреть в предложениях К.Б. Гранкина, В.Б. Комарова, О.В. Волколуп.

К.Б. Гранкин и В.Б. Комаров предложили дать возможность обвиняемому и его защитнику «право заявлять ходатайство о признании достоверной части обстоятельств из числа подлежащих доказыванию»². О.В. Волколуп еще ранее предлагала предоставить стороне защиты при рассмотрении дела даже в общем порядке отказаться от дальнейшего исследования обстоятельств, заявив об этом ходатайство, если с какими-либо обстоятельствами, подлежащими доказы-

¹ Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 17.

² Гранкин К.Б., Комаров В.Б. Упрощенная процедура судебного разбирательства нуждается в совершенствовании // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. Вып. 7, ч. 2. С. 36.

ванию, защита согласна, что, по мнению автора, должно сберечь время и сократить продолжительность судебного разбирательства¹.

Представляется, что предложения вышеуказанных авторов близки не только к положениям, характерным для англо-американского уголовного процесса, но и к нормам, присущим гражданскому судопроизводству. Так, согласно ч. 2 ст. 68 Гражданского процессуального кодекса РФ признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования и возражения, освобождает последнюю от дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Внедрить подобные предложения в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, тем более в уголовный процесс континентального типа, представляется очень затруднительным, поскольку оценка доказательств судом производится по внутреннему убеждению, а не на основании формализованных правил. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, изложены в ст. 73 УПК РФ, и даже если сторона сочтет какое-либо из них доказанным либо, напротив, недоказанным, это не делает обстоятельство действительно таковым; кроме того, необязательно таковое признание и для суда, цель суда – принять обоснованное, т.е. основанное не на презумпциях и признаниях каких-либо фактов, решение. Сторона же, признавшая какой-либо факт доказанным, вряд ли должна ограничиваться по формальным основаниям еще и в своем праве обжаловать вынесенный приговор.

Очевидно, что в настоящее время в Российской Федерации фактически имеются два принципиально различных вида обвинительных приговоров уголовного суда: приговор, постановленный в общем, обычном порядке, и судебный акт, вынесенный судом в порядке главы 40 УПК РФ. То, что эти акты, называемые одинаково – «приговоры», имеют различную природу, было понятно сразу после введения УПК РФ, однако законодательно «различие» было констатировано лишь с принятием Федерального закона от 29 июня

¹ Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования... С. 240–241.

2015 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым в ст. 90 УПК РФ внесено положение, устанавливающее, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса либо иным вступившим в законную силу решением суда... признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки»¹. Полагаем, что закрепить отсутствие преюдициальной силы приговора, принятого в особом порядке, законодатель был вынужден, помимо прочего, и под влиянием сложившейся практики, когда встречались попытки в основу обвинительного приговора положить показания лиц, осужденных ранее «без исследования доказательств».

Законодатель, введя в УПК РФ особые порядки рассмотрения уголовного дела судом, предусмотренные главами 40 и 40.1 УПК РФ, фактически произвел «удвоение сущности» единого ранее явления. В результате в отношении лиц, выбравших обычную процедуру, выносится приговор как акт правосудия, постановленный, как установлено в УПК РФ, на основании совокупности доказательств, имеющий, помимо прочего, и преюдициальное значение; в отношении же лиц, осужденных в особом порядке, само государство признает иную правовую природу выносимого акта. Представляется, что объективных оснований для «удвоения» единого ранее по своей природе и назначению понятия уголовного судопроизводства не имеется.

Рассмотрение норм главы 40 УПК РФ в их совокупности дает основания утверждать, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением в том виде, в котором он закреплен, не соответствует типологическим характеристикам российского уголовного процесса, поскольку его конструкция: а) не

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27. Ст. 3982.

обеспечивает достижение цели российского уголовного судопроизводства, не исключает осуждение невиновного; б) не учитывает публичное начало российского уголовного процесса, преувеличивая значение состязательности; в) не стимулирует обвинителя и должностных лиц органа расследования выполнять свои обязанности всесторонне и непредвзято; г) исключает активность суда (как и иных участников процесса) в проверке и исследовании представленных в суд доказательств, что не характерно для российского уголовного судопроизводства; д) предполагает наличие неограниченного, имеющего определяющее значения даже для суда, усмотрения обвинителя и потерпевшего при выборе способа разрешения дела, что не соответствует роли суда как «хозяина процесса».

Имеющееся положение дел нельзя считать удовлетворительным. Приговор суда, постановленный именем государства, должен являться актом правосудия, а не просто постановлением, разрешающим уголовное дело по существу. Справедливым, («правосудным», правильным) приговор будет тогда, когда он соответствует реальности, т.е. когда лицо осуждено за то, что действительно совершило преступное деяние и виновно в его совершении. Уместно вспомнить и слова И.Я. Фойницкого о том, что суд устанавливает истину «нравственную», что у судьи (судей) при вынесении приговора должно быть твердое убеждение (причем сложившееся не просто так, а на основании исследования совокупности доказательств) в том, что лицо действительно виновно в совершении преступления.

Российский уголовный процесс «выстрадан» историей развития российского общества и исторически ориентирован на достижение истинного знания. Думается, причиной этого является не только то, что первоначально он возник как розыск, стремление к справедливости и уважение к власти (тем большее, чем она разумна, понятна и честна) являются одними из основных черт народонаселения подавляющей части РФ. Исторической, ментальной особенностью русского (российского) народа является не правовой нигилизм, не отрицание ценности права, как это в современный период иногда

пытаются представить, а стремление к истине, справедливости, а также высокая нравственность и духовность¹. В этой связи закрепление в уголовно-процессуальном законе положения, при котором лицо можно осудить, «не исследуя доказательств», вряд ли стоит приветствовать. «Быстрота судопроизводства», при которой лицо осуждается за преступление, которое оно не совершало, абсолютно не нужна.

То, что задачи, стоящие перед законодателем, сложны, очевидно: в современный период, с одной стороны, необходимо экономить финансы и репрессию, обеспечивать эффективность судопроизводства, с другой – делать это таким образом, чтобы достигались задачи уголовной юстиции. Вообще же представляется, что применительно к сокращенным формам судопроизводства основной целью законодателя должна быть минимизация риска необоснованного осуждения при рассмотрении уголовного дела. Именно вследствие того, что принципы уголовного процесса либо не действуют вовсе, либо реализуются не в полном объеме, достигать выполнения данной задачи следует мерами, направленными на устранение негативных явлений, присущих уголовному судопроизводству в его сокращенных формах. К примеру, подсудимого в любом случае надлежит допросить, изучить его доводы, проверить соответствие квалификации, вмененной органом расследования, действительности и даже, в случае необходимости, истребовать необходимые для вынесения законного приговора доказательства и т.д.²

Таким образом, и при применении упрощенных форм судопроизводства следует не просто декларировать необходимость соблюдения какого-либо принципа либо ограничиваться толкованием его содержания в той или иной части процесса, следует стремиться обеспечить его действие и минимизировать риски, неизбежные при «усечении» классического уголовного процесса. Это значит, что

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 73.

² Развернутые предложения по совершенствованию действующего законодательства изложены далее.

если при применении сокращенных форм разрешения уголовных дел не реализуются принципы судопроизводства, не достигаются его цели и задачи, от такой конструкции, при невозможности ее совершенствования, следует отказываться.

Оговоримся еще раз: по-нашему мнению, объективных, бесспорных предпосылок, лежащих в области уголовного процесса, для упрощения процедуры доказывания не имеется. Представляется, до настоящего времени актуально высказывание М.Л. Якуба о том, что «было бы неправильно допускать “ослабление” гарантий или говорить об “усиленных” гарантиях по делам о тех или иных преступлениях: порядок уголовного судопроизводства по всем категориям дел должен содержать необходимые и достаточные гарантии эффективного расследования и правильного разрешения дела, неуклонного соблюдения прав и законных интересов личности»¹.

Исследователями упрощенных форм разрешения уголовных дел и просто правоведами предпринимались попытки определения пределов, в которых допустимо их использование. Так, С.А. Пашин указал, что, по его мнению, «порог упрощения процессуальной формы» «задан стандартами справедливого правосудия. Процедура не может упрощаться до степени забвения международного пакта о гражданских и политических правах, и конституционных требований в соответствующем государстве»². А.В. Боярская, рассматривая проблемы доказывания в особом порядке, полагает, что «в уголовно-процессуальном производстве должно быть не менее одного полного доказательственного цикла, включающего в себя все элементы процесса доказывания», обосновывая мнение, что если по делу производилось полное досудебное расследование, оно может быть рассмотрено в порядке глав 40 или 40.1 УПК РФ; если же по

¹ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве... С. 16.

² Пашин С.А. Упрощенные уголовно-процессуальные формы и обеспечение прав человека в уголовном процессе // Юрист. 2008. № 1. URL: <http://journal.zakon.kz/203446-uproshhennye-ugolovno-processualnyye.html>

делу производилось сокращенное дознание, применение особого порядка нежелательно¹. Встречаются также предложения снизить тяжесть категории дел, по которым возможно применение особого порядка, ограничив возможность применения особого порядка по делам, наказание за которые не превышает 5 либо 7 лет².

Т.В. Трубникова, обобщив высказывавшиеся мнения и опираясь на собственные исследования, указала, что упрощение уголовного судопроизводства должно быть таким, чтобы достигалось несколько целей: обеспечивалось право участвующих в уголовном судопроизводстве лиц на справедливое судебное разбирательство; наличествовало уважение и доверие граждан к правосудию; достигалась истина, указав, что не имеется такого субъекта, который мог бы отказаться за общество от справедливого судебного разбирательства. Автор считает, что недопустимо упрощенное судебное разбирательство по уголовным делам там, где: наказание превышает 10 лет, за исключением заочного производства, оптимально же ограничить этот предел преступлениями средней тяжести; где в доказывании не имеется хотя бы одного полного доказательственного цикла – досудебного или судебного; кроме того, отказ от права на рассмотрение дела в рамках обычной процедуры должен компенсироваться возможностью полного апелляционного рассмотрения в обычном порядке³.

Не возражая в принципе против вышеизложенных предложений, полагаем, что главные риски особых порядков связаны с отсутствием (либо с минимальным наличием) в них уголовно-процессуального доказывания. И чем меньше в сокращенных формах доказывания, тем меньше вероятность вынесения справедливого, обоснованного решения. Доказывание же, помимо прочего, не

¹ Боярская А.В. Указ. соч. С. 16.

² Дорошков В.В. Особый порядок судебного разбирательства // Рос. судья. 2004. № 9. С. 32–36.

³ Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131–138.

только инструмент уголовно-процессуального познания, но и, применительно к его результатам, – способ достижения целей правосудия, если же мы данный инструмент не применяем, нет и гарантий того, что полученный вывод отражает объективную действительность. Что касается предложения об обязательном наличии хотя бы одного полного доказательственного цикла, представляется, что определяющее значение имеет доказывание именно судебное, оно, как указывалось еще А.Ф. Кони и И.В. Михайловским, в корне отличается от доказывания на досудебных стадиях, не случайно приговор выносит суд, а не следователь. С этой точки зрения отрицательные последствия введенной Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. процедуры сокращенного дознания (глава 32.1 УПК РФ) устранить при рассмотрении дела судом в обычном порядке возможно, напротив, «полный доказательственный цикл», осуществленный органом предварительного расследования, при отсутствии судебного разбирательства, как это происходит в порядке главы 40 УПК РФ, не позволяет говорить о достоверности его итогов.

3.3. Направления совершенствования института особого порядка принятия судебного решения в уголовном процессе России

Как определено выше, конструкция особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, реализованная в положениях главы 40 УПК РФ, не позволяет вести речь о соблюдении принципов российского уголовного процесса, не обеспечивает достижение его целей и задач. «Дуализация» результата уголовного судопроизводства приводит к тому, что оно функционирует неэффективно, имеющиеся проблемы игнорируются, грозя, при накоплении критической их массы, подорвать стабильность правопорядка в обществе и превратиться в целом в регрессивный, сдерживающий фактор общественного развития.

Алгоритм действий в этом случае должен быть следующий: выявив имеющуюся проблему и проанализировав ее причины, определить, можно ли их устранить. Применительно к упрощенным формам разрешения уголовных дел, в частности к «особым порядкам», следует оценить, возможно ли «встроить» новые институты в исторически сложившуюся материю российского уголовного судопроизводства, и если да, следует совершенствовать законодательство в данном направлении; если же сделать этого нельзя, от использования подобных механизмов следует отказываться.

Правоведами высказывались и высказываются различные мнения: от полной поддержки особого порядка теми, кто не усматривает никаких проблем в связи с введением сокращенных процедур, до предложений исключить положения главы 40 из действующего уголовно-процессуального закона как противоречащие Конституции РФ, принципам уголовного судопроизводства и цели уголовного процесса¹.

Представляется, идея об исключении упрощенных процедур разрешения уголовных дел из УПК РФ вряд ли реализуема. Подтверждением этому как раз и служит наличие упрощенных форм судопроизводства в законодательстве многих государств; вопрос на сегодняшний день, с учетом исторических реалий, состоит лишь в том, в каких формах и пределах применять упрощенные процедуры. Вместе с тем, если без упрощенных порядков не обойтись, конструкция таких процедур должна в максимальной степени обеспечивать достижение целей и задач национального судопроизводства. Следует искать баланс между упрощением, быстротой судопроизводства и соблюдением основополагающих принципов судопроизводства. Да, полного равновесия достичь не удастся, однако минимизировать негативное влияние упрощенных порядков на судопроизводство в целом, как представляется, возможно.

¹ См., например: Пикалов И.А. Особый порядок судебного разбирательства // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2007. С. 301.

Отметим, что задачей любой прикладной науки, в том числе и уголовно-процессуальной, является поиск оптимальных путей совершенствования той или иной области человеческой деятельности, поэтому не следует ограничиваться толкованием или объяснением каких-либо установленных государством, властью положений, задача науки иная – определить эффективность действующего механизма, установить причины недостатков и найти пути их преодоления.

Основной недостаток особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением заключается в том, что суд не исследует доказательств вины подсудимого, представленных органом предварительного расследования, презюмируя их добросовестность и принимая их на веру. Более того, закон, в частности положения ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ фактически запрещают суду исследовать доказательства, при изучении материалов уголовного дела у судьи чаще всего складывается обвинительная установка, причем в непроцессуальном порядке и лишь на основании письменных материалов, сформированных органом расследования, что не исключает их недостоверности, доказывания же судебного в процессе (если не считать таковым изучение вопроса о личности подсудимого) не производится. Основная проблема и основная претензия, которая адресуется положениям главы 40 УПК РФ, таким образом, довольно очевидна: при применении сокращенной процедуры не имеется гарантий от необоснованного осуждения невиновного либо осуждения лица за более тяжкое, чем он совершил, деяние. Возможно и осуждение лица по менее тяжкой статье, подобные случаи также имеются.

Поскольку российский уголовный процесс, процесс континентального типа, исторически ориентирован на поиск справедливости, на установление истины, полагаем, что следует изменить нормы действующего уголовно-процессуального закона так, чтобы обеспечить выполнение назначения уголовного судопроизводства. Представляется, что основным вектором совершенствования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением должно стать возвращение к характерным для

российского уголовного процесса конструкциям, т.е. данный уголовно-процессуальный институт следует реформировать таким образом, чтобы он соответствовал типологическим характеристикам российского уголовного судопроизводства.

Предпосылки к этому, на наш взгляд, имеются. Так, правоприменитель в лице Верховного Суда РФ требует от судей и при применении особого порядка руководствоваться достоверными выводами, на что ориентируют положения Постановления Пленума Верховного Суда № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». Имеются колебания и в позиции законодателя: вводя Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. нормы главы 32.1 УПК РФ в ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, законодатель фактически закрепил возможность производства судом исследования и оценки доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, при рассмотрении в особом порядке дел, по которым производилось сокращенное дознание. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ при поступлении возражения стороны по делу, по которому производилось дознание в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья должен вынести постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Высказывались предложения о совершенствовании процедуры особого порядка и непосредственно после введения УПК РФ; например, И.Л. Петрухин указывал, что в целях устранения возможности осуждения невиновного следовало бы внести в УПК РФ положение об обязательном допросе в судебном заседании подсудимого¹.

¹ Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5. С. 21.

Особый порядок разрешения уголовного дела, предусмотренный главой 40 УПК РФ, одобряет большинство практиков – прокуроров, судей, следователей, адвокатов, он удобен тем, что при его использовании им приходится меньше, чем при рассмотрении уголовных дел в обычном порядке, работать. В этой связи очевидно, что при применении особого порядка всегда будет соблазн «закрыть глаза» на недостаточность доказательств и наличие процессуальных нарушений. Заинтересовано в особом порядке и государство – он позволяет сэкономить время и, в конечном итоге, финансовые ресурсы. Вместе с тем приговор должен быть законным, справедливым и обоснованным, правосудным; лишь такой судебный акт способен вызвать уважение к государству, а также к суду, именем государства постановляющему приговор, и в конце концов, повлиять на стабильность общественных отношений. А поскольку подобные требования к приговору имеются, за качество приговора должен отвечать орган, его постановляющий, т.е. суд.

При таком подходе положения ст. 317 УПК РФ о недопустимости обжалования приговора, вынесенного в особом порядке, по мотивам несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела следует исключить из уголовно-процессуального закона. Приговор, не отвечающий объективной реальности, противоречащий обстоятельствам совершенного деяния – не есть приговор, не есть акт правосудия. Запрещая обжаловать приговор по мотивам его несоответствия реальности, как представляется, законодатель дискредитирует саму идею правосудия, допуская, что лицо может быть осуждено необоснованно.

Следует исключить из УПК РФ и положения ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие, что судья при рассмотрении дела в особом порядке не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Если (и поскольку) суд обязан отвечать за результат своей деятельности и, в конечном итоге, нести ответственность за состояние правопорядка в обществе, он должен быть наделен возможностью выяснять в судебном заседании все юридически значимые моменты, интересующие его.

Отметим, что речь не идет об автоматическом переходе к общему порядку судебного разбирательства. Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе. Согласно положениям ст. 73 УПК РФ, как известно, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В настоящее время при рассмотрении дела, по которому производилось предварительное расследование, суд может исследовать лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, чего явно недостаточно для вынесения законного и обоснованного приговора; данные обстоятельства вообще не входят в понятие так называемого «главного факта», который суд, по М.С. Строговичу, должен обязательно выяснить для принятия обоснованного решения¹.

Суд, рассматривающий уголовное дело, обязан прийти к мнению, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, при производстве по уголовному делу установлены, причем по конкретно-

¹ Строгович М.С. Избранные труды. М., 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. С. 83.

му делу какие-либо из них могут быть более очевидны, а какие-то менее. При сомнениях в обоснованности обвинения и в качествах каких-либо сведений у суда должна быть возможность исследовать полученные органом расследования доказательства в том объеме, в котором он это посчитает нужным, вплоть до самостоятельного истребования каких-либо сведений. От общего порядка такая деятельность будет отличаться тем, что изучаться и исследоваться будут именно те обстоятельства, которые суд сочтет необходимыми для вынесения законного приговора, а не все и не автоматически. К примеру, помимо вопросов, непосредственно относящихся в преступлению и виновности в нем лица, могут быть уточнены вопросы квалификации деяния, характер и размер вреда, невыяснение которых в настоящее время является фактически традиционным основанием для отмены либо изменения приговоров суда¹.

В этой связи полагаем, вслед за И.Л. Петрухиным, необходимым закрепить в УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в особом порядке обязательный допрос подсудимого. Представляется, законодатель, принимая УПК РФ, не рассматривал возможность допроса подсудимого в связи с тем, что данный участник судопроизводства вообще вправе отказаться от дачи показаний, если же он желает дать показания, он их дает после исследования доказательств, представленных, как указал законодатель, «стороной обвинения», причем первым его должен допрашивать защитник. Да, подсудимый (обвиняемый), согласно п. 3 ч. 3 ст. 47 УПК РФ, наделен правом отказаться от дачи показаний, но, как представляется, при согласии с обвинением пользоваться данным правом, фактически означающим его несогласие и исключающим рассмотрение дела в особом порядке, он не будет. Вынести же законный приговор, не выслушав подсудимого, очень сложно, именно при его до-

¹ По данным основаниям, к примеру, в Тюменской, Московской областях, Хабаровском крае за 2016 г. отменено и изменено соответственно 43,1, 39,7 и 24,6% от обжалованных отмененных (измененных) приговоров, вынесенных в особом порядке.

просе суд должен убедиться, что, во-первых, он является надлежащим субъектом, во-вторых, что он осознает характер своего деяния, согласен со своей виновностью, в-третьих, суду при допросе подсудимого проще уточнить и правильность квалификации и иные необходимые обстоятельства. Заметим, что даже согласно положениям ст. 39 и 173 Гражданского процессуального кодекса суд может не принять признание иска стороной в споре либо не утвердить мировое соглашение, если оно нарушает права стороны и противоречит обстоятельствам дела, а ведь гражданский процесс, как известно, и более диспозитивен, и регулирует рассмотрение по преимуществу частных споров, лишь опосредованно относящихся к сфере поддержания правопорядка в обществе. В настоящее же время, согласно ч. 4 ст. 316 УПК РФ, суд «опрашивает» подсудимого, понятно ли ему обвинение, добровольно ли он заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке и изучает иные вопросы, не относящиеся к существу обвинения, чего явно недостаточно.

Обоснованность предложения о необходимости допроса подсудимого подтверждается и изменениями в УПК РФ, внесенными Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Как известно, в ст. 317.7 УПК РФ законодателем добавлен новый п. 3.1, в соответствии с которым судья, который проводит заседание, должен опросить подсудимого, понятно ли ему обвинение и согласен ли он с ним, а также предложить подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения, а подсудимый должен ответить на вопросы участников судебного заседания. Положения глав 40 и 40.1 УПК РФ представлен в одном разделе УПК и являются родственными, в этой связи логично было бы скорректировать и положения главы 40 УПК РФ, чего, по непонятной нам причине, законодатель не сделал.

Обязательности допроса иных лиц и обязательного оглашения либо исследования каких-либо письменных или иных доказа-

тельств, как представляется, в законе устанавливать не следует, все доказательства индивидуальны, да это и не нужно, если в законе будет закреплено, что суд отвечает за качество своей работы и обязан постановить законный и обоснованный приговор; судьи, как представляется, будут выяснять все значимые, по их мнению, моменты. Например, может возникнуть потребность в допросе потерпевшего там, где его показания способны подтвердить или опровергнуть какие-либо обстоятельства, в частности по делам, связанным с воздействием на личность, таким как грабеж, разбой, причинение телесных повреждений различной тяжести.

В качестве иллюстрации приведем несколько простых примеров. Так, Л. обвинялся органами предварительного расследования в совершении ряда преступлений, в том числе в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Органами предварительного расследования ему было вменено, что на автобусной остановке в ответ на замечание он подошел к ранее незнакомому Г. и ударил его в лицо, затем, когда Г. упал и из его кармана выпал сотовый телефон, Л. поднял телефон, положил его в карман и ушел. Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Л. вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, признал, при ознакомлении с материалами дела ходатайствовал о рассмотрении его дела в порядке главы 40 УПК РФ. После рассмотрения уголовного дела, не получив того наказания, на которое рассчитывал, Л. подал апелляционную жалобу на приговор, в которой, помимо прочего, указал, что телефон он поднял с земли и положил в карман незаметно для Г., который в это время вытирал лицо и не видел момента хищения, т.е. фактически Л. в жалобе оспаривал квалификацию преступления, полагая, что его действия судом должны были быть квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Упомянем, что по делу на стадии предварительного расследования был допрошен ряд свидетелей, в том числе один из них, Ф., являвшийся единственным очевидцем произошедшего на остановке, показывал на стадии предварительного расследования, что потерпев-

ший Г., поднявшись с земли и обнаружив, что телефон исчез, кричал вслед Л., чтобы он отдал телефон, но Л., обернувшись на крик, ускорил шаг и забежал за здание. Сам Г. подобного не помнил, пояснив следователю, что находился в шоковом состоянии¹. Возможно, у судьи после изучения письменных материалов дела и имелись сомнения по квалификации действий Л., однако он, рассматривая уголовное дело в особом порядке, не имел возможности устранить их и понадеялся, что никто жаловаться на приговор не будет и не стал переходить к общему порядку. Полагаем, что для убежденности судьи в виновности Л. и правильности квалификации достаточно было из многочисленных свидетелей, указанных в списке лиц, подлежащих вызову в суд, допросить подсудимого и свидетеля Ф., а также, конечно, потерпевшего Г., однако исследование каких-либо доказательств в рамках действующего УПК РФ было невозможно.

Еще более показательным делом по обвинению Х. Органами предварительного расследования Х. вменялось совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ, а именно то, что она проникла в дом и совершила хищение денежных средств у В. На стадии предварительного расследования Х. вину признала полностью, ходатайствовала о рассмотрении уголовного дела в порядке главы 40 УПК. Потерпевшая В. в судебное заседание дважды не явилась, просила суд рассмотреть дело без ее участия, представила заявление о согласии с особым порядком рассмотрения дела. Поскольку у судьи имелись сомнения по поводу способа и возможности проникновения Х. в дом В., В. была подвергнута приводу и в судебном заседании показала, что, по ее мнению, Х. хищения не совершала, так как она при допросе на предварительном расследовании неправильно описала расположение комнат и места нахождения денег и ценностей. В. полагала, что хищение из ее дома совершил сожитель Х., работавший ранее у В. и осужденный ранее условно за

¹ Уголовное дело № 1-116/2012 // Архив Ноябрьского городского суда ЯНАО. 2012.

подобное преступление. После перехода к общему порядку выяснилось, что Х. преступления действительно не совершала¹.

В данном случае очевидно, что при формальном подходе судьи к рассмотрению уголовного дела Х., скорее всего, была бы осуждена (вероятнее всего, к условной мере наказания), установить же истину в данном случае помогли показания потерпевшей В., помимо ее желания доставленной в суд.

Если убрать из УПК РФ положения ст. 317 УПК, закрепив, что и при рассмотрении дела в рамках упрощенной процедуры суд обязан отвечать за качество и правильность своего решения, следует наделить судью возможностью проверить те доказательства, которые вызывают сомнение, убедиться в правильности квалификации и в наличии состава уголовно-наказуемого деяния. От общей процедуры такая деятельность будет отличаться тем, что исследоваться будет лишь часть доказательственного материала. При подобном способе количество судебных ошибок, как представляется, удастся значительно минимизировать.

Говоря иначе, следует обязать суд (а также и прокурора, и защитника) работать. Предвидя возражения, что квалифицированный, порядочный судья и сам в целях предотвращения необоснованного осуждения в случае сомнений перейдет к общему порядку рассмотрения уголовного дела, заметим, что совесть, порядочность – очень хрупкие и тонкие явления. Не нужно лишний раз оставлять судью, адвоката, прокурора, следователя наедине со своей совестью, как минимум необходимо еще, чтобы и нормы закона создавали предпосылки (либо прямо обязывали, что гораздо предпочтительнее) выполнять свои обязанности качественно.

Выше упоминалось о другом способе возможного совершенствования особого порядка, предложенном Т.В. Трубниковой, заключающемся в том, что осужденному в особом порядке подсудимому при его несогласии с приговором следует предоставить право на полно-

¹ Уголовное дело № 1-12/2014 // Архив Мегионского городского суда. 2014.

ценную апелляцию в общем порядке. Представляется, данное предложение труднореализуемо в силу значительных расстояний и черевато чрезмерными расходами (к примеру, расстояние от г. Радужного ХМАО-Югры до административного центра ХМАО-Югры – более 700 км, от г. Ноябрьска ЯНАО до административного центра округа – более 600 км и т.д.), самое же важное возражение заключается в том, что в этом случае предлагается обеспечить истинность лишь той части приговоров, которые обжалуются, в то время как основной недостаток и основная опасность особого порядка, по нашему мнению, заключается в том, что особый порядок является «терра инкогнита», «вещью в себе», механизмом, неподконтрольным и не проверяемым законными, разумными способами.

При рассмотрении уголовного дела в особом порядке с исследованием части доказательств судья, конечно, будет обязан отразить в приговоре, пусть и кратко, в усеченном виде, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, судом установлены, указать, почему именно у него нет сомнений в правильности квалификации и в виновности лица; подсудимый же будет наделен правом обжаловать такой приговор, в том числе и по мотивам несоответствия выводов суда реальности.

Лишь применяя подобную конструкцию, можно будет говорить о том, что цели и принципы процесса, как утверждает М.В. Мониц, остались прежними, а структура (этапы) судебного производства, как полагают В.А. Семенцов и И.И. Белохортов, и при особом порядке принятия судебного решения такая же, как при рассмотрении дела в общем порядке, и традиционно включает в себя: подготовительную часть, судебное следствие (усеченное), прения, последнее слово подсудимого, постановление и провозглашение приговора.

Предвидим возможные возражения о том, что и в случае использования предлагаемой нами модели основную роль будет играть субъективный фактор: мнение судьи (и иных участников процесса) о том, что необходимо выяснить и уточнить. Да, это так, однако полагаем, что возложение на суд обязанности произвести исследо-

вание и постановить законный, справедливый приговор значительно лучше применяемых в настоящее время процедур.

Норму ч. 2 ст. 315 УПК РФ, согласно которой обвиняемый (подсудимый) может заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке либо по окончании предварительного расследования, либо при проведении предварительного слушания, если оно является обязательным, также следует скорректировать, установив, что подсудимый вправе ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в особом порядке как при ознакомлении с материалами уголовного дела на стадии предварительного расследования, так и после поступления уголовного дела в суд, до начала судебного разбирательства.

Что касается согласия прокурора и потерпевшего на применение особого порядка, нам представляется, что и нормы данной части закона следует скорректировать.

Отмечалось, что при даче согласия на рассмотрение дела в особом порядке прокуроры руководствуются своими представлениями об общественной опасности преступления (38,7%), данными, характеризующими личность подсудимого (63,4%); 17,6% опрошенных прокуроров мотивом своих решений назвали также оценку судебных перспектив при рассмотрении уголовного дела в общем порядке и доказанность преступления. В целом решение множества вопросов уголовного судопроизводства производится на основании дискреции, усмотрения. Вместе с тем дискреция должна быть обоснованной, а принимаемое в ее результате решение – мотивированным. В настоящее же время прокурор не обязан мотивировать свое несогласие либо согласие с упрощенной процедурой, руководствуясь зачастую либо нежеланием предоставлять подсудимому льготу, либо указанием вышестоящего прокурора, либо даже просто какими-либо личными соображениями. Как указывалось, в Италии, по образцу которой смоделирован особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ, в результате рассмотрения вопроса Конституционным Судом было определено, что отказ прокурора

должен быть мотивирован, причем он может быть преодолен судом по просьбе подсудимого. Представляется, что и в УПК РФ следует закрепить положение, что мнение прокурора о возможности либо невозможности применения особого порядка должен быть обоснованным, а также установить необязательность его мнения для суда при согласии или несогласии иных участников уголовного судопроизводства. Декларируя борьбу с коррупцией, логично ограничивать, а не расширять пределы усмотрения должностных лиц.

Против обязательности согласия потерпевшего как условия применения упрощенных процедур также имеются серьезные доводы. Согласие потерпевшего с применением упрощенных процедур никак не соотносится с отношением лица, привлекаемого к уголовной ответственности, к совершенному им деянию и с наличием достаточных доказательств для признания такого лица виновным. Потерпевшие, не соглашающиеся на применение упрощенного порядка, обосновывают свою позицию в основном тем, что преступник, по их мнению, должен быть наказан максимально жестко, большую роль играет также, как отмечалось, момент возмещения (или невозмещения) потерпевшим вреда. Представляется, обеспечение доступа потерпевшего к правосудию заключается не в том, чтобы он давал или не давал согласие на применение какой-либо процедуры, в данном случае упрощенной, а в том, чтобы он имел возможность реально отстаивать свои права¹. У потерпевшего, при исключении из УПК РФ ст. 317 УПК и закреплении обязанности суда установить истину, будут иметься те же основания для осуществления юридически значимых действий, совершаемых в гражданском либо ином порядке: взыскания ущерба, лишения ро-

¹ Информация о Постановлении ЕСПЧ по делу «Михова (Mihova) против Италии» от 30 марта 2010 г. (жалоба № 25000/07) // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9. С. 26–27. (Как определено правовой позицией ЕСПЧ, в том случае, когда потерпевшим поднимается лишь вопрос о тяжести наказания, отказ в доступе его к участию в правосудии по уголовному делу не противоречит ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то есть потерпевший не имеет права на «частную месть»).

дательских прав и т.д., поскольку согласно ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ приговор суда по уголовному делу в части им установленных обстоятельств имеет значение преюдиции для суда, рассматривающего гражданский спор. При рассмотрении уголовного дела в особом порядке потерпевший вправе выступить в прениях, изложить свое мнение по мере наказания, по квалификации, поддержать гражданский иск и т.д., т.е. он фактически осуществляет те же права, что и при рассмотрении дела в общем порядке. Как показывает изучение практики, потерпевший, как и прокурор, фактически дает согласие не на рассмотрение дела в упрощенном порядке, а на применение льготы по наказанию. Представляется, что суд должен быть наделен правом преодолеть и отказ потерпевшего в применении сокращенной процедуры, если такой отказ не вызван какими-либо значимыми обстоятельствами (к примеру, мотивированным несогласием с квалификацией преступления), требующими полного исследования доказательств.

При изучении особого порядка, предусмотренного главой 40 УПК РФ, очевидно, что он используется для экономии времени и финансов, государство стимулирует лицо к признанию вины, обещая льготу по наказанию. А следует ли автоматически уравнивать всех: как законопослушных лиц, впервые совершивших преступление, так и лиц, для которых преступная деятельность является своеобразным промыслом? Исследования показывают, что на применение особых процедур охотнее всего идут подсудимые, совершившие преступление в условиях очевидности, в общественных местах, ранее неоднократно судимые, хорошо понимающие, что при прочих равных условиях им вряд ли удастся уменьшить меру уголовной репрессии со стороны государства. При изучении практики встречаются дела, по которым лица были осуждены в особом порядке, причем за аналогичные преступления, и три, и четыре, и пять раз. Представляется, излишне задавать вопрос, способствует ли процедура, предусмотренная главой 40 УПК РФ, исправлению и перевоспитанию, хотя подобная задача в настоящее время и не ста-

вится государством в качестве приоритетной. С учетом изложенного логично было бы указать в уголовно-процессуальном и уголовном законе, что суд вправе не применять льготу по наказанию к определенным категориям лиц, в частности, к лицам, совершившим преступления при рецидиве, т.е. вернуться к конструкциям, реализуемым в УК РСФСР и УПК РСФСР. Если лицо, не подпадающее под льготную категорию, желает признать себя виновным, загладить причиненный вред, способствовать устранению его последствий – это его право; как известно, УК РФ содержит большой перечень смягчающих обстоятельств, причем ч. 2 ст. 61 УК РФ устанавливает, что суд может признать смягчающими и обстоятельства, не указанные в ч. 1 этой статьи, но гарантировать льготу по наказанию всем вряд ли справедливо и целесообразно. Государство не должно торговаться, у суда и при несогласии лица с особым порядком достаточно возможностей и полномочий рассмотреть уголовное дело и, установив фактические обстоятельства, принять законное и справедливое решение. А поскольку предлагается убрать из УПК РФ ст. 317 УПК РФ, лица, которые полагают, что заслужили снисхождение, но оно им предоставлено не было, смогут реализовать свое право на обжалование в полном объеме, апелляционная же инстанция сможет всесторонне оценить и проверить приговор.

Возможна и обратная ситуация. Зачастую переход к общему порядку производится судом помимо воли обвиняемого (подсудимого), к примеру, если вину признал один из соучастников либо в случае наличия среди соучастников несовершеннолетнего, что, как указано в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 60, при отсутствии возможности выделения дела в отдельное производство, исключает рассмотрение его в особом порядке. Возможен переход к общему порядку вообще в силу неправильности квалификации преступления, которое вменяется, либо из-за наличия ведомственных интересов, либо вследствие недостаточной квалификации самих должностных лиц органов расследования и защитника. Кроме того, на применение особого порядка могут не дать согласие по-

терпевший и прокурор. В этих ситуациях в случае перехода к общему порядку подсудимый, признававший свою вину и согласный на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, не поощряется, так как льгота по наказанию, предусмотренная ч. 7 ст. 316 УПК РФ и ст. 62 УК РФ, к нему уже не применяется.

Логично было бы закрепление в УПК РФ положения, согласно которому, если переход к общему порядку состоялся помимо воли подсудимого (в случае невозможности рассмотрения его дела при наличии несовершеннолетнего соучастника, при мотивированном возражении потерпевшего, по инициативе суда, не усмотревшего «бесспорности» доказательств, добытых органом расследования и т.д.), возможно применение к такому лицу льгот по наказанию, предусмотренных УК и УПК РФ для лиц, дела которых рассмотрены с применением упрощенной процедуры.

Думается, на первом плане должна остаться не льгота, а добровольное признание вины, раскаяние и заглаживание вреда, т.е. то, что и должен стимулировать разумный законодатель.

При подобных подходах, как представляется, вопрос о категориях преступлений, рассмотрение дел по обвинению в совершении которых возможно производить в особом порядке, будет не столь принципиальным, поскольку, как указывалось ранее, главное в судопроизводстве – доказанность преступления и справедливость наказания. Одинаково несправедливо быть необоснованно осужденным и на год, и на три, и на пять, к тому же психика каждого человека индивидуальна. Вместе с тем, поскольку речь идет об особой, упрощенной процедуре, в любом случае, даже при идеальной организации, осуществляемой с изъятием части процессуальных гарантий, широкое распространение сокращенных форм вряд ли желательно. Статистические данные последнего времени указывают на возрастающий с каждым отчетным периодом рост количества дел, рассматриваемых в особом порядке. Как мы указывали, исследования свидетельствуют о том, что если в 2009–2010 гг. в отдельных судах с применением особого порядка рассматривалось по 50–60% уголовных дел, в настоящее время с приме-

нением упрощенной процедуры рассматривается уже до 70% дел, а от тех, которые можно рассмотреть с его применением – до 95% (!). К преступлениям, наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, за которые не превышает 10 лет лишения свободы, в соответствии с положениями УК РФ относятся, помимо иных, и грабежи, и разбойные нападения, и иные тяжкие деяния, т.е. подавляющее большинство составов преступления, рассматриваемых в настоящее время районными судами. Нетрудно спрогнозировать и дальнейший рост количества таких дел, у практических работников, вынужденных работать в современных условиях, наличествует стремление «упростить себе жизнь», и закон предусматривает возможность этого, что представляет серьезную угрозу для «обычного» порядка.

Следует также прямо закрепить в уголовно процессуальном законе положение о том, что применение особого порядка недопустимо при разрешении уголовных дел по обвинению лиц, не владеющих языком судопроизводства, и лиц, ограниченно вменяемых, страдающих психическими недостатками, затрудняющими право на защиту. В отношении несовершеннолетних подобное ограничение, с учетом норм главы 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», существует; при введении главы 32.1 УПК РФ законодатель также указал, что дознание в сокращенной форме (а следовательно, и рассмотрение дела в особом порядке) не производится, если подозреваемый является несовершеннолетним либо если он не владеет языком судопроизводства (ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Что касается производства по уголовным делам с участием лиц, страдающих недостатками психики, подобного ограничения в действующем УПК РФ нет. Данное предложение новацией не является и также, по сути, направлено на возвращение некогда хорошо известных норм российского законодательства. Как известно, раздел IX УПК РСФСР, регламентировавший досудебную подготовку материалов в упрощенном порядке, устанавливал, что сокращенный порядок применим, только если: преступление относилось к числу мелких, не представляющих обще-

ственной опасности, перечисленных в ст. 414 УПК РСФСР; преступник был известен; у него отсутствовали особые качества, исключавшие производство по делу в протокольной форме, перечисленные в ст. 126 УПК РСФСР, т.е. он не должен был быть несовершеннолетним и страдать физическими либо психическими недостатками, затрудняющими осуществление его права на защиту.

В заключение сформулируем выводы:

1. Поскольку закрепление упрощенных порядков разрешения уголовных дел является основной тенденцией развития современного уголовного процесса, предложения об их исключении из УПК РФ нереализуемы. Вместе с тем российский уголовный процесс исторически ориентирован на получение достоверного, истинного знания, на вынесение справедливого, обоснованного приговора; положение, при котором лицо можно осудить, «не исследуя доказательств», противоречит ментальности российского народа и направленности российского уголовного судопроизводства. Приговор суда должен быть законным, справедливым и обоснованным, правосудным, лишь такой судебный акт способен вызвать уважение к государству и к суду.

2. Модель института упрощенного разрешения уголовных дел, отвечающая типологическим характеристикам российского уголовного процесса, должна включать в себя:

– основания и условия применения упрощенных форм судебного разрешения уголовных дел судом. Следует закрепить в уголовно-процессуальном законе обязанность потерпевшего и прокурора мотивировать свое несогласие с применением судом упрощенного порядка разрешения уголовного дела, а также исключить обязательность для суда согласия прокурора и потерпевшего на применение судом особого порядка вынесения приговора в отношении подсудимого, если мотивы такого несогласия не связаны с доказанностью деяния и не представляются суду убедительными;

– требования к судебной процедуре, создающие достаточные гарантии того, что судом будет выполнена обязанность убедиться,

что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК РФ, по делу установлены, включающие, в частности, обязанность суда допросить в судебном заседании подсудимого, признавшего себя виновным, по обстоятельствам совершенного деяния, а также право суда непосредственно исследовать любые доказательства;

– требования к приговору, постановленному в упрощенном порядке, в соответствии с которыми суд должен обосновать в нем вывод о том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делу установлены, и указать, по каким причинам у него нет сомнений в правильности квалификации и виновности подсудимого;

– требования к основаниям обжалования и процедуре пересмотра приговора, постановленного судом в упрощенном порядке, включающие возможность обжалования такого приговора по мотивам его несоответствия фактическим обстоятельствам дела. Запрещающая обжаловать приговор по мотивам его несоответствия реальности, законодатель дискредитирует саму идею правосудия, допуская, что лицо может быть осуждено необоснованно. За качество приговора должен отвечать орган, его постановляющий от имени государства, т.е. суд.

3. Поскольку первична не льгота по наказанию, обусловливаемая в настоящее время признанием подсудимым вины, а позитивное постпреступное поведение, следует ввести личностный критерий для снижения наказания, предоставив суду возможность неприменения льготы при рассмотрении дел в особом порядке в зависимости от обстоятельств дела и личности подсудимого, а также предоставив право применения льготы тогда, когда переход к общему порядку был произведен судом помимо желания подсудимого.

4. При применении подобной конструкции главы 40 УПК РФ задачи и принципы континентального уголовного судопроизводства РФ останутся прежними, а структура (этапы) судебного производства будет такой же, как и при рассмотрении уголовного дела в общем порядке.

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, РЕГЛАМЕНТИРОВАННОГО ГЛАВОЙ 40.1 УПК РФ

4.1. Причины появления, основания и условия применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ

Помимо закрепления российским законодателем в уголовно-процессуальном законе при его принятии особого порядка принятия решения по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотренного главой 40 УПК РФ, Законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 г. в УПК РФ введена глава 40.1, предусматривающая особый порядок принятия судебного решения при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, положения которой являются наиболее значимой новацией современного российского судопроизводства.

Как указывалось, мнение о том, что соглашения, сделки между защитой и обвинением, традиционны для российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, неверно. Сделка (дву- или многосторонняя), в ее традиционном понимании, – договор, соглашение, по которому стороны берут на себя взаимные

обязанности, договариваясь при их выполнении совершить определенные действия в пользу противоположной стороны. В российском дореволюционном, советском, а затем и в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве исторически не предполагалось никаких договоренностей между органами расследования и обвиняемым, лишь при позитивном поведении и деятельном раскаянии можно было рассчитывать на снисхождение. При этом обвиняемым и подозреваемым никогда не запрещалось содействовать правоохранительным органам в расследовании преступлений, в этой части поведение лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, всегда было диспозитивным и зависело от их личного усмотрения¹. Российское уголовное законодательство, в свою очередь, всегда содержало механизмы, позволявшие поощрять позитивное постпреступное поведение. Известно, что УК РФ, в основном воспринявший положения УК РСФСР, содержит и содержит нормы, предусматривающие возможность смягчения наказания и даже возможность освобождения от уголовной ответственности в случае общественно-полезного поведения привлекаемого к ней лица.

Пунктом «и» ст. 61 УК РФ в редакции 1996 г. к обстоятельствам, смягчающим наказание, были отнесены явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. Частью 1 ст. 75 УК РФ в редакции 1996 г. было установлено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния пере-

¹ Не будем утверждать, что во всех случаях содействие было добровольным, однако нет и оснований полагать, что оно стало таковым в настоящее время, при заключении соглашений о сотрудничестве.

стало быть общественно опасным. Вышеперечисленные положения УК РФ были также изменены Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, в частности, п. «и» ч. 1 ст. 61 УК дополнен указанием на то, что смягчающим обстоятельством является активное содействие не только раскрытию, но и «расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других участников преступления». Дополнена этим же законом и ст. 62 УК РФ, ч. 2 которой в настоящее время устанавливает, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Статья 75 УК РФ также дополнена указанием на то, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случае содействия не только раскрытию, но также и расследованию преступления.

Посмотрим, какие аргументы приводились в обоснование необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе России института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Один из инициаторов заключения сделок, получивших в окончательной редакции название «соглашения о сотрудничестве», А.Е. Лебедев при проведении в Государственной Думе парламентских слушаний по поводу их введения в УПК РФ привел несколько аргументов, свидетельствующих, как он полагал, в их пользу. Во-первых, он указал на недоверие граждан к суду, сложившееся в обществе представление о коррумпированности правоохранительной системы. При введении соглашений такое доверие, по его мнению, должно было повыситься. Во-вторых, А.Е. Лебедев считал, что участники преступных сообществ не идут на контакт с правоохранительными органами, «потому что у них нет уверенности, что это облегчит их участь», т.е. сделки, по его мнению, были необходимы в качестве механизма, гарантирующего снижение наказания.

Третьим аргументом «за» было названо уменьшение нагрузки на судебную систему¹. Выступая на парламентских слушаниях, А.Е. Лебедев пояснил, что он «внимательно посмотрел на дела, рассматриваемые в отношении Российской Федерации в Страсбургском суде» и установил, что «люди проводят под стражей долгие годы, а потом суды их оправдывают», а «сделки с правосудием позволят сократить сроки и значительно разгрузить правоохранительную и судебную системы». Опасности коррупции в случае введения соглашений он не усматривал, полагая, что если «правильно сконструировать «сделку с правосудием», обеспечить «прозрачность данной процедуры, то это... позволит сузить сферу личного усмотрения для сотрудников правоохранительной системы»². В Пояснительной записке к проекту закона о внесении изменений в УПК РФ указывалось, что для «раскрытия и расследования фактов бандитизма, «заказных» убийств, наркопреступлений, коррупционных проявлений чрезвычайно важным является предоставление правоохранительным органам возможности привлечения к сотрудничеству лиц, которые состоят в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Учитывая это, вполне обоснованно будет внести соответствующие изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, которые предусматривают возможность для обвиняемого (подозреваемого) заключить с органами предварительного следствия и дознания соглашение о сотрудничестве, представляющее собой подачу обвиняемым (подо-

¹ Лебедев А.Е. О сделках с правосудием и реформировании правоохранительной системы. Из выступления на парламентских слушаниях от 5 дек. 2006 г. // Уроки реформы уголовного правосудия в России: по материалам работы межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина. М., 2007. С. 61–63.

² Лебедев А.Е. Указ. соч. С. 63.

зреваемым) на имя прокурора письменного ходатайства о сотрудничестве с указанием своих действий, которые он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличения соучастников и розыска имущества, добытого в результате преступления»¹.

Известно, что за упрощение уголовного судопроизводства выступали многие процессуалисты и практики, при этом большинством из них поддерживались положения, близкие к закрепленным впоследствии в нормах главы 40 УПК РФ², однако высказывались и мнения, что между органами расследования и обвиняемыми всегда существовали определенные договоренности, которые, как указывали авторы, следовало «вывести из тени», «придать им процессуальную форму», с тем чтобы «гарантировать» снижение наказания при позитивном постпреступном поведении³. Указывалось, что «в рассматриваемом институте разумный компромисс проявляется в различных формах, посредством которых законодатель гарантирует значительные уступки обвиняемому (подсудимому) в обмен на совершение им определенных положительных посткриминальных поступков... этот процессуальный институт позволяет существенно упростить процедуру рассмотрения уголовных дел, поскольку они не проходят все предусмотренные этапы. Применение соглашения о признании вины включает в себя условие сотрудничества обвиняемого или подсудимого с правоохранительными органами. Это позволяет получать от свидетелей необходимую информацию в

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-правовое обеспечение. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Совет судей голосует за сделки о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 4–5.

³ Лазарева В.А. Легализация сделок о признании вины... С. 40–41; Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант?... С. 41–42; Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Рос. юстиция. 1998. № 7. С. 17–19.

случаях коррупции, наркотрафика и по другим сложным уголовным делам»¹.

Раздавались и голоса против каких-либо договоренностей между органами предварительного расследования и обвиняемыми, но число таких публикаций было невелико².

В настоящее время соглашение о сотрудничестве рассматривается в научной литературе как «комплексный институт поощрения»³, «компромиссная процедура»⁴, «способ противодействия организованной преступной деятельности, а также иным тяжким и особо тяжким преступлениям»⁵, «одна из форм правоприменения – специфическая разновидность правоприменительного акта, процессуальная форма деятельного раскаяния»⁶. Для удобства изложения мы также будем называть положения главы 40.1 УПК РФ уголовно-процессуальным институтом, подразумевая под этим совокупность правовых норм, регулирующих (как представляется, неудовлетворительно) комплекс определенных уголовно-процессуальных отношений.

Представляется, что институт, призванный, по мнению сторонников его введения, «разгрузить» уголовное судопроизводство, «закрепить гарантии» для обвиняемых при позитивном постпреступном поведении, способен создать в том виде, в котором он смоделирован сейчас, предпосылки для всевозможных злоупотреблений, а отрицательный потенциал, заложенный в нормах этой части УПК РФ, очень велик.

¹ Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие. М., 1998. С. 180–185.

² Петрухин И. Указ. соч. С. 35–37; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 37–38.

³ Головинин М.В. Указ. соч. С. 13.

⁴ Кувалдина Ю.В. Указ. соч. С.12.

⁵ Ковалев Р.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13.

⁶ Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 9.

Проанализируем, действительно ли введение «делок с правосудием» в законодательство РФ способно привести к положительному эффекту и не окажутся ли те же самые аргументы «за» доводами «против», однако прежде всего упомянем о самом главном аргументе сторонников соглашений. Целью, декларируемой представителями «силовых» структур, чья позиция, как представляется, сыграла очень значительную роль в принятии положений главы 40.1 УПК РФ, были борьба с терроризмом и организованной преступностью, раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, нейтрализация и осуждение лидеров организованных преступных сообществ. Руководители силовых ведомств указывали, что у органов правопорядка недостаточно возможностей для контроля организованной преступности и эффективного противодействия ей и им необходима помощь законодателя¹.

По мнению большинства российских правоведов, исследующих нормы главы 40.1 УПК РФ, целью введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России является стимулирование положительных посткриминальных поступков². Некоторые авторы полагают, что рассматриваемый институт имеет своей целью снизить «экономическую емкость» судебной деятельности и процесса предварительного расследования групповых преступлений, и в первую очередь тех, которые совершают организованные группы и сообщества³. Сторонники внедрения сделок апеллировали и к опы-

¹ ТРК «Россия». Программа «Вести». 30.05.2009.

² Звечаровский И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14–16; Абшилава Г.В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органом следствия // Вестн. ЮУрГУ. 2011. № 27. С. 30–35; Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Конярова Ж.К. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 98–102; Победкин А.В. Уголовный процесс: состояние вне права. М., 2013. С. 155; Галимова М.А. Уголовно-процессуальные меры поощрения позитивного посткриминального поведения // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 44.

³ Мартыненко Н.Э. Значение досудебного соглашения о сотрудничестве для защиты интересов потерпевшего // Научный портал МВД России. 2012. № 3 (19). С. 25; Шаталов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудниче-

ту США, где впервые и возник институт сотрудничества, называемый «Plea and Cooperation Agreement». Очевидно, однако, что российская конструкция «соглашения о сотрудничестве» хуже своего заокеанского «оригинала» и страдает рядом важнейших пороков, о которых будет сказано далее.

Для начала заметим, что, по нашему мнению, имеется принципиальная разница между организованной преступностью в России и, к примеру, в Италии, где также предусмотрено заключение соглашений с членами ОПГ по англо-американскому образцу взамен на их помощь органам расследования. Как отмечается в литературе, посвященной изучению организованных преступных сообществ в Итальянской республике, предпосылки и социальные корни мафии – в той поддержке, которая оказывается ее членам в итальянском обществе. Возникшая как ответ беднейших слоев населения на произвол и экономические притеснения власти мафия, помимо жестокости и нетерпимости к лицам, считающимся предателями ее интересов, характеризуется также наличием не всегда аморальных принципов и воззрений, пользующихся поддержкой в определенных слоях итальянского общества, характеризующегося, как и иные капиталистические общества, значительной экономической расслоенностью, предполагающей преференции наиболее обеспеченным социальным группам¹. Именно это, как представляется, обуславливает ее живучесть и проникновение во множество областей итальянского общества, в то время как процессы, происходящие в России, охватываются гораздо меньшими дефинициями и периодами времени. Известно, что Итальянское государство более ста лет борется с оргпреступностью, в настоящее время в Италии имеется Следственное управ-

стве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журн. рос. права. 2010. № 5. С. 34.

¹ Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. London. Harvard, 1993. P. 43–46; Lupo S. Storia della mafia dalle origine ai giorni nostri. Rome, 1993. P. 4–11.

ление по борьбе с мафией (далее ДИА), созданное в соответствии с Законом республики № 410 от 30 декабря 1991 г., офицеры ДИА обладают всеми полномочиями по следствию (проводят обыски, изъятия, получают свидетельские показания, производят аресты); также есть Службы информации и демократической безопасности и военной безопасности (СИСДЕ-СИСМИ), главными задачами которых являются разработка стратегии по борьбе с оргпреступностью, определение конкретных целей для каждой компетентной службы, комплексное использование имеющейся у служб общественной безопасности ресурсов и средств, периодическая проверка достигнутых результатов, корректировка деятельности.

Создана также сеть окружных управлений по борьбе с мафией при прокуратурах областей. Эти территориальные подразделения ведут на месте расследования, касающиеся преступных объединений мафиозного типа. В соответствии с Законом № 8 от 20 января 1992 г. в рамках Генеральной прокуратуры Италии учреждено Национальное управление по борьбе с мафией, которое осуществляет координацию деятельности¹. Известно также, что члены оргпреступности в ответ на принимаемые властями Италии меры совершили убийства нескольких десятков полицейских офицеров ДИА, судей и прокуроров.

В США оргпреступность также имеет итальянские корни, многие ее руководители были выходцами именно из Италии². Кроме того, США исторически являлись, по образному выражению, «котлом народов», страной, принимавшей наибольшее количество иммигрантов, т.е. лиц, чья жизнь не сложилась на исторической родине. Именно в целях борьбы с оргпреступностью в октябре 1984 г. Президент США подписал Закон о контроле над преступностью, тогда же подразделениям ФБР и ЦРУ были поставлены задачи по

¹ О мерах по борьбе с оргпреступностью в Италии. URL: <http://www.ecre.org/files/ECHR%0SAADI%20v/20Italy> (дата обращения: 12.06.2014).

² Lupo S. Op cit. P. 12.

ликвидации её экономических основ, а также, как и в Италии, принята программа по защите свидетелей¹.

В Российской Федерации до настоящего времени, согласно данных МВД и Генеральной прокуратуры, наибольшее распространение имеют общеуголовные преступления, организованная же преступность сосредоточена в основном в экономических и финансовых центрах, в крупных городах, а также на национальных окраинах.

Если целью введения главы 40.1 УПК РФ была борьба с организованной преступностью, учитывая, что данный институт как упрощенная форма судебного разрешения дела характеризуется снижением уровня процессуальных гарантий, логично было бы оговорить перечень наиболее тяжких преступлений, прежде всего террористической направленности, по которым возможно применение соглашений, а также определить прокуроров, уполномоченных заключать соглашения, как в Италии.

В УПК РФ, как известно, нет указания на категорию преступлений, по которым возможно заключение соглашений, они, как свидетельствуют результаты изучения практики применения данной упрощенной формы в различных субъектах Российской Федерации, применяются практически по всем категориям уголовных дел, по которым производится предварительное расследование, право же на заключение соглашений предоставлено всем прокурорам, вплоть до прокуроров малонаселенных отдаленных районов Крайнего Севера и Дальнего Востока, и их заместителям.

При этом, как усматривается из статистических данных Верховного Суда РФ и МВД РФ, начиная с 2008 г. просматривается тенденция к снижению количества преступлений, рост преступности в последнее время отмечен только в 2015 г., общее число совершенных преступлений увеличилось за 2015 г. на 5,5%, что связывается

¹ О системе False Claims Act, обеспечивающей защиту свидетелей и действующей в США. URL: <http://www.taf.org/>; О законодательстве США по борьбе с оргпреступностью. URL: <http://www.ecre.org/files/ECHR%0SAAD1%20v/1f5/gov.us> (дата обращения: 21.04.2016).

с ухудшением экономической обстановки в РФ, во все же остальные предшествующие и последующие годы общеуголовная преступность традиционно снижалась¹. Небезынтересно, что руководитель СК РФ А.И. Бастрыкин, выступая за введение соглашений о сотрудничестве, указывал, что соглашение необходимо для того, чтобы «член преступного сообщества, замешанный в серьезном преступлении, но не являющийся его непосредственным исполнителем, выдал следствию заказчиков и исполнителей совершения преступления в обмен на гарантии смягчения наказания», и утверждал, что «досудебные соглашения о сотрудничестве могут быть эффективны лишь тогда, когда речь идет о раскрытии и расследовании деятельности преступных сообществ и их лидеров», считая, что «нельзя распространять возможность заключения подобных соглашений на все категории преступлений»².

Что касается всевозможных договоренностей между оперативными работниками, осуществляющими сопровождение расследования, с одной стороны, и обвиняемыми (подозреваемыми) – с другой, то они, как представляется, были возможны как прежде, так и в настоящее время. Вместе с тем отношения оперативника и обвиняемого всегда носили непроцессуальный характер, основывались либо на страхе, либо на доверии, т.е. на непроцессуальных категориях. При этом оперработник получал информацию, сведения, которые затем орган расследования пытался уточнить, проверить, закрепить путем уголовно-процессуального доказывания. Осуществляется подобная деятельность и в настоящее время, «выведение» же подобных отношений из тени и закрепление сведений, сообщаемых обвиняемым, в качестве «процессуальных», сами по себе, без проверки и получения подтверждающих сведения доказательств, как представляется, ничего не дают, любые показания должны подтверждаться иными доказательствами.

¹ Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.police-mvd.ru/index.php?option=com_content&view=article&id (дата обращения: 14.05.2016).

² Новая газета. 2009. 5 июня.

Перейдем собственно к анализу положений главы 40.1 УПК РФ.

Как установлено ст. 317.1 УПК РФ, ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым или обвиняемым в письменном виде на имя прокурора. Ходатайство подписывается также защитником; если же он не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами, то участие защитника обеспечивается следователем. В соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия; в нём указывается, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Часть 3 этой же статьи устанавливает, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя, который в течение трех суток с момента поступления либо направляет его прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, либо выносит постановление об отказе в его удовлетворении. Часть 4 ст. 317.1 УПК РФ предусматривает возможность обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве подозреваемым, обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа. Согласно положениям ст. 317.2 прокурор, получив ходатайство обвиняемого (подозреваемого) и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве,

либо удовлетворяет просьбу обвиняемого и следователя и заключает соглашение о сотрудничестве, либо отклоняет ходатайство.

Применяя тот же подход, что и при анализе положений главы 40 УПК РФ, среди норм главы 40.1 УПК РФ можно выделить: условия (предпосылки) заключения с обвиняемым (подозреваемым) соглашений о сотрудничестве; условия, необходимые для внесения прокурором в суд представления о рассмотрении в особом порядке дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; условия постановления судом приговора по такому делу.

Необходимыми условиями для принятия прокурором решения и, в конечном итоге, для заключения соглашения о сотрудничестве являются:

1. Ходатайство обвиняемого (подозреваемого), заявленное, как предполагается, добровольно и подписанное также защитником (либо осуществляющим защиту по соглашению, либо назначенным следователем). Ходатайство – это основание, инициативный акт, который «запускает» процедуру. В случае наличия ряда дополнительных условий заявление ходатайства может привести, а может и не привести в итоге к заключению соглашения о сотрудничестве.

2. Поддержка данного ходатайства следователем, выражающаяся в вынесении согласованного с начальником следственного подразделения постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное условие при желании можно подразделить на два, так как имеется два должностных лица, которые должны поддержать просьбу обвиняемого, – лицо, в производстве которого находится уголовное дело на стадии предварительного расследования, и его непосредственный начальник – руководитель СО.

3. Согласие прокурора с ходатайством обвиняемого (подозреваемого) и постановлением следователя, содержащим просьбу о заключении соглашения о сотрудничестве от лица органа расследования.

Если условно разделять основания и условия, как принято в уголовно-процессуальной науке, на «материальные» и «процессуальные», то три вышеизложенных элемента следует считать процессуальными, однако их для принятия положительного решения о заключении прокурором соглашения о сотрудничестве явно недостаточно. Законодатель не упоминает о таком «материальном» условии, как необходимость наличия у обвиняемого (подозреваемого) ценной, по мнению органа расследования, информации. Для удовлетворения ходатайства желательно, чтобы преступление, в котором обвиняется (подозревается) лицо, было совершено в группе, «групповым», однако это «подусловие» необязательно, как определено УПК РФ, подозреваемый (обвиняемый) может давать показания не только в отношении соучастников, но и в отношении иных лиц по иным, как предполагается органом расследования, известным ему преступлениям.

Очевидно, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве личность лица, совершившего преступление, и его отношение к деянию не важны. Основным критерием, влекущим принятие положительного решения о заключении соглашения, становится ценность информации, которая может быть получена, для правоохранительных органов, причем ценность не как объективная категория, а как представление о ней соответствующих должностных лиц. Статья 317.2 УПК РФ устанавливает только, что прокурор, получив ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о заключении соглашения, либо удовлетворяет ходатайство, либо отказывает в нем. С кем следует заключать соглашение, по каким мотивам в его заключении можно отказать, законодатель не уточняет. На снисхождение при расследовании и последующем назначении наказания может рассчитывать лишь лицо, обладающее интересующей правоохранительные органы информацией в отношении своих действительных либо предполагаемых соучастников либо иных лиц, предположительно совершивших иные преступления. Представляется также, что у органов, занимаю-

щихся борьбой с преступностью, может возникнуть желание «пойти по простому пути», склонив обвиняемого (подозреваемого) к признанию и даче показаний в отношении иных лиц в случае затруднительности собирания доказательств обычным образом.

Неверными представляются утверждение Н.А. Дудиной о том, что производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой одну из форм реализации в уголовном процессе уголовно-правовых норм о деятельном раскаянии¹, а также мнение И. Звечаровского о совпадении по своему социально-правовому назначению института соглашения о сотрудничестве с уголовно-правовым институтом деятельного раскаяния². Представляется достаточно очевидным, что у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, могут быть различные мотивы для сотрудничества с органом расследования, в то время как ч. 1 ст. 75 УК РФ установлено, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Согласно ч. 2 этой же статьи УК «лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса»³. Раскаяние, как определяли В.И. Даль и С.И. Ожегов, – это чувство сожаления по поводу своего поступка, чувство вины за его

¹ Дудина Н.А. Указ. соч. С. 27, 33–34.

² Звечаровский И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14–16.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63: (ред. от 19 дек. 2016 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

последствия, к данному понятию близко христианское понятие «покаяние»¹. Представляется более верно мнение о том, что досудебное соглашение заключается прокурором «с целью оптимизации процесса выявления, раскрытия и предупреждения общественно-опасных деяний» с лицом, «предоставляющим уголовно-релевантную информацию о совершенных им и другими лицами указанных деяний, а также оказывающим иную помощь правоохранительным органам, с целью минимизации негативных для него правовых последствий за содеянное»².

Огромный интерес представляет вопрос о том, кто является реальным инициатором соглашения о сотрудничестве. УПК РФ дает на этот вопрос однозначный ответ: обвиняемый (подозреваемый), который ходатайствует о заключении соглашения при поддержке защитника. В литературе отмечалось, что право участника уголовного судопроизводства «является диспозитивным... если ему соответствует безусловная обязанность должностного лица совершить определенные действия (воздержаться от их совершения)»³. Само по себе обращение обвиняемого с просьбой заключить с ним соглашение о сотрудничестве органы предварительного расследования ни к чему не обязывает, напротив, роль следователя в заключении соглашения огромна. Как показывают результаты опросов, более 90% следователей предлагали заключение соглашения о сотрудничестве обвиняемым, основным мотивом, как указывали опрошенные, являлись затруднения в собирании доказательств вины. При этом 34,47% опрошенных адвокатов-защитников считает роль следователя в заключении соглашения о сотрудничестве очень значитель-

¹ Раскаяние // Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. [Б. м.], 2004–2017. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=29266&sl=oj> (дата обращения: 30.03.2016).

² Бертовский Л.В., Эдилова П.В. Проблемы развития института досудебного соглашения о сотрудничестве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 120.

³ Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

ной, а 60,19% – и вовсе определяющей, так как именно следователь доносит до прокурора свою точку зрения по вопросу об успешности расследования и о необходимости заключения соглашения с обвиняемым.

Небезынтересно отметить, что большая часть следователей – 72,68% опрошенных – полагает, что соглашение о сотрудничестве помогает установить истину, в то время как доля уверенных в том же прокуроров и защитников колеблется в пределах 40–45%, среди судей же таковых и вовсе 37,4%.

При изучении уголовных дел и интервьюировании юристов-практиков установлено также, что в подавляющем числе случаев (около 97%) перечень действий, которые должно совершить лицо, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, определяют также следователь и прокурор, инициатором расторжения соглашения о сотрудничестве в 92,13% случаев являются также эти лица, в то время как по инициативе обвиняемых и их защитников расторгается лишь 7,87% соглашений. При этом в 89,22% случаев информация, уже полученная от обвиняемого, в дальнейшем использовалась органами предварительного расследования. Изложенное свидетельствует о том, что обвиняемый, заключивший соглашение, не имеет права выдвигать свои условия и настаивать на их выполнении и всецело зависит в дальнейшем от доброй воли органов предварительного расследования, позиции прокурора, поддерживающего обвинение, и суда, выносящего приговор в порядке главы 40.1 УПК РФ.

Неограниченное усмотрение следователя, прокурора (а также оперативного работника) по вопросу, с кем заключать соглашение, а с кем нет, вряд ли способно повысить состояние правопорядка.

Пленум Верховного Суда РФ, трактуя положения действующего уголовно-процессуального закона, в п. 2 Постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указал, что возможно заклю-

чение досудебного соглашения о сотрудничестве как с одним, так и с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми) и что заключение такого соглашения является правом, а не обязанностью прокурора¹.

В п. 1.9 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» Генеральный прокурор РФ ориентировал подчиненных ему прокуроров на то, что в ходе подготовки досудебного соглашения о сотрудничестве «следует выяснять у подозреваемого (обвиняемого), какие конкретно действия он выполнит в целях исполнения соглашения о сотрудничестве и проводить анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с этим лицом». Пункт 1.5 приказа предписывает при оценке обязательств, указанных в ходатайстве обвиняемого (подозреваемого), обращать внимание на возможность их реального исполнения, а также предлагает прокурорам при необходимости истребовать у лиц, ходатайствующих о заключении соглашения, дополнительные сведения по данному вопросу².

А.Г. Халиулин, Н.В. Буланова, Ж.К. Конярова, исследуя полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, полагают необходимыми для оценки перспективности сотрудничества изучение не только ходатайства подозреваемого, обвиняемого и постановление следователя, но и изучение всех материалов уголовного дела³, они же считают нелогичным поло-

¹ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета. 2012. 11 июля.

² Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2010. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³ Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Конярова Ж.К. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве... С. 100.

жение о том, что отказ руководителя следственного органа в заключении соглашения не может быть обжалован прокурору, а также считают недопустимым обжалование отказа прокурора в заключении соглашения о сотрудничестве в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку он не причиняет ущерб конституционным правам граждан и не затрудняет доступ к правосудию¹, хотя случаи подобного обжалования в настоящее время встречаются.

При изучении практики применения соглашений о сотрудничестве на вопрос о том, как поступали прокуроры и следователи в случае, если несколько обвиняемых заявляли о желании заключить соглашение о сотрудничестве, 14,81% респондентов ответили, что они заключали соглашение со всеми ходатайствующими, а 85,19% опрошенных удовлетворяли ходатайство кого-то одного, выбирая лицо в зависимости от своих предпочтений и информированности ходатайствующего. При изучении уголовных дел нам встретилось 14 случаев, когда прокурор отказал в удовлетворении постановления следователя и в ходатайстве о заключении соглашения (когда по уголовному делу ходатайство заявлялось одним обвиняемым), при этом в 3 случаях из 14 было отказано в связи с тем, что обвиняемый не обладал соответствующей информацией, в 7 случаях прокурором было отказано по причине общественной опасности совершенного самим ходатайствующим преступления, еще 3 раза мотивом отказа была личность (отрицательные качества) лица, ходатайствовавшего о заключении соглашения. Отметим, что в случаях отказа в заключении соглашений преступления относятся к «резонансным». Так, например, прокурором г. Сургута ХМАО-Югры в 2014 г. было отказано в заключении соглашения о сотрудничестве лицу, принадлежащему к одной из национальных диаспор, ходатайствовавшему о заключении соглашения по делу о половых преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, а прокурором г. Ишима Тюменской области в 2013 г. отка-

¹ Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Конярова Ж.К. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве... С. 99, 101.

зано в удовлетворении постановления следователя СУ СК о заключении соглашения с лицом, в группе совершившем несколько преступлений против жизни и здоровья граждан на федеральной авто-трассе. Во всех изученных постановлениях мотивом отказа прокурора в заключении соглашения указана «нецелесообразность» заключения соглашения. Необходимо упомянуть, что изученные дела, по которым прокурор не стал заключать с обвиняемыми соглашение о сотрудничестве, и без заключения такого содержали достаточно доказательств виновности обвиняемых лиц. В целом же при изучении и обобщении практики мы не увидели достаточной логики в действиях прокуроров и должностных лиц иных правоохранительных органов в вопросе о заключении соглашений о сотрудничестве, в большинстве изученных нами дел доказательств виновности обвиняемых было либо в избытке и постановление обвинительного приговора было возможно и без заключения с обвиняемыми каких-либо соглашений, либо обвиняемые не могли предоставить дополнительно к имеющимся никаких изобличающих своих соучастников доказательств, кроме собственных показаний.

Одним из наиболее интересных среди изученных в первые месяцы действия положений главы 40.1 УПК РФ является дело по обвинению Щ., А. и С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, по которому ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве было подано следователю всеми обвиняемыми, но удовлетворено было лишь ходатайство Щ., 1988 г. р., страдающего психическим расстройством в форме невроза, в удовлетворении же ходатайств иных лиц – А. и С. – о заключении соглашения было отказано. В дальнейшем в отношении Щ. вынесен обвинительный приговор в особом порядке с применением условного наказания, выделенное дело в отношении А. и С. также было рассмотрено, и им назначено наказание в виде реального лишения свободы¹. В настоящее время в практике имеются

¹ Уголовные дела № 1-361/2010, 1-449/2010 // Архив Нижневартговского городского суда ХМАО-Югры. 2010.

две тенденции: в ряде субъектов Федерации правоохранительные органы – органы расследования и прокурор, – как правило, при наличии оснований не отказывают в заключении соглашения о сотрудничестве, в других же право заключить соглашение надо «заслужить»¹.

Помимо прочего, глава 40.1 УПК РФ предусматривает, что соглашение о сотрудничестве может быть заключено не только с обвиняемым, но и с подозреваемым, т.е. на самой ранней стадии расследования уголовного дела. Известно, что статус обвиняемого, кроме предоставления лицу процессуальных гарантий, предполагает, что по делу уже собраны доказательства, достаточные для производства первоначального вывода о виновности, производимого следователем, и, в соответствии с требованиями УПК РФ, лицу уже предъявлено обвинение на основании этих данных. Подозрение же, характеризующееся зачастую только тем, что к гражданину применены меры пресечения либо принуждения, подобный уровень доказанности не предусматривает. Это также влечет риск воздействия на ограниченное лишь усмотрением следователя либо работающих с ним оперработников количество лиц, ведь само задержание уже может являться для склонения любого лица к заключению соглашения о чем-либо. Изучение положений ст. 317.1–317.4 УПК РФ в том виде, в котором они изложены, приводит к мысли, что подозреваемый, с которым заключено соглашение, затем в любом случае становится обвиняемым и дело в отношении него должно быть направлено в суд, оснований для расторжения соглашения либо для прекращения дела по какому-либо основанию в главе 40.1 УПК РФ не содержится. Однако это не так, в УПК РФ не имеется ни запрета на прекращение уголовного преследования, ни на принятие любого иного процессуального решения по делу, поскольку при производстве расследования могут быть выявлены любые обстоятельства. Интересно, что вышеупомянутый приказ Генеральной прокуратуры

¹ Подробнее об этом см. далее.

№ 107 фактически конкретизирует положения главы 40.1 УПК, но в другом направлении он предписывает расторгать соглашения с лицами, не исполняющими их, не дающими органам расследования ценных сведений, в приложении к данному приказу даже дана примерная форма постановления о расторжении соглашения, однако в приказе ничего не говорится о том, как прокурор должен действовать, если виновность лица, заключившего соглашение, либо виновность лиц, в отношении которых таким лицом даны показания, не подтверждается уже в ходе предварительного расследования.

Можно выделить, как указано ранее, и условия, необходимые для внесения прокурором представления о рассмотрении дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в особом порядке. Статьей 317.5 УПК РФ предусмотрено, что прокурор в порядке и сроки, которые установлены ст. 221 УПК РФ, рассматривает поступившее от следователя уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных данным соглашением, и в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу. В представлении указываются: 1) характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; 2) значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; 3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым; 4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвине-

ния, его близкие родственники, родственники и близкие лица. Согласно ч. 2 данной статьи в представлении прокурор также удостоверяет полноту и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении им обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

Прокурор имеет право не вносить представление об особом порядке рассмотрения уголовного дела в суд, если не усмотрит, что обвиняемый оказал реальное содействие следствию, либо если его показания не покажутся прокурору полными и правдивыми, т.е. если при изучении материалов уголовного дела у него не сформируется убежденность «в правдивости и полноте сообщенных обвиняемым сведений». На это ориентирует прокуроров, поддерживающих обвинение, кроме УПК РФ, и п. 1.16 Приказа Генерального прокурора № 107 от 15.03.2010 г. «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». В этой связи отметим, что порой чтобы выяснить полноту и правдивость каких-либо сведений, приходится проводить не одно судебное заседание; вряд ли может объективно оценить информацию с точки зрения ее качеств лишь одно должностное лицо – обвинитель, причем только на основании письменных материалов дела, сформированных и представленных ему органом расследования. Вернее, множество обвинителей во множестве прокуратур множества субъектов Российской Федерации. Данная деятельность также по преимуществу субъективна, она не имеет критериев оценки истинности и вообще лежит вне пределов уголовно-процессуального закона.

На чем основано предположение о том, что лицо, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, более правдиво, чем лицо, с которым такое соглашение не заключалось? Показательно, что практически по всем изученным уголовным делам прокуратуры, оценивая правдивость, ограничиваются общими фразами, указывая в представлении, вносимом в суд, что «лицо обязалось дать правди-

вые показания по таким-то эпизодам (перечисляются эпизоды), да-
ло такие показания, и они полны, правдивы, детализируют роль
каждого из соучастников в преступлении»¹.

Помимо прокурора может отказать обвиняемому в рассмотре-
нии в отношении него уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК и
суд. Условиям применения особого порядка проведения судебного
заседания и вынесения судебного решения в отношении обвиняе-
мого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудниче-
стве, посвящена ст. 317.6 УПК РФ. Согласно ее положениям осно-
ванием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке судеб-
ного заседания является уголовное дело, поступившее в суд с пред-
ставлением прокурора о постановлении судебного решения в осо-
бом порядке. В соответствии с ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ особый поряд-
ок проведения судебного заседания и вынесения судебного реше-
ния по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым за-
ключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяется,
если суд удостоверится, что: 1) государственный обвинитель под-
твердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии
и расследовании преступления, изобличении и уголовном пресе-
довании других соучастников преступления, розыске имущества,
добытого в результате преступления; 2) досудебное соглашение о
сотрудничестве было заключено добровольно и при участии за-
щитника.

Каким образом следует реализовывать положения п. 2 ч. 2
ст. 317.6 УПК РФ, в законе не разъясняется, фактически, если трак-
товать норму буквально, законодатель применил здесь конструк-
цию, аналогичную содержащейся в главе 40 УПК РФ. Частью 3
ст. 317.6 УПК РФ определено, что суд, если он установит, что
предусмотренные ч. 1 и 2 статьи условия не соблюдены, принимает

¹ Уголовные дела № 1-237/2012, 1-339/2012, 1-407/2013, 1-408/2013 // Архив
Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края.
2012, 20913; Уголовные дела № 1-64/2014, 1-102/2014, 1-133/2014, 1-37/15 //
Архив Когалымского городского суда ХМАО-Югры. 2014, 2015.

решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке. Следовательно, если он удостоверится в обратном, то дело подлежит рассмотрению в порядке особом. Если толковать положения ст. 317.6 УПК РФ буквально, очевидно, что «удостовериться» в соблюдении условий, необходимых для рассмотрения дела в особом порядке, судья может, лишь изучая письменные материалы уголовного дела, единолично, без участия каких-либо заинтересованных лиц, т.е. в непроцессуальном порядке. Верховный Суд РФ своим Постановлением указанную проблему разрешил, придя законодателю и судьям, применяющим закон, на помощь. Хотя п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» декларировано, что в ст. 317.6 УПК РФ указаны условия применения особого порядка, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению, однако затем в п. 14 прямо установлено, что в тех случаях, когда по делу не проводилось предварительное слушание, суд *в ходе судебного разбирательства* проверяет, соблюдены ли условия, предусмотренные ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ. Если будет установлено, что эти условия не соблюдены, то суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ). Представляется, что Верховный Суд фактически вынужден был принять на себя роль законодателя, что в данной ситуации оправданно.

Не совсем логичным выглядит и положение ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, устанавливающей, что положения главы 40.1 УПК РФ в целом не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Закон не детализирует, как суд должен сделать вывод о том, что уголовное дело не подлежит рассмотрению в особом порядке, а обвиняемый не заслуживает снисхождения, при том что в распоряжении суда имеет-

ся представление прокурора, свидетельствующее, по мнению того же законодателя, об обратном, о том, что обвиняемый дал показания, изобличающие иных лиц. Частично исправил этот недостаток уголовно-процессуального закона Верховный Суд РФ. В п. 19 Постановления от 28 июня 2012 г. № 16 Пленум ВС РФ указал, что по смыслу ст. 63.1 УК РФ, ч. 4 ст. 317.6 и ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке.

Нетрудно заметить, что, принимая решение о рассмотрении дела в общем порядке (по любому основанию, за исключением установления недобросовестности поведения сотрудничавшего со следствием обвиняемого) при том, что лицо признало себя виновным и оказывало помощь следствию, суд фактически «наказывает» подсудимого, поскольку льгота по наказанию в том объеме, в котором он рассчитывал ее получить, ему уже не гарантирована. Вместе с тем, если лицо признало себя виновным, полностью согласно с обвинением, по логике того же законодателя, при правомерном поведении оно должно иметь право (при наличии условий, предусмотренных главой 40 УПК РФ) на применение к нему как минимум положений данной главы, однако положения главы 40.1 УПК РФ этого не предусматривают, упоминая лишь о возможности перехода к общему порядку.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 Постановления частично разрешил и эту коллизию, установив, что если суд придет к выводу, что в силу тех или иных предусмотренных законом оснований не-

возможно проведение судебного разбирательства в порядке, установленном главой 40.1 УПК РФ, то по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, в целях обеспечения права подсудимого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии его с предъявленным обвинением суд вправе при наличии соответствующего ходатайства подсудимого и согласия государственного обвинителя и потерпевшего продолжить разбирательство с соблюдением требований главы 40 УПК РФ. Подчеркнем, что Пленум в данных случаях истолковал закон, в нормах действующего УПК РФ; как известно, нет положений, из которых подобное толкование следует. Отметим также, что положение, при котором высшая судебная инстанция вынуждена расширительно толковать и разъяснять закон, нельзя признать удовлетворительным, да и не все коллизии, как представляется, она может разрешить. Что, например, руководствуясь нормами глав 40 и 40.1 УПК РФ, должен сделать суд, если он удостоверится, что соглашение о сотрудничестве обвиняемый подписал не добровольно, помимо своей воли, либо в отсутствие защитника, но условия соглашения он выполнил и это удостоверил сам прокурор? Представляется, что такой обвиняемый должен воспользоваться гарантированной ему ранее льготой по наказанию, но из положений УПК РФ этого не следует.

Что касается потерпевшего, согласие которого, по мысли законодателя, является обязательным для применения особого порядка рассмотрения уголовного дела, предусмотренного главой 40 УПК РФ, то о нем вообще не упоминается в главе 40.1 УПК РФ. Верховный Суд РФ постарался разрешить и этот пробел, указав, что «по смыслу положений УПК РФ» потерпевший (его законный представитель, представитель), гражданский истец и его представитель вправе участвовать в исследовании рассматриваемых судом вопросов, в том числе высказывать свое мнение по вопросу об особом порядке судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве, а суду надлежит проверить все заявленные доводы

и принять по ним мотивированное решение. При этом Пленум указал, что возражение потерпевшего (его законного представителя, представителя), гражданского истца и его представителя против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке (п. 13 Постановления Пленума ВС РФ № 16).

В литературе высказывались мнения по поводу необходимости расширения прав потерпевшего в заключении соглашения о сотрудничестве, предлагалось включить его в число договаривающихся, предоставить ему право возражать против заключения соглашения, определять возмещение ущерба потерпевшему в качестве условия заключения соглашения¹, однако данные предложения, как представляется, нереализуемы по одной простой причине: в конструкции, примененной в главе 40.1 УПК РФ, потерпевший – чужеродный элемент. Сделка заключается по поводу сведений, избличающих иных лиц, задача следователя, как он и прокурор ее понимают, – получить сведения от обвиняемого, избличить иных лиц, требование же восстановления прав потерпевшего и вообще учет его интересов в данной ситуации отходят на «второй» план.

Подводя итог параграфа, сформулируем некоторые выводы:

1. Положения главы 40.1 УПК РФ, несмотря на декларированные при их закреплении в уголовно-процессуальном законе задачи, применяются не только и не столько для борьбы с организованной преступностью, терроризмом, особо тяжкими преступлениями. В порядке, определяемом при введении как особый и исключительный, по усмотрению органов предварительного расследования

¹ Чабукиани О.А. Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Рос. юстиция. 2012. № 4. С. 36; Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации. Челябинск, 2013. С. 13; Дудина Н.А. Указ. соч. С. 13.

и прокурора расследуются и затем разрешаются по существу судом уголовные дела любой сложности и любой тяжести.

2. В целом анализ норм главы 40.1 УПК РФ позволяет утверждать, что при их применении не имеется объективных критериев для решения важнейших процессуальных вопросов, в частности вопроса о том, какая – обычная или упрощенная форма судопроизводства – должна быть применена при разрешении того или иного уголовного дела. Деятельность органов расследования, прокурора и суда не регламентирована и не детерминирована объективными критериями, важнейшие процессуальные решения по делу принимаются на основании предположений, лежащих в непроцессуальной сфере, на основании неограниченной дискреции. Несмотря на то что положения главы 40.1 УПК РФ расцениваются правоведами как комплексный уголовно-процессуальный институт, представляется, что правовые конструкции, примененные в данной главе, несовершенны, а правовое регулирование данного комплекса правоотношений неудовлетворительно. В частности, важнейшим, определяющим основанием для заключения соглашения о сотрудничестве является наличие (действительное либо предполагаемое) «ценной», в представлении органа расследования и прокурора, информации у лица, желающего сотрудничать. Важнейшим (определяющим) основанием для рассмотрения уголовного дела судом в порядке главы 40.1 УПК РФ является представление прокурора о выполнении обвиняемым обязательств по изобличению соучастников, основанное на его видении роли подсудимого в изобличении соучастников или иных лиц. Однако удостоверение прокурором «полноты и правдивости показаний», предусмотренное ч. 2 ст. 317.5 УПК РФ, выступающее в качестве обязательного условия для направления дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в суд для рассмотрения его в особом порядке, не тождественно действительному наличию относимых и допустимых, подтверждающихся другими доказательствами, доказательств вины как самого обвиняемого, так и лиц, в отношении которых он сообщил информацию.

4.2 Соответствие особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве типологическим характеристикам уголовного процесса России

При изучении эффективности новаций уголовно-процессуального закона особое значение приобретают вопросы их соответствия типологическим характеристикам российского уголовного судопроизводства. Очень важно, как нормы и институты, исторически не присущие национальному судопроизводству, приспособлены к достижению его задач. Если данные вопросы решены удовлетворительно, уголовное судопроизводство является эффективным, если же применяемые конструкции грозят их отторжением и противоречат законодательным традициям и принципам процесса, успеха достичь не удастся.

Российский уголовный процесс исторически нацелен на вынесение решения, производящегося на основании всесторонней и объективной оценки доказательств, причем собранных органом государства, производящим предварительное расследование либо дознание, максимально полно.

Отмечалось, что конструкция особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотренная главой 40 УПК РФ, неудачна, при ее применении суд зачастую ограничивается получением вероятностного знания, в силу чего имеется риск вынесения несправедливого приговора. То же можно сказать и о нормах главы 40.1 УПК РФ, однако представляется, что недостатки конструкции данной части УПК РФ еще более значительны и при широком использовании положений указанной части уголовно-процессуального закона риски недостижения задач судопроизводства еще более велики.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудеб-

ного соглашения о сотрудничестве» указал, что при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежат соблюдению общие для всех форм уголовного судопроизводства принципы осуществления правосудия и обратил внимание судов на то, что недопустимо понижение уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства.

Поддерживая мнение высшей судебной инстанции в принципе, полагаем, что выполнить данные ею рекомендации очень затруднительно.

Одной из закономерностей построения уголовного процесса континентального типа является наличие в нем подготовительного, досудебного этапа – стадии предварительного расследования, на которой производится сбор основного объема доказательственного материала по уголовному делу. При вынесении приговора при согласии подсудимого с обвинением в особом порядке, в соответствии с положениями главы 40 УПК РФ, данная стадия остается практически неизменной, соби́рание доказательств на ней осуществляется в том же объеме и теми же способами, как и обычно (исключением, как известно, являются нормы главы 32.1 УПК РФ, введенной Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г., когда по уголовному делу производится дознание в сокращенной форме, но при их применении в случае возникновения сомнений существует возможность возвращения к обычной процедуре). Если обвиняемый в соответствии с ч. 2 ст. 315 УПК РФ по окончании предварительного расследования либо на предварительном слушании, если оно проводится, не заявит ходатайства о применении к нему положений главы 40 УПК, разбирательство дела будет осуществляться в общем, «обычном» порядке. Риск недостижения истинного знания в этом случае кроется в механизме проведения судебного заседания «без исследования доказательств» и он, как указывалось ранее, преодолим. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве порок в доказательственном материале

способен возникнуть еще раньше, уже при самом формировании доказательств при деятельном участии обвиняемого (подозреваемого) и органа расследования.

При заключении с обвиняемым (или даже подозреваемым) соглашения о сотрудничестве органы расследования и прокурор, поскольку лицо признало себя виновным и заключило соглашение, исходят скорее из «презумпции вины», а не из презумпции невиновности. Действие на данной стадии принципа состязательности также специфично – лицу, сотрудничающему со следствием, выгоднее поддерживать хорошие отношения со следователем (и оперативным работником), участие же адвоката при таком подходе может превратиться в формальность, ведь даже сам термин «сотрудничество» означает совместную деятельность, совместный труд¹. В данном случае это совместная деятельность по изобличению соучастников преступления, которые ранее, как предполагается, совместно с обвиняемым участвовали в совершении преступления, либо по изобличению иных лиц, в отношении которых у лица, подвергнутого уголовному преследованию, имеется информация о совершении ими преступных действий.

С кем из лиц, заявивших ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве, заключать соглашение, а с кем – нет, решают первоначально следователь и начальник СО, а затем прокурор. Определяющим фактором выступает ценность информации, которую лицо может дать в отношении предполагаемых соучастников или иных лиц; как указывалось, именно на оценку перспективности сотрудничества и реальную возможность исполнения обязательств, взятых обвиняемым, ориентирует подчиненных прокуроров приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». В результате вопрос о заключении либо незаключении согла-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2009. С. 273.

шения решается следователем и прокурором произвольно, сообразно с их личными представлениями и предпочтениями.

Так, в Тюменской области, ХМАО-Югре, ЯНАО, Хабаровском крае соглашения заключаются с большинством обвиняемых, изъявивших такое желание, либо даже со всеми соучастниками преступления. Логика следственных органов и прокурора, как представляется, весьма проста: если заключены соглашения со всеми соучастниками, это является своеобразной гарантией того, что сложностей при рассмотрении дела в суде не возникнет, все обвиняемые дадут согласованные, проверенные (и даже сформированные) органом расследования показания, правдивость которых удостоверена прокурором. Так обычно и бывает, однако не всегда. К примеру, прокурором было заключено соглашение с К., Е., Р., Т., Д. и Ф., которые получали наркотики у З. и занимались их распространением, в том числе и в учебных заведениях. По делу в качестве обвиняемого был привлечен также Ц., который являлся несовершеннолетним, в силу чего с ним соглашение о сотрудничестве заключено не было. После вынесения приговоров в отношении всех соучастников в суд было направлено и дело в отношении Ц., рассматривавшееся в общем порядке. Осужденные к тому времени к условным срокам наказания К., Е., Р., Т., Д. и Ф., выступая в суде в качестве свидетелей, пояснили, что оговорили Ц., указывая на предварительном расследовании, что он, помимо прочих, также получал у З. наркотики для их продажи. Поскольку иных доказательств виновности Ц. в инкриминируемом ему деянии не было, дело в отношении него было по просьбе прокурора направлено в СО и в дальнейшем прекращено, оснований же отменять приговоры в отношении К., Е., Р., Т., Д., Ф. в каком-либо порядке не имелось, так как они при рассмотрении в отношении них дел в особом порядке подтверждали показания, данные в отношении друг друга¹.

¹ Дела № 1-95/2012, 1-132/2012, 1-147/2013, 1-171/2013, 1-193/2013 // Архив Тобольского городского суда Тюменской области. 2012, 2013; Уголовное дело № 2014/1491 // Архив СУ УФСКН по Тюменской области. 2014.

В ряде иных субъектов Федерации – Краснодарском крае, г. Москва, Московской области – практика иная – заключение соглашения с кем-либо из соучастников является своеобразной «привилегией», которую надо заслужить, расположив к себе органы расследования. В изученных делах нам встретились даже ходатайства начальников территориальных органов полиции либо прокуроров муниципальных образований на имя председателей судов и судей, рассматривающих дела, с просьбой назначить тем или иным подсудимым наказание с применением ст. 64 и 73 УК РФ, даже несмотря на то, что роль данных лиц в преступлении была более значительной, чем у их соучастников либо им вменялось совершение 12–15 эпизодов преступной деятельности¹.

В сети Интернет активно обсуждалось резонансное дело о подпольных казино, по утверждению работников СК РФ, действовавших в Московской области под прикрытием работников прокуратуры. Один из обвиняемых по делу, который, по версии следствия, собирал деньги у прокуроров муниципальных образований и передавал их заместителю облпрокурора, т.е. обладал значительным объемом информации, ходатайствовал о заключении с ним соглашения о сотрудничестве, однако органами предварительного расследования и прокурором ему было в этом отказано, после чего обвиняемый отказался от дачи показаний, сославшись на ст. 51 Конституции РФ. Впоследствии производство по делу, как сообщается, было приостановлено, а все лица, привлекавшиеся в качестве обвиняемых, в том числе предполагаемый организатор, экстрадированный из Польши в Россию и помещенный первоначально в СИЗО, освобождены с избранием в отношении них мер пресечения, не связанных с заключением под стражу; затем уголовное дело в отношении прокурорских работников вообще было прекращено².

¹ Уголовные дела № 1-74/2011, 1-98/2011 // Архив Лазаревского районного суда Краснодарского края. 2011.

² Следователи против прокуроров // Аргументы недели. [Б. м.], 2015. URL: <http://argumenty.ru/live/2013/03/47594> (дата обращения: 30.09.2015) и др.

Обращает на себя внимание то, что в большинстве изученных дел, рассмотренных в особом порядке, доказательствами преступной деятельности лиц являлись только показания их соучастников, лишь в 16,3% дел лица сообщали о наличии документов, электронных писем на имя соучастников, мест расположения тайников, «закладок», т.е. показания лица, данные в отношении соучастника, были подтверждены иными доказательствами – протоколами обысков, осмотров, экспертными заключениями. Думается, это также частично объясняет тенденцию к заключению соглашений как с можно большим количеством лиц. Следует отметить также и то, что по значительному (более 55%) количеству дел лица давали показания фактически в отношении своей деятельности. Особенно характерно это для преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Нередки ситуации, когда лица, распространяющие такие средства, не знают друг друга до стадии предварительного расследования и показывают лишь то, что они сами занимались распространением наркотических средств, а иных лиц они либо видели проходящими к наркодилеру предположительно также за получением наркотических средств, либо общались с ними анонимно в сети Интернет. По мере установления и привлечения таких лиц в качестве обвиняемых с ними зачастую заключаются соглашения о сотрудничестве и они также дают практически аналогичные показания¹.

Что касается лиц, с которыми прокурор по представлению органов предварительного расследования заключает соглашение о сотрудничестве, большинство респондентов на вопрос о том, с кем органы расследования и прокурор предпочитают заключать соглашение, ответили следующим образом:

¹ Уголовные дела № 1-349/2012, 1-366/2012, 1-369/2012, 1-144/2014, 1-417/2014, 1-11/2015, 1-142/2015, 1-17/2016, 1-211/2016 // Архив Сургутского городского суда ХМАО-Югры. 2012, 2014, 2015, 2016; Уголовные дела № 1-19/11, 1-21/13 // Архив Ямальского районного суда ЯНАО. 2013; Уголовные дела № 1-142/2014, 1-164/2014, 1-199/2014, 1-231/2014 // Архив Центрального районного суда г.Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края. 2014. и др.

Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел

Варианты ответов	Профессия респондента	Количество	Опрошен-ные, %
С любым лицом, заявляющим ходатайство и имеющим ценную информацию	Адвокаты	44	29,39
	Судьи	64	22,39
	Прокуроры	106	49,36
	Следователи	49	29,39
С лицом, обладающим наибольшим объемом интересующей органы расследования информацией	Адвокаты	144	77,5
	Судьи	144	67,5
	Прокуроры	154	57,5
	Следователи	124	81,5
С лицом, более всего дорожащим личной свободой	Адвокаты	169	83,13
	Судьи	203	93,08
	Прокуроры	49	18,42
	Следователи	137	87,09
С лицом, роль которого в преступлении наименее значительна	Адвокаты	2	1,08
	Судьи	12	4,44
	Прокуроры	3	1,14
	Следователи	11	07,18
Другое	Адвокаты	1	0,58
	Судьи	1	0,61
	Прокуроры	1	18,42
	Следователи	5	0,59
Затруднились ответить	Адвокаты	1	0,58
	Судьи	1	0,61
	Прокуроры	3	1,14
	Следователи	1	0,59

Таким образом, очевидно, что представители обвинения предпочитают заключать соглашения о сотрудничестве с лицами, обладающими наибольшим объемом интересующей информации, а также с лицами, наиболее дорожащими личной свободой. Данные результаты подтверждаются и изучением конкретных уголовных дел, особенно настораживает, что наибольшее количество соглашений заключается с матерями-одиночками, женщинами, имеющими несовершеннолетних детей, с лицами, имеющими какие-либо изъяны психики и воспитания, лицами в возрасте до 25 лет. Очень часто соглашения о сотрудничестве заключаются прокурорами также с организаторами преступлений, либо с лицами, роль которых в преступлении наиболее активна, которые и способствовали вхождению иных лиц в преступную группу. Опрашиваемые в ходе исследования прокуроры не видят в подобной практике ничего предосудительного, утверждая, что если лицо смогло организовать преступное сообщество, подобрать исполнителей, то оно и более интеллектуально развито, знает все схемы, использовавшиеся группой, и способно дать суду наиболее подробные и последовательные показания. Так, Мегионским городским судом ХМАО-Югры К., являвшийся наиболее активным участником и руководителем группы, получавшей и распространявшей наркотики на территории г. Мегиона, в порядке главы 40.1 УПК РФ за совершение восьми преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, с учетом норм УК РФ о назначении наказания, был приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок шесть лет восемь месяцев. Его соучастники К. и Б. в общем порядке осуждены к одиннадцати годам семи месяцам и двенадцати годам лишения свободы соответственно¹.

Заметим, что при очевидной безнравственности подобная позиция органов обвинения абсолютна логична. Задумается: кто из участников преступного сообщества обладает большим объемом

¹ Уголовные дела № 1- 095/2015, 1-113/2015, 1-119/2015 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2015.

информации – лицо, входящие в руководство и планирующее преступления, либо отдельный исполнитель, как указывал в своем интервью А.И. Бастрыкин, рядовой член ОПС, «не совершавший серьезных преступлений»? Зачем вообще прокурору иметь дело с лицом, обладающим минимальным объемом информации? Отметим также, что по вышеприведенному делу по обвинению К., на наш взгляд, вообще не имелось необходимости заключать какие-либо соглашения, вина всех соучастников доказывалась добытыми органами расследования доказательствами в полном объеме.

Обратимся к процессуальным средствам доказывания, с помощью которых подтверждается преступная деятельность лиц, в отношении которых дают показания обвиняемые и подозреваемые, с которыми заключено соглашение о сотрудничестве. Для этого вернемся к основе уголовного судопроизводства – к доказыванию и доказанности, так как лишь при виновности лица в совершении противоправного, общественно опасного деяния допустимо применение к нему мер наказания. Показательно в этой связи отношение уголовно-процессуальной науки различных государств к собственному признанию вины и к показаниям лица, преследуемого в уголовном порядке, данным им в отношении иных лиц.

Как известно, до конца XVIII – начала XIV в. господствовала теория «формальных доказательств», возникла она еще в Средние века, как предполагается, в Англии и Франции, особенную же детализацию получила в германских государствах в XVII–XVIII вв.¹ В России формальная теория оценки доказательств применялась вплоть до принятия Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., законодателем устанавливались не только виды различных доказательств, но и заранее определялось, какое значение и силу имеет то или иное обстоятельство, при каких условиях и как именно оно должно быть истолковано и оценено судом. Теория подразделяла все доказательства на совершенные и несовершенные, полные (ple-

¹ Миттермайер К.А. Указ. соч. С. 112–114.

на probatio), менее полные (minus plena probatio), более чем наполовину полные (semi plena major), менее чем наполовину полные (sime plena minor); причем несколько неполных доказательств могли составить одно полное доказательство¹.

Согласно Своду законов Российской Империи 1857 г., в котором и были закреплены основные положения формальной теории доказательств, совершенными доказательствами виновности считались такие, которые исключали «всякую возможность к показанию невинности подсудимого» (ст. 305 Свода законов), причем сила таких доказательств признавалась столь большой, что одного «совершенного» доказательства было достаточно для признания осуждения несомнительным (ст. 306 Свода). В числе совершенных доказательств в Своде указывались: собственное признание подсудимого (regina probationum), со времен Екатерины II, по её выражению, считавшееся «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316 Свода); письменные доказательства совершенного преступления, выполненные обвиняемым (ст. 324 Свода); свидетельство сведущих людей, под которыми понимались в то время «медицинские чиновники» (ст. 328 Свода); свидетельство посторонних людей, т.е. показания не имеющих отношения к обвиняемому свидетелей (ст. 329 Свода). Несовершенными доказательствами признавались те, которые «не исключали возможности к показанию невинности подсудимого» (ст. 307 Свода). К ним относились: оговор подсудимым (обвиняемым) другого обвиняемого (ст. 336 Свода); «повальный обыск», т.е. поголовный опрос всех соседей о личности и поведении обвиняемого (ст. 339 Свода); улики или «признаки совершения преступления» (ст. 341 Свода); «очистительная присяга» (ст. 344 Свода)².

Оговор, т.е. показание на иное лицо, таким образом, еще в XIX в. в России считался «несовершенным» доказательством, т.е.

¹ Фойницкий И.Я. Курс Уголовного судопроизводства... Т. 2. С. 181–182, 267; Духовской М.В. Русский уголовный процесс... С. 200; Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств. СПб., 1861. С. 22, 30–33.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV, кн. II.

доказательством, которое давало основание лишь подозревать это лицо, но с достоверностью не убеждало суд в виновности и его было заведомо недостаточно для принятия решения. Не все было просто и с таким «совершенным доказательством», как признание вины. Собственное признание считалось совершенным доказательством лишь при наличии четырех условий: «добровольности учинения признания», «учинения признания в судебном листе перед судьей», «совершенного сходства признания с происшедшим действием» и, наконец, «когда показаны притом также обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине одного сомневаться невозможно». Признание вне суда считалось недействительным, будучи подтвержденным даже двумя свидетелями, в присутствии которых обвиняемый признавал себя виновным, оно считалось лишь «половинным доказательством». При этом сила свидетельских показаний ставилась в зависимость от двух обстоятельств: а) достоин ли свидетель доверия и б) является ли показание «присяжным» (данным под присягой). Кроме того, свидетелей должно было быть как минимум двое и они должны были являться посторонними, незаинтересованными лицами¹.

При разработке Устава уголовного судопроизводства 1864 г. комиссией, образованной для его подготовки, в Устав, при том, что принципиальным положением реформы являлось требование о вынесении решения судом только на основании внутреннего убеждения, предполагалось внести в качестве его составной части «Инструкцию о силе доказательств», которая, как известно, в окончательную редакцию не вошла. Данную Инструкцию приводит в своей работе «Учение об уголовных доказательствах» один из основоположников российской теории доказывания досоветского периода Л.Е. Владимирова. Согласно п. 6 Инструкции «собственное признание подсудимого не принимается в уважение: а) когда оно несогласно с обстоятельствами дела; б) когда оно вынуждено насилем,

¹ Свод законов Российской империи... Кн. II. Ст. 316–318.

угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами». Пунктом 7 Инструкции устанавливалось, что признание подсудимого может иметь силу доказательства только по тем обстоятельствам, к коим оно положительно относится, а п. 8 указывал, что признание подсудимого не может быть принято за основание обвинительного приговора, если, кроме этого признания, нет иного удостоверения в том, что преступление действительно совершилось. Пункт 16 Инструкции указывал, что ни собственное признание подсудимого, ни показание свидетелей не принимаются в уважение, если они сделаны не на суде, а при предварительном следствии¹. Л.Е. Владимиров считал, что положения Инструкции о силе доказательств, несмотря на их отсутствие в окончательном тексте УУС 1864 г., нашли свое выражение в духе закона, также он полагал, что разработанный при реформе уголовного судопроизводства XIX в. документ «излагает правовые условия достоверности доказательств, т.е. те юридические признаки, по которым мы можем признать данное обстоятельство удовлетворительным в судебном отношении. Общим юридическим основанием к суждению о силе доказательства следует считать его соответствие правовым и логическим требованиям. Правовыми условиями следует почитать те условия собирания и эксплуатации доказательств, которые установлены в данном Кодексе; логическими – те критерии, которые выработаны человеческим опытом об источниках фактической достоверности»².

И.Я. Фойницкий в фундаментальном «Курсе уголовного судопроизводства» много места уделил как показаниям, данным лицом, привлекаемым к уголовной ответственности в отношении иных лиц, традиционно в российской науке называемой термином «оговор», так и признанию собственной вины обвиняемым (подсудимым). Отмечая, что в «доустановный» период возведение признания подсудимого в степень главенствующего доказательства основыва-

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 131–132.

² Там же. С. 132.

лось на том, что считалось неестественным, чтобы человек вопреки правде делал невыгодные для себя разоблачения, И.Я. Фойницкий указывал, что, «как показывает опыт, в пользу достоверности признания можно привести только эту презумпцию, которая далеко не устраняет необходимости доказывания самого события, удостоверяемого признанием, судебная практика богата многочисленными примерами неверных признаний, объясняемых различными причинами. Так, прежде всего ложные признания даются подсудимым под влиянием принуждения, давления на подсудимого... которое может привести его к неверному признанию, благодаря тягостному положению его на предварительном следствии». Автор отмечал в качестве положительного примера, что «в английском праве достаточно малейшего подозрения в том, что на подсудимого оказано было давление со стороны лиц, пользующихся в данную минуту какой бы то ни было властью над ним, каковы судьи, тюремные надзиратели, потерпевший и т.п., и суд не придаст никакого значения признанию, сделанному подсудимым под таким давлением». И.Я. Фойницкий считал также, что «весьма часто собственные признания подсудимых бывают неверны потому, что даются в видах посторонних соображений, например, из желания спасти от преследования третье лицо, избавить его от позора, или из желания отвести от себя обвинение по другому делу, наконец, даже из-за насущного куска хлеба, чтобы получить даровое помещение в тюрьме. При этом подсудимый не всегда понимает фактическое, а особенно юридическое значение признания; даже если он способен оценить фактическую сторону дела, то для оценки юридических его оттенков он часто бывает далеко не достаточно сведущ». В качестве вывода утверждалось, что «как ни веским представляется в ряду других доказательств собственное признание подсудимого, к нему надо относиться осторожно; как и другие доказательства, оно не устраняет необходимости судебного исследования»¹.

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 2. С. 268.

Еще более осторожно И.Я. Фойницкий призывал относиться к оговору- показанию подсудимого в отношении его соучастников, рекомендуя обращать тщательное внимание на то, «не заинтересован ли сам подсудимый в том, чтобы его оговор был принят, т.е. не делается ли он для самооправдания и сваливания вины на другого; и в этих случаях нередко, чем такой оговор полнее и убедительнее, тем он более возбуждает подозрения». Автор, не поддерживая высказывавшихся в то время предложений убрать оговор из числа доказательств, указывал, что такие показания должны подтверждаться другими обстоятельствами дела и выдерживать объективную поверку; иначе их надо отвергнуть¹. Анализируя личностные характеристики свидетеля и подсудимого, он ввел термин «подозрительные доказательства», к которым относил, помимо прочего, показания заинтересованных свидетелей и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также граждан, имеющих какие-либо пороки, не позволяющие адекватно воспринимать и передавать информацию².

В законодательных актах, которыми руководствуются, например, правоприменители в США при заключении с Plea and Cooperation Agreement, все вопросы о преференциях сотрудничающему регулируются в рамках непроцессуальных отношений обвинителя и сотрудничающего лица. Объясняется это тем, что между обвиняемым и свидетелем имеется очевидная разница, в США свидетель традиционно считается предвзятым, а его «пристрастие и предубежденность считаются установленными, если он: а) платный осведомитель правоохранительных органов; б) сообщаемый; в) получил какие-либо привилегии от стороны; г) получил обещание о сокращении срока наказания»³. При таком подходе официальное включение в соглашение условия дать показания в отноше-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства... Т. 2. С. 269, 270.

² Там же. С. 254.

³ Federal Criminal Code and Rules. Federal Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts. St. Paul, 1997. 138 p.

нии иных лиц неизбежно даст возможность стороне защиты в дальнейшем утверждать о принуждении лица к свидетельству, причем такому, которое выгодно обвинителю, т.е. дающему серьезные сомнения в его объективности. Очевидно также, что прокурор, обладающий таким заинтересованным «свидетелем обвинения», должен будет представить суду и иные убедительные доказательства, подтверждающие преступления «изобличаемых лиц».

Позиция ЕСПЧ по данному вопросу также показательна.

В частности, в п. 102 Постановления ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против РФ» (жалоба № 41461/02) от 24.07.2008 г. отмечено, что «положение сообщников при даче показаний отличается от положения обычных свидетелей. Они не дают показаний под присягой, то есть правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний»¹. В Постановлении по делу «М.Н. против Соединенного Королевства» (жалоба № 28572/95) от 17.01.1997 г., судом было указано на порочность положения, при котором один обвиняемый свидетельствует против другого, так как это делает несправедливым судебное разбирательство в отношении последнего². В Постановлении по делу «Карпенко против Российской Федерации» от 13 марта 2012 г. суд пришел к выводу, что показания лиц, которые являлись обвиняемыми, не могли иметь значения (быть положены в основу обвинительного приговора) для осуждения другого обвиняемого³.

Хотя формальная теория доказательств, одним из постулатов которой было положение о том, что чем больше свидетелей дают показания в отношении кого-либо, тем с большей несомненностью доказана его вина, давно уже не применяется, практика показывает, что судам психологически затруднительно принимать решения

¹ URL: <http://lawmix.ru> «Верховный суд РФ» 87413 (дата обращения: 30.01.2016).

² Там же.

³ URL: <http://lawmix.ru> «Верховный суд РФ» uht134259 (дата обращения: 30.01.2016).

именно по делам, где несколько лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве, в дальнейшем дают показания в отношении лица, с которым соглашение не заключено. Предполагается, что их показания – такие же доказательства, как и показания иных свидетелей, не привлекавшихся к уголовной ответственности, и на их основе также можно основывать приговор.

Показания лица, сотрудничающего с органами расследования, несмотря на то, что прокурор, направляя дело в суд, удостоверил их «последовательность и правдивость», обязательно должны подтверждаться совокупностью иных доказательств, свидетельствующих о несомненной виновности соучастников преступления. При этом очевидно что если одно лицо дает показания в отношении другого, и иных доказательств виновности его нет, вряд ли такое лицо будет осуждено, вероятнее всего, оно будет оправдано либо дело, при наличии оснований, будет возвращено прокурору и в СО СУСК. Если же таких лиц двое и более, возможны варианты. Вспоминая вышеприведенный пример, представляется очень вероятным, что если бы К., Е., Р., Т., Д. и Ф., отказавшиеся свидетельствовать против Ц., которого, как они утверждали, они также неоднократно видели приходившим к З. при рассмотрении дела в отношении Ц., настаивали на своих первоначальных показаниях, данных при допросах в качестве обвиняемых, результат рассмотрения дела, при наличии 6 свидетелей обвинения, для Ц. был бы иным.

Показательно, на наш взгляд, и дело по обвинению Н., Г. и Р. в совершении преступления, связанного с приготовлением к сбыту наркотических средств (ст. 30 ч. 1, ст. 228.1 ч. 3 УК РФ). Н., с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, дал органам предварительного расследования показания, избличающие его знакомых – Г. и Р. Выделенное в отношении Н. дело было рассмотрено судом и ему назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ. Назначенное наказание показалось излишне мягким государственному обвинителю, по представлению которого кассационной инстанцией суда ХМАО-

Югры (дело рассмотрено в 2010–2011 гг.) приговор в отношении Н. был отменен. При новом рассмотрении дела Н. было назначено реальное наказание в виде 4 лет лишения свободы, приговор вступил в законную силу. Однако когда уголовное дело в отношении Г. и Р. в общем порядке рассматривалось в суде, Н., доставленный, чтобы дать показания в отношении указанных лиц, заявил, что оговорил их под давлением лиц, осуществлявших ОРД в обмен на назначение ему условного наказания судом, и что в реальности Г. и Р. преступлений не совершали¹. Отметим, что дело по обвинению Г. и Р. в дальнейшем также было рассмотрено и они были осуждены, причем прокурором и судом по делу предпринимались потребовавшие значительных усилий меры к восполнению пробелов предварительного расследования, поскольку при проведении предварительного расследования следователь излишне, в ущерб иной информации, которую следовало закрепить, сформировав процессуальные доказательства, уповал на показания Н.

Упомянем, что среди изученных уголовных дел, находящихся в стадии предварительного расследования, нам встретилось уголовное дело в отношении неоднократно судимых Ф. и К., каждый из которых через своего адвоката ходатайствовал о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предлагая изобличить сообщника, утверждая, что именно друг, а не он, совершил ножом убийство их знакомого Г., совместно распивавшего с ними жидкости, содержащие этиловый спирт. Иных свидетелей преступления, происшедшего в вечернее время на берегу реки, не имеется. В заключении соглашений, к чести органов расследования, было отказано, однако расследование уголовного дела результатов не дало и производство по делу неоднократно приостанавливалось и вновь возобновлялось².

¹ Уголовные дела № 1-1277/2010, 1-1294/2010 // Архив Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры. 2010.

² Уголовное дело 201013066/48 // Архив СО СУСК по Нижневартовскому району ХМАО-Югры.

Очевидно, что российская конструкция «соглашения о сотрудничестве», являясь прямым заимствованием института Plea and Cooperation Agreement, хуже своего заокеанского «собрата».

В США, как известно, сделка заключается тогда, когда обвинителем собраны достаточные, по его мнению, доказательства для признания лица виновным в преступлении, когда обвинитель уже выдвинул обвинение на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Если стороны – обвинитель и обвиняемый – пришли к соглашению, ни прокурор, ни обвиняемый не отказываются от исполнения взятых на себя обязательств, если же они не договорились по вопросу заключения сделки, прокурор не сможет реализовать информацию, ставшую ему известной при торге. При том что англо-американский процесс в качестве доказательств рассматривает только то, что исследовано в судебном разбирательстве, а все, что собрано в досудебной стадии, является лишь информацией, несостоявшаяся сделка не влечет отрицательных последствий для подсудимого. В Российской Федерации, лицо, признавшее себя виновным и сообщившее следствию все сведения в отношении себя и своих коллег, в дальнейшем, при их процессуальном закреплении, вряд ли сможет без ущерба для себя отказаться от своих показаний, поскольку, во-первых, у следствия достаточно механизмов, чтобы и без него в дальнейшем реализовать полученные сведения, а во-вторых, суд в любом случае оценит все, что было собрано, в том числе и данные первоначального показания. Уже при заключении соглашения сотрудничающее лицо должно сообщить все, что ему известно; закон устанавливает, что в соглашении о сотрудничестве, составляемом прокурором с участием следователя, обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, в соответствии с ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ должны быть указаны: 1) дата и место его составления; 2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения; 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого или обвиняемого, заключающего соглашение со стороны защиты, дата и место его рождения; 4) описание преступле-

ния с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с нормами настоящего Кодекса; 5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление; 6) действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве; 7) смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. При неограниченном праве прокурора отказаться от исполнения условий сделки под предлогом ее неисполнения обвиняемым (подозреваемым), а также при праве суда отказать лицу в снисхождении, если оно сообщило лишь о своей личной роли в преступлении, очевидно, что при последующем рассмотрении уголовного дела в общем порядке последствия такой сделки для подсудимого вряд ли будут позитивными.

Имеется также риск использования лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве, для легализации оперативной информации, которую иным путем у правоохранительных органов реализовать не получается. Но, как известно, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предоставляет каждому право защищать права и свободы всеми способами, не запрещенными законами, и, таким образом, дача ложных показаний может расцениваться как один из способов защиты, так как никто не обязывал подсудимого (обвиняемого) говорить только правду, никакой ответственности за дачу ложных показания для такого лица, в отличие от свидетеля, Уголовный кодекс РФ, и это правильно, не предусматривает. Обвиняемому, заключившему сделку и давшему ложные показания в отношении других лиц, если не считать мести с их стороны, на что пойдет не всякий, в самом худшем случае (заведомость ложных сведений ведь тоже надо доказать) грозит в соответствии со ст. 317.8 УПК РФ лишь пересмотр

судебного решения. Согласно ч. 2 ст. 77 УК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. «Указание» на вину иного человека, не подкрепленное иными сведениями, как представляется, еще менее ценно.

В свете изложенного необоснованными представляются предложения, имеющиеся в отдельных работах по данной проблематике, заключающиеся в наделении сотрудничающего лица при рассмотрении выделенного в отношении его соучастников уголовного дела, статусом свидетеля¹. Как известно, Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» установлено, что «обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении; такое лицо в силу особенностей своего правового положения в уголовном процессе не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу»². Дав рекомендации законодателю внести в УПК

¹ Кубрикова М.Е. Указ. соч. С. 14–15.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального ко-

изменения, конкретизирующие статус сотрудничающего лица, а также отметив, что сотрудничающий несет риск неблагоприятных последствий пересмотра в отношении него приговора в случае сообщения ложных сведений, Конституционный Суд РФ обратил внимание и на то, что вина соучастников преступления подлежит доказыванию без каких-либо отступлений от правил доказывания.

Представляется, что сотрудничающее лицо всегда должно рассматриваться в качестве обвиняемого. Вместе с тем, по нашему мнению, вопрос правового статуса непринципиален, поскольку при одновременном рассмотрении выделенного и «основного» дела проблемы, порождаемые применением главы 40.1 УПК, вряд ли разрешимы.

Вопрос о статусе «сотрудничающего лица» является порождением требования п. 4 абз. 1 ст. 154 УПК РФ о выделении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено соглашение, в отдельное производство с рассмотрением такого дела в особом порядке, фактически без исследования доказательств, в то время как уголовное дело в отношении его соучастников (действительных либо предполагаемых) рассматривается в порядке общем. Представляется, в рамках двух различных производств, рассматриваемых двумя разными судьями, без постановки вопросов обвиняемых друг другу, без сопоставления и исследования сообщаемых ими сведений, без оценки и проверки всего доказательственного массива определить степень достоверности сообщаемых тем или иным участником процесса сведений крайне затруднительно, если вообще возможно.

Большинство опрашиваемых практических работников не видит необходимости в выделении дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Так считают 87,7% опрошенных судей, 93,69% прокуроров и

декса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

84,18% защитников. Более 95% опрошенных не знают и не слышали о случаях угроз, насилия и т.д. в отношении лиц, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве, а также не видят смысла в хранении каких-либо документов по уголовному делу в отдельном конверте, как предусмотрено УПК РФ, поскольку все предполагаемые соучастники преступления и все лица, которые сотрудничают со следствием, хорошо известны и их соучастникам, и их родственникам. Наиболее частая реакция на заключение сделки – не угрозы и не действия по нейтрализации сотрудничающего, а подача аналогичного ходатайства «изобличаемого лица» с просьбой заключить сделку также и с ним. Представляется, что и предварительное следствие, и судебное разбирательство при едином расследовании и одномоментном рассмотрении дела позволяют установить роль каждого из соучастников точнее и полнее, чем при выделении дел. Напротив, выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и рассмотрение его отдельно с уголовным делом по обвинению иных лиц способствует возникновению множества коллизий и сложностей.

Так, Нефтеюганским городским судом ХМАО-Югры в 2014 г. были оправданы Б. и К., обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 33 и п. «а» и «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ. При этом их предполагаемые соучастники И. и М., с которыми было заключено соглашение о сотрудничестве, в 2013 г. были признаны виновными в совершении тех же деяний и осуждены Урайским городским судом. Нефтеюганский городской суд, вынося оправдательный приговор в отношении Б. и К., указал, что ими представлены доказательства (!) их невиновности (в суд представлены свидетели, документы и т.д.), тогда как показания И. и М. никакими иными доказательствами не подтверждены и являются голословными¹. Заметим, что подсудимый Б. являлся квали-

¹ Уголовное дело № 1-1/14 // Архив Нефтеюганского городского суда ХМАО-Югры. 2014; Уголовные дела № 1-273/13, 1-274/13 // Архив Урайского городского суда ХМАО-Югры. 2013.

фицированным адвокатом и нельзя исключать, что если бы на скамье подсудимых оказался другой гражданин, не способный представить «доказательства невинности», результат процесса мог оказаться иным.

Хотя подобных вышеизложенному примеров не очень много, но именно из-за них, как представляется, в настоящее время формируется позиция Верховного Суда РФ, выражаемая пока в виде устных рекомендаций судьям производить рассмотрение выделенных в порядке п. 4 абз. 1 ст. 154 УПК РФ дел после того, как будут рассмотрены «основные дела»¹. Подобное же предложение высказала в своем диссертационном исследовании и О.В. Качалова². Представляется, указанная мера позволит снять рост числа отказов от своих показаний сотрудничавших со следствием лиц, не получивших то наказание, на которое они рассчитывали, при рассмотрении дел в отношении их подельников, поскольку давать показания будут лица, все еще находящиеся под страхом наказания и надеющиеся облегчить меру уголовной репрессии в отношении себя лично, однако принципиально она ничего не изменит и не сделает показания лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, более достоверными. Кроме того, очевидно, что даже при одновременном поступлении в суд двух дел – выделенного в отношении сотрудничающего и основного в отношении его соучастников – выделенное дело, как правило, рассматривается быстрее в силу того, что приговор выносится без исследования доказательств, в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, т.е. реального механизма реализации даваемых указаний мы не видим.

Перейдем теперь к проблеме квалификации деяния, которую органы расследования и прокурор должны определить на самом

¹ Подобная рекомендация судьям, рассматривающим дела о преступлениях, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, была дана, в частности, на научно-практической конференции судей УрФО заместителем председателя ВС РФ в г. Екатеринбурге 30.03.2015 г.

² Качалова О.В. Указ. соч. С. 24.

начальном этапе расследования, при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

При изучении ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, регламентирующей вопросы содержания досудебного соглашения о сотрудничестве, вопросов (принципиальных) не возникает лишь по поводу первых пунктов данной части статьи. Что касается п. 4 и 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, нетрудно заметить, что квалификация, предлагаемая следователем и прокурором, является предварительной и отражает лишь их точку зрения; в дальнейшем с ней может не согласиться суд, так как вопросы окончательной квалификации совершенного преступления, определения смягчающих обстоятельств, норм уголовного законодательства, которые должны (а «не могут») быть применены к подсудимому – в континентальном судопроизводстве, – прерогатива исключительно суда и никого более. Если они, как и сейчас, по-прежнему будут решаться судом, никакого значения квалификация преступления прокурором и определение им перечня смягчающих обстоятельств для суда иметь не должны. Иными словами, в дальнейшем суд не должен отвечать за правильность квалификации и за иные обстоятельства, определенные прокурором. Обязательства перед обвиняемым (подозреваемым) берет также прокурор, а не суд, он, по логике вещей, и должен нести ответственность за их выполнение. Заключение соглашения не означает, что суд в любом случае должен вынести приговор в особом порядке уже в силу самого наличия сделки, поскольку прокурор и следователь, по их мнению, получили ценную информацию и квалифицировали деяние сообразно со своим мнением. Если же употреблять выражение «смягчающие обстоятельства могут быть применены» без гарантий их применения, большого смысла это не имеет.

При изучении практики мы попросили следователей ответить на вопрос, как они поступают, когда соглашение о сотрудничестве уже заключено и им приходится уточнять квалификацию еще в процессе расследования уголовного дела. 67,66% опрошенных (113 человек) ответили, что квалификация оказывалась верной все-

гда, 29,34% (49 человек) указали, что в случае необходимости изменения квалификации на стадии расследования ими просто предъявлялось обвинение без изменения соглашения о сотрудничестве и только 4,19% (7 человек) обращались к прокурору для внесения изменений в соглашение.

Среди адвокатов-защитников на вопрос о том, что они делали, когда квалификация преступления, указанная прокурором в соглашении о сотрудничестве, оказывалась неверной, из 54 встречавшихся с данной проблемой лишь пять человек ходатайствовали о перезаклучении соглашения с указанием уточненной квалификации (9,09%), еще пять защитников настаивали на первоначальной квалификации, один, согласовав позицию с подзащитным, настаивал на расторжении соглашения, а еще 37 (67,27%) ничего не предпринимали, полагая, что квалификацию в дальнейшем уточнят в суде. В суде квалификация преступления, данная прокурором при заключении соглашения, уточняется достаточно редко, в 5–10% случаев, причем участники судопроизводства – судьи, прокуроры, адвокаты – не видят в необходимости уточнения существенной проблемы. Представляется, это связано с тем, что нам не встретилось дел, где квалификация, предложенная прокурором, расходилась бы с реальной квалификацией значительно: нарушения и упущения, допускаемые прокурорами, в основном не носят принципиального характера – при особо крупном размере хищения, например, прокуроры указывают признак значительности, который является квалифицирующим признаком другой части статьи и не требует самостоятельного вменения, при квалификации преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, неверно определяют объем наркотикосодержащего вещества и т.д.¹ Вместе с тем нельзя исключать возможности явного занижения объема обвинения либо, напротив, большего вменения, в этом случае интересы обвинения и

¹ Уголовное дело № 1-23/2015 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2015; Уголовные дела 1-114/2014, 1-202/2014 // Архив Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края. 2014.

защиты могут вступить в серьезное противоречие, механизма разрешения которого мы не видим. Все, что сможет предпринять в данной ситуации суд, – это перейти к общему порядку, однако производства по прежнему останется два (как минимум).

Законодатель подобной проблемы не усматривает. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» от 03.07.2016 № 322-ФЗ ст. 317.4 дополнена ч. 5, согласно которой «в случае сообщения подозреваемым или обвиняемым, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, лишь сведений о собственном участии в совершенном деянии или сведений, уже известных органам предварительного расследования, в случае отказа от дачи показаний, изобличающих других соучастников преступления, либо в случае выявления других данных, свидетельствующих о несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном ст. 317.3 настоящего Кодекса. В случае вынесения прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке». Что делать в случае, если выяснится, что «договаривающиеся стороны» (вероятнее всего, прокурор, именно он составляет соглашение) «добросовестно» ошиблись в квалификации, законодатель не поясняет. Вместе с тем, как было определено ранее, континентальное уголовное судопроизводство не предполагает и не допускает произвольной уголовно-правовой квалификации содеянного, и прокурор, и защита не имеют права заключать соглашения произвольно.

Важнейшим недостатком главы 40.1 УПК РФ является отсутствие в законе механизма, позволяющего суду устанавливать реальные обстоятельства деяния, совершенного сотрудничающим совместно с иными лицами. При анализе норм главы 40 УПК РФ указывалось, что приговор суда должен быть актом правосудия и отражать обстоятельства совершенного деяния, для чего суду, если уж на него возложена обязанность выносить решение лишь в случае его убежденности в доказанности преступления, следует предоставить право (возложить обязанность) исследовать доказательства в том объеме, в котором это необходимо для принятия законного обоснованного решения. В настоящее время такого механизма нет, более того, представляется, что нормы главы 40.1 УПК РФ свидетельствуют об отходе законодателя не только от принципов уголовного процесса, но и от ранее декларированных положений о повышении роли суда в осуществлении правосудия.

С начала реформы законодательства РФ, с принятием Концепции судебной реформы традиционно декларировалось, что суд в Российской Федерации – орган правосудия, что он независим и беспристрастен. Как известно, в ч. 3 ст. 15 УПК РФ закреплено, что суд не является органом преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты, он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления их прав.

При изучении норм главы 40.1 УПК РФ в редакции до 03.07.2016 г. создавалось стойкое впечатление, что суд вообще не призван осуществлять правосудие.

Согласно ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяется, если суд удостоверится, что: государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других со-

участников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника. Часть 3 ст. 317.6 УПК РФ гласит, что в случае, если суд установит, что предусмотренные ч. 1 и 2 настоящей статьи условия не соблюдены, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке. Часть 4 ст. 317.6 УПК указывает, что положения главы 40.1 УПК РФ не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Главными обстоятельствами в данной конструкции являются наличие ходатайства о заключении соглашения, заключение самого соглашения и соблюдение порядка производства по такой процедуре, получение органами расследования информации в отношении иных лиц, в реальности или предположительно совершивших преступления, а также «удостоверение прокурором правдивости сведений, сообщенных обвиняемым».

Частью 4 ст. 317.7 УПК РФ, определяющей порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, установлено, что судом при рассмотрении дела в особом порядке должны быть исследованы: 1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; 2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; 3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым; 4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родствен-

ники и близкие лица; 5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. В соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации назначает подсудимому наказание с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, т.е. с применением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, с применением условного осуждения или с освобождением от отбывания наказания.

Пунктом 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указывается, что в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), однако далее, как и в своем Постановлении № 60, посвященном применению норм главы 40 УПК, Пленум разъяснил, что «с учетом положений части 6 статьи 317.7 УПК РФ о том, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, суд постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, только если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, является обоснованным и подтверждается доказательствами, собранными по делу».

Видимо, осознав нелогичность и недопустимость подобного положения вещей, Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопро-

производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в ст. 317.7 УПК РФ добавлен новый п. 3.1 об обязанности судьи опросить подсудимого, понятно ли ему обвинение и согласен ли он с ним, выслушать показания подсудимого по существу предъявленного обвинения и его ответы на вопросы участвующих в рассмотрении уголовного дела лиц. Бесспорно, данные новации УПК РФ можно только приветствовать, особенно по сравнению с прежней редакцией, однако они не гарантируют вынесение справедливых приговоров и не нивелируют остальных недостатков главы 40.1 УПК РФ.

Пунктом 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 декларировано также, что гл. 40.1 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. В частности, Пленум указал, что содеянное подсудимым может быть переквалифицировано, а уголовное дело прекращено судом (в связи с изменением уголовного закона, истечением сроков давности, актом об амнистии и т.д.), если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются. Кроме того, в п. 21 Пленум установил, что если суд придет к выводу, что в силу тех или иных предусмотренных законом оснований невозможно проведение судебного разбирательства в порядке, установленном гл. 40.1 УПК РФ, то по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, в целях обеспечения права подсудимого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии его с предъявленным обвинением суд вправе при наличии соответствующего ходатайства подсудимого и согласия государственного обвинителя и потерпевшего продолжить разбирательство с соблюдением требований гл. 40 УПК РФ.

В реальности случаев прекращения производства по делу либо вынесения оправдательного приговора при рассмотрении дела в

особом порядке нам не встречалось, гипотетически это возможно, если суд усмотрит какие-либо грубейшие нарушения, к примеру, если обвиняемый вообще не подлежит уголовной ответственности в силу того, что он не является субъектом преступления, которое ему вменяется, однако подобные нарушения все же крайне редки, в действующей же конструкции максимум, на что может рассчитывать подсудимый, – на переход к рассмотрению дела в общем порядке, где суд может принять любое решение вплоть до оправдательного приговора, либо, учитывая разъяснения Верховного Суда РФ, на применение положений главы 40 УПК РФ, если имеются все необходимые для этого условия.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 16 попытался разрешить многие проблемные моменты действующего уголовно-процессуального закона, истолковав их, насколько это возможно, с учетом требований российского уголовного процесса. К заслугам высшей судебной инстанции следует отнести и требования выносить обоснованные решения, подтверждающиеся доказательствами (пусть и не исследованными в судебном заседании), и разъяснение о возможности постановления иных, кроме обвинительных приговоров, решений, и фактическое установление требования проверять выполнение условий для рассмотрения дела в особом порядке, изложенных в ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, в судебном заседании, а не при непроцессуальном изучении материалов уголовного дела, как это установлено положениями главы 40 УПК РФ. Пленум в данных случаях истолковал закон, в нормах действующего УПК РФ нет положений, из которых подобное толкование следует с несомненностью. Очевидно при этом, что возможности Верховного Суда РФ прямо ограничены самим уголовно-процессуальным законом, основные недостатки Кодекса Пленум ВС преодолеть не может.

В работах, посвященных проблематике главы 40.1 УПК РФ встречаются интересные выводы. Так, Н.А. Дудина указала, что «закрепленный в УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

инициировал появление новой формы осуществления правосудия по уголовным делам, где суд фактически выполняет контрольную функцию за законностью деятельности органов предварительного следствия в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве»¹. Представляется, говорить о появлении «новой формы осуществления правосудия» в данном случае нельзя, трудно согласиться с тем, что процедура, закрепленная в главе 40.1 УПК РФ, вообще является правосудием. При рассмотрении дела в порядке главы 40.1 УПК РФ суд призван отразить в приговоре то, что ему предоставили следователь и прокурор; согласно ч. 6 ст. 317.7 УПК РФ описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать лишь описание деяния (без анализа доказательств) и «выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве». А дело ли это суда? При применении формулировок, подобных вышеприведенной, создается впечатление, что суд призван «легализовать» соглашение, а не разрешить вопрос о виновности либо невиновности подсудимого, при этом ему предлагается принять на себя всю ответственность за предыдущие действия и решения следователя и прокурора. Полагаем, что при отсутствии закрепленной обязанности всесторонне исследовать вопрос о доказанности вины в совершении преступления в уголовно-процессуальном порядке вполне реальна возможность вынесения несправедливых приговоров как в отношении сотрудничающих лиц, так и, в особенности, в отношении лиц, которые изобличаются сотрудничающими.

При изучении темы нам встретилось мнение, что «в интересах дела было бы правильным передать полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве суду – участнику уголовного судопроизводства, наделенному полномочиями не по осуществлению надзора, а по созданию необходимых

¹ Дудина Н.А. Указ. соч. С. 128.

условий для осуществления сторонами их процессуальных обязанностей и предоставленных им прав»¹.

Подобные предложения представляются крайне опасными, не соответствующими роли суда как органа правосудия, а их реализация способна разрушить то позитивное, что осталось в уголовном судопроизводстве РФ.

Представляется, «акценты» в главе 40.1 УПК РФ расставлены неверно, обвиняемый заключает соглашение с обвинителем, а не с судом, оказание содействия органам расследования может рассматриваться лишь как обстоятельство, влияющее на размер наказания. Суд же должен заниматься своим делом – осуществлять правосудие.

В качестве вывода отметим, что правовой институт, регламентированный главой 40.1 УПК РФ:

- характеризуется отсутствием объективных оснований для выбора формы уголовного судопроизводства;
- недопустимым образом ограничивает действие ряда важнейших принципов судопроизводства: презумпции невиновности, права на защиту, состязательности;
- не содержит эффективного механизма защиты прав лица, согласившегося сотрудничать с органами расследования, а также лиц, в отношении которых он дает показания;
- не способствует достижению цели и задач российского уголовного судопроизводства, существенно увеличивая риск вынесения несправедливого приговора.

Отметим также и то, что устранению рисков осуждения невиновного либо осуждения лица за более или менее тяжкое преступление, чем то, которое он в действительности совершил, не способствует и положение, согласно которому приговор, вынесенный в

¹ Шаталов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журн. рос. права. 2010. № 5. С. 24; Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве... С. 16. (Аналогичное предложение высказала в упомянувшейся диссертации также М.Е. Кубрикова.)

особом порядке в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не может быть обжалован по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела. Как известно, вслед за законодателем повторил это и Пленум Верховного Суда РФ в п. 27 своего Постановления № 16 от 28 июня 2012 г. Как указывалось, приговор, не отвечающий реальности, противоречащий фактическим обстоятельствам, не есть акт правосудия.

Вышеизложенное – только часть наиболее явных недостатков упрощенного порядка судебного разбирательства, регламентированного главой 40.1 УПК РФ, мы отметили лишь важнейшие противоречия данной части уголовно-процессуального закона Российской Федерации. Тому, можно ли их преодолеть и какими способами, посвящена следующая часть исследования.

4.3. Перспективы применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Проанализировав противоречия и нестыковки, имеющиеся в конструкции особого порядка принятия судебного решения при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного положениями главы 40.1 УПК РФ, задачей данного параграфа является рассмотрение того, возможно ли устранить недостатки таким образом, чтобы построение данной части действующего уголовно-процессуального закона не противоречило типологическим характеристикам и назначению российского уголовного процесса.

Как отмечалось, подход должен быть следующим: выявив причины недостатков, следует определить, можно ли их устранить, «встроить» неприсущий уголовному процессу государства институт в его материю.

Процессуалистами высказывались и высказываются различные точки зрения: от полной поддержки сделок о сотрудничестве теми, кто не видит в их наличии и применении никаких проблем, до предложений усовершенствовать отдельные положения законодательства, регулирующего их, авторами, кто такие проблемы видит, но считает непринципиальными и полагает возможным их устранение. Исследователями рассматриваются в основном отдельные аспекты соглашений о сотрудничестве, а высказываемые предложения по совершенствованию данного института направлены на изменение либо уточнение отдельных положений главы 40.1 УПК РФ. В целом подавляющее большинство авторов полагает, что соглашение о сотрудничестве является «важным самостоятельным комплексным процессуальным институтом» уголовного процесса России и его следует развивать и улучшать¹.

Например, А.А. Иванов считает, что институт соглашения о сотрудничестве «не оказывает отрицательного влияния на процесс доказывания по уголовным делам. Основная цель *договорных отношений* (курсив наш. – Авт.) с обвиняемым заключается не в отказе от установления истины по делу, а наоборот, в обеспечении максимальной полноты и всесторонности предварительного расследования за счет использования сведений об обстоятельствах преступления, которыми располагает само лицо, совершившее преступление. С точки зрения процесса доказывания ценность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве заключается не в самих по себе признательных показаниях подозреваемого и обвиняемого, а в возможности на их основе упростить получение объективных

¹ Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2010. № 1. С. 56; Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 11; Гречаниченко А. Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. № 1. С. 85; Качалова О.В. Указ. соч. С. 266–267 и др.

доказательств преступной деятельности как самого подозреваемого и обвиняемого, так и других лиц»¹. Соглашение о сотрудничестве автор именует «двусторонним процессуальным договором». Отметим также, что Иванов полагает необходимым дополнить УПК указанием на обязанность прокурора заключать соглашение со всеми обратившимися и имеющими соответствующую информацию².

М.Е. Кубрикова и А.С. Шаталов, как указывалось выше, считают логичным положение, при котором «в целях совершенствования института соглашения о сотрудничестве» соглашение с обвиняемым должен заключать суд. А.А. Давлетов, отметив такие недостатки данной части уголовно-процессуального закона, как отсутствие гарантий для обвиняемого со стороны прокурора, возможность прокурора отказаться от внесения в суд представления о применении в отношении обвиняемого, сотрудничающего со следствием, особого порядка принятия судебного решения, высказал мнение, что письменный договор между обвинителем и обвиняемым должен содержать положение о том, что при выполнении лицом всех взятых на себя обязательств прокурор обязан признать соглашение исполненным. Автор предложил расширить права лица на судебное обжалование действий прокурора при заключении соглашения, конкретизировать содержание соглашения, включив в него пункт о принятии мер по обязательной защите сотрудничающего лица и его близких, высказал мнение о том, что поскольку полезность сотрудничества бывает разной, можно выделить три степени содействия: а) заслуживающее снисхождения; б) заслуживающее особого снисхождения; в) заслуживающее исключительного снисхождения, а прокурору представляется целесообразным в своем представлении избрать один из этих вариантов и затем отстаивать его перед судом. Защита в этом случае, по мнению Давле-

¹ Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 16.

² Иванов А.А. Указ. соч. С. 15, 17–18.

това, приобретает возможность более полного обеспечения своих законных интересов, суду же даются относительно точные критерии определения размера наказания осужденному¹.

М.В. Головизнин имеет схожую точку зрения, он указывает, что между прокурором и обвиняемым имеются «процессуально-обязательственные отношения», определяя их содержание в виде взаимных прав и обязанностей и утверждая, что обвиняемый при выполнении условий соглашения «имеет право требования» по отношению к прокурору. Автор считает, что «по своей правовой природе институт особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой *комплексный институт поощрения* (курсив наш. – Авт.) положительного посткриминального поведения участника преступного формирования и его необходимо дополнять и совершенствовать»².

Т. Николаева и Е. Ларкина, поддержав введение данного института в уголовно-процессуальный закон и обосновывая мнение о том, что нормы главы 40.1 УПК РФ желательно применять также и по делам, по которым производится дознание, видят проблему указанного института в ущемлении прав потерпевшего при заключении соглашения; они предложили выяснять его мнение по поводу заключения соглашения и учитывать его интересы еще на стадии предварительного расследования³. Противоположную точку зрения в отношении прав потерпевшего имеет Н.С. Костенко, указавшая, что применение досудебного соглашения о сотрудничестве не должно ставиться в зависимость от волеизъявления потерпевшего, который *не может в полной мере оценить значение такого соглашения*, поскольку его намерения основаны главным образом на возмещении материального и морального вреда, причиненного ему

¹ Давлетов А.А. Рискованное сотрудничество // Новая адвокатская газета. 2010. № 15. С.12.

² Головизнин М.В. Указ. соч. С. 14–17.

³ Николаева Т., Ларкина Е. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 85–88.

преступлением, и на наказании виновного. При этом не исключается возможность его участия в судебном заседании и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, где судья может выяснить у потерпевшего отношение к соглашению¹. Мнение о том, что участниками процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должны являться следователь, руководитель следственного органа, потерпевший, обвиняемый (подозреваемый) и его защитник, а прокурор не должен принимать участия при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, с тем, чтобы за ним остались полномочия по осуществлению надзора за законностью досудебного соглашения о сотрудничестве, отстаивает Н.А. Дудина².

О.А. Чабукиани, не возражая против применения соглашений, предложила при их заключении предусмотреть два обязательных условия: 1) выполнение (обвиняемым) всех обязательств по соглашению; 2) полное возмещение причиненного ущерба потерпевшему³. О.В. Качалова, не возражая в принципе против «ускорения» процедуры принятия судебного решения при заключении соглашения о сотрудничестве, полагает, что соглашения о сотрудничестве допустимо использовать по наиболее опасным, тяжким преступлениям, причем их не следует заключать с организаторами и руководителями преступных сообществ, организаций, группировок; организаторами особо тяжких преступлений⁴. Высказано также мнение о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство надо совершенствовать в сторону еще большей «состязательности». Г. Абшилава вообще отказывает суду в проявлении какой-либо самостоятельности и отмечает, что «в активности суда таится

¹ Костенко Н.С. Указ. соч. С. 13.

² Дудина Н.А. Указ. соч. С. 117.

³ Чабукиани О.А. Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 36.

⁴ Качалова О. В. Указ. соч. С. 267.

одна из угроз реализации соглашения сторон. Это – наследие следственной традиции, которую невозможно изжить даже в рамках процедуры, проникнутой вроде бы идеями диспозитивности и состязательности. Данная традиция может быть изменена только структурными изменениями всего уголовного процесса, в первую очередь его досудебной части»¹.

Не разделяя вышеизложенных взглядов, предлагаем посмотреть, можно ли скорректировать положения современного уголовно-процессуального закона таким образом, чтобы положения главы 40.1 УПК РФ эффективно (т.е. в соответствии с назначением и задачами судопроизводства) работали в уголовном судопроизводстве России.

Рассматривая вопросы совершенствования процедуры принятия судебного решения, предусмотренной нормами главы 40 УПК РФ, мы пришли к принципиальному выводу о том, что нормы данной главы, при их существенной корректировке, возможно встроить в континентальный по сути процесс России, для чего необходимо предоставить суду право исследовать в судебном заседании, проводимом с участием сторон, обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), причем в том объеме, в котором это необходимо для вынесения законного обоснованного судебного акта, с одновременным возложением на суд ответственности за принимаемое в таком порядке решение, а участникам уголовного судопроизводства следует предоставить право обжаловать вынесенный в особом порядке приговор, в том числе и по мотиву несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

В принципе, в подобном же направлении можно изменять и положения главы 40.1 УПК РФ. Будет логичным, если суд в судебном заседании будет изучать прежде всего вопросы доказанности деяния, в котором обвиняется лицо, сотрудничавшее со следствием, и

¹ Абшилава Г. Комбинаторика уголовно-процессуальных форм при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 74.

лишь затем оценивать, как, в чем, и насколько реально обвиняемый помогал органам расследования. Однако нормы, регулирующие институт принятия особого решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сконструированы так, что главным основанием для применения льготы по наказанию является то, сотрудничал ли обвиняемый с органами предварительного расследования, а критерием применения к нему льготного режима служит как раз исполнением им взятых на себя обязательств по изобличению иных участников преступления и иных лиц, занимающихся преступной деятельностью. Подобное положение, как отмечалось ранее, попытался преодолеть Верховный Суд в Постановлении Пленума № 16 от 28 июня 2012 г., указавший на «родственность» глав 40 и 41. 1 УПК РФ и разъяснивший в п. 21 Постановления, что если суд придет к выводу, что в силу тех или иных предусмотренных законом оснований невозможно проведение судебного разбирательства в порядке, установленном главой 40.1 УПК РФ, то по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, в целях обеспечения права подсудимого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии его с предъявленным обвинением суд вправе при наличии соответствующего ходатайства подсудимого и согласия государственного обвинителя и потерпевшего продолжить разбирательство с соблюдением требований главы 40 УПК РФ. Вместе с тем главные материальные основания применения положений глав 40 и 40.1 УПК РФ, что очевидно, совершенно разные: для применения положений главы 40 УПК РФ таковым (при обязательном наличии и иных) основанием является согласие обвиняемого (подсудимого) с обвинением, для использования же механизма, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, необходимо, чтобы прокурор и органы расследования, а затем и суд констатировали, что обвиняемый оказал реальное содействие органам расследования и его показания были даны не только в отношении своей деятельности, но и изобличали иных лиц.

Очевидно, что природа институтов, предусмотренных главами 40 УПК РФ и 40.1 УПК РФ, различна. Одно дело – предоставить лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, право на выбор способа (формы) судопроизводства путем признания вины и заявления ходатайства (просьбы об этом), пусть и в обмен на снижение наказания. Другое дело – вступать в торг с лицом, обвиняемым либо даже подозреваемым в совершении преступления, обуславливать применение скидок по мере наказания обязанностью лица давать сведения, изобличающие кого-либо.

Сделка в ее традиционном понимании – взаимообязывающий договор, создающий для ее сторон комплекс взаимных прав и обязанностей. Очевидно, что соглашение о сотрудничестве, несмотря на то, что как мы указывали, М.В. Головизнин и А.А. Иванов называют данный институт «уголовно-процессуальным договором», не имеет никаких признаков классического договора, определенного еще в римском праве, который характеризуется, как известно, равноправием сторон, возмездностью или безвозмездностью, диспозитивностью, добровольностью заключения, наличием у сторон прав и корреспондирующих им обязанностей и т.д. При изучении норм главы 40.1 УПК РФ очевидно, что «обязанностей» у обвиняемого (подозреваемого) при заключении с ним соглашений о сотрудничестве неизмеримо больше, чем прав; напротив, органы расследования выступают в данной сделке в качестве «сильной стороны», фактически не имеющей обязанностей, обладающей возможностями навязать свое видение ее условий и более того – выступающей в этой же сделке на досудебной стадии еще и в роли арбитра, уполномоченного оценивать, выполнил ли обвиняемый (подозреваемый) взятые на себя обязательства. Отметим, что подобной конструкции не знает ни одно уголовно-процессуальное законодательство ни одной страны, включая США и Итальянскую Республику.

В принципе, можно совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство, как предлагается правоведами, и в сторону увеличения прав обвиняемого (а также потерпевшего) путем уточне-

ния его полномочий и статуса, расширения права на обжалование действий и решений прокурора и органа расследования по вопросам заключения соглашения и даже исполнения его условий. Известно, к примеру, что практика частично идет по подобному пути: несмотря на то, что довольно спорно положение о том, что отказ лицу в заключении с ним соглашения о сотрудничестве нарушает его конституционные права (ведь не является же конституционным его право на изблечение иных лиц, совместно с ним совершавших преступления), а ч. 1 ст. 125 УПК РФ считает допустимыми только такие жалобы, суды иногда рассматривают подобные споры между обвиняемым (защитой) и органами расследования. Согласно п. 1.6 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 предписывается при отклонении ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении соглашения о сотрудничестве незамедлительно извещать об этом последнего и его защитника с разъяснением процедуры обжалования, а как свидетельствует практика, наряду с разъяснением порядка обжалования путем подачи жалобы вышестоящему прокурору прокурорами нередко сообщается и о праве подать жалобу в суд.

Однако и данный путь не представляется перспективным.

Как известно, адепты внедрения сделок в судопроизводство РФ одной из задач видели предоставление обвиняемому гарантий на получение «скидки», выведение скрытого комплекса отношений, складывающегося между обвиняемым (подозреваемым) и органами, осуществляющими предварительное расследование, не урегулированных законодательно, из тени, перевод их в сферу законодательного регулирования. Но возможно ли подобное регулирование в принципе, и если да, то будет ли оно эффективным? Трудно отрицать фактическое наличие в уголовном судопроизводстве России такой теневой фигуры, как оперативный работник, т.е. сотрудник криминальной полиции МВД либо иной спецслужбы, осуществляющий «непроцессуальное оперативное сопровождение» предварительного расследования, а также той роли, которую данное лицо

играет в расследовании. Подробно права и обязанности указанных лиц закреплены в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных инструкциях. Не секрет также, что лица, осуществляющие ОРД, в процессе предварительного расследования вправе общаться с лицами, содержащимися в СИЗО, а также в ИТУ; в процессе такого общения между ними и обвиняемыми (подозреваемыми, подсудимыми, осужденными) складываются какие-либо отношения, договоренности, но, как известно, эти отношения никогда не были урегулированы нормами уголовно-процессуального закона, т.е. ранее государство в лице своих органов и должностных лиц никогда не брало на себя никаких обязанностей, но и содействие этих лиц органам расследования также ничем не обуславливалось.

При введении в уголовный процесс соглашений о сотрудничестве, учитывая общемировую тенденцию к расширению прав граждан на доступ к правосудию, логично предположить, что обязанности должны быть не только у обвиняемого, но и у иных лиц, причем при их законодательном закреплении логично было бы предусмотреть и механизм понуждения к их исполнению. Конечно, обвинителю (и следователю, и оперработнику) гораздо проще, чем обвиняемому, отказаться от своих обязательств, ссылаясь на невыполнение последним каких-либо договоренностей, но в этом случае наиболее вероятным развитием отношений будет наличие конфликтной ситуации. Кто должен разрешать эти конфликты и каким образом? Ответ очевиден и вытекает из положений Конституции РФ и УПК РФ: прокурору и суду. Но если прокурор и суд будут рассматривать бесконечные жалобы обвиняемого (подозреваемого) и его защиты, в том числе и по условиям соглашений, и по обстоятельствам их исполнения, и по иным вопросам, которые при цивилизованном подходе также должны быть урегулированы, это попросту парализует и предварительное расследование, и судопроизводство в целом.

Однако и этот недостаток сделок не является главным.

Для верного взгляда на нормы главы 40.1 УПК РФ представляется необходимым разделять и различать две процедуры: во-первых, саму процедуру заключения соглашения о сотрудничестве между обвиняемым (подозреваемым) и прокурором (органом расследования), во-вторых – особый, упрощенный порядок принятия судебного решения по уголовному делу, по которому прокурором заключено соглашение о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым). Главная ошибка законодателя, как представляется, состоит в том, что две эти процедуры тесно взаимосвязаны в нормах главы 40.1 УПК РФ. В результате соглашение о сотрудничестве приобрело алогичные, иррациональные черты, когда соглашение включает один субъект, расследование производит другой, а обязательство по применению упрощенного порядка и предоставления льготы лежит на третьем. При этом прокурор не должен иметь права обещать обвиняемому что-то от имени органа, призванного осуществлять правосудие; полномочия прокурора в данной конструкции, как утверждает наш законодатель, это прежде всего полномочия обвинителя. Более того, законодатель распространил действие так называемых «договорных отношений» не только на досудебные, но и на судебные стадии процесса, хотя достаточно очевидно, что задачи досудебного и судебного производства специфичны и различны.

Что касается самого соглашения о сотрудничестве, нам представляется, что его заключение в принципе возможно. Поведение лица при его привлечении к уголовной ответственности диспозитивно (в этой части мы не согласимся с И.С. Дикаревым), если лицо желает давать показания, изобличать соучастников – это его право, такое же, как право отказаться от дачи показаний согласно ст. 51 Конституции РФ. Если органы предварительного расследования и прокурор, в свою очередь, считают, что соглашение о сотрудничестве поможет им в расследовании, они вправе такое соглашение с обвиняемым заключить. Важно при этом, чтобы прокурор отвечал перед обвиняемым в рамках своих полномочий, т.е.,

говоря обиденным языком, «тем, что у него есть». К примеру, он может обязаться при судебном рассмотрении уголовного дела в прениях просить суд назначить сотрудничающему подсудимому наказание с применением ст. 64, 73 УК РФ, просить не назначать дополнительных наказаний и т.д. Да, механизма исполнения такого соглашения и эффективного механизма понуждения к исполнению таких обязательств предложить, как указано выше, нельзя, но в данном случае хотя бы понятна логика.

Основная сложность, кроющаяся в нормах главы 40.1 УПК РФ, заключается в отсутствии гарантий достоверности сведений, сообщаемых сотрудничающим лицом.

Российский уголовный процесс как процесс континентальный публичный, ориентирован на справедливость, на получение истинного знания. Если при особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, вопрос о справедливости приговора возникает во время судебного разбирательства, то при применении норм главы 40.1 УПК РФ риск неполучения знания об истинных обстоятельствах совершенного деяния возникает уже на стадии предварительного расследования.

Ответим на простой вопрос: зачем органу расследования и прокурору, если указанные лица обладают соответствующей квалификацией и желают надлежащим образом исполнять свои обязанности, прибегать к помощи лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, в изобличении иных лиц? Ответ в общих чертах, как представляется, также прост: доказательств их вины либо нет, либо их недостаточно для преследования в обычном порядке и без такой помощи выполнение органами расследования своих прямых обязанностей представляется им затруднительным. Если же лицо не может сообщить ничего интересного для правоохранительных органов, заключение соглашения с ним, как указано в приказе Генеральной прокуратуры № 107 от 15 марта 2010 г., бесперспективно и, следовательно, нежелательно. Раскаялось ли лицо, совершившее преступление, желает ли оно заглаживать вину и

т.д., в подобной конструкции значения не имеет. Интересно, что, несмотря на это, в процессе изучения судебной практики нам не встретилось дел, где в принципе нельзя было обойтись без заключения соглашения о сотрудничестве. Например, прокурором г. Мегиона ХМАО-Югры в 2015 г. было заключено соглашение с одним из членов этнической группы, устанавливавшей на банкоматы скимминговые устройства и затем совершавшей хищения с пластиковых счетов граждан путем изготовления фальшивых пластиковых карт. Все банкоматы были оборудованы видеокамерами и все члены группы были засняты на видеодиски, у обвиняемых были произведены обыски и изъяты денежные средства, ноутбуки и скимминговые устройства. Соглашение было заключено с одним из четверых обвиняемых, причем данное лицо на личном автомобиле возило иных членов группы по адресам банкоматов, определяя, какие банкоматы подойдут для установки скиммингов, т.е. его роль в преступлении была далеко не последней¹. Прокурором г. Лабытнанги ЯНАО в 2013 г. заключено соглашение с одним из шести членов ОПГ, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 228.1 УК РФ, при этом доказательств вины всех членов ОПГ было вполне достаточно, что и было констатировано в приговоре суда².

Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, содержащееся, как правило, в следственном изоляторе в стесненных условиях, зачастую подавленное психологически уже в результате самого факта его уголовного преследования, очень заинтересовано в сотрудничестве со следствием, по крайней мере, государство посредством норм главы 40.1 УПК РФ его к такому сотрудничеству подталкивает и стимулирует, обещая существенное снижение наказания в обмен на предоставление им сведений в отношении иных

¹ Уголовные дела № 1-112/2015, 1-129/2015 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2015.

² Уголовные дела № 1- 213/2013, 1-297/2013 // Архив Лабытнангского городского суда ЯНАО. 2013.

лиц. И чем более психически неустойчиво и неуравновешено такое лицо, чем более оно стеснено в условиях содержания, тем более оно желает сотрудничать. Как мы указывали ранее, больше трети соглашений заключается именно с лицами, которые условно можно назвать социально наименее защищенными, – матерями, имеющими малолетних детей, молодежью, лицами с теми или иными психическими девиациями. Однако есть ли гарантии, что сведения, данные таким подозреваемым (обвиняемым), являются истинными, не вызвано ли их предоставление единственно стремлением смягчить свою участь?

Вопрос может показаться гипотетическим, если предположить, что обвиняемый (подозреваемый) во всех случаях предоставляет информацию, которая в дальнейшем реализуется, и вина его соучастников подтверждается иными доказательствами, к примеру, как по одному из изученных нами дел, где в результате полученных от сотрудничающего лица сведений был обнаружен тайник с оружием, а у предполагаемого лидера группы найдены похищенные в результате грабежа денежные средства¹. В этом случае вопросов не имеется, но если бы в реальности все обстояло исключительно подобным образом, не было бы и темы нашего исследования. На практике же ситуация, как указывалось, несколько иная: только в 16,3% дел сотрудничающие лица сообщают о наличии документов, электронных писем на имя соучастников, местах расположения тайников, «закладок» наркотических веществ и т.д.

Настораживают и имеющиеся тенденции к заключению соглашений с как можно большим количеством соучастников, осуществляемому, по нашему мнению, для того, чтобы при судебном рассмотрении уголовных дел в отношении всех «сотрудничавших» было как можно меньше противоречий в их показаниях. Так, прокурором Нижневартовского района ХМАО-Югры были заключены соглашения со всеми 14 лицами, входившими в сообщество, осу-

¹ Уголовные дела № 1-152/2013, 1-297/2013, 1-298/2013 // Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. 2013.

ществлявшее приобретение, хранение, перевозку и реализацию наркотических и психотропных средств. При этом соглашения заключались постепенно, по мере выявления всех подозреваемых; в частности последнее соглашение о сотрудничестве было заключено более чем через три месяца после заключения первого, уголовные же дела в силу небольшого числа судей Нижневартовского районного суда рассматривались судьями нескольких судов региона, так как действующее законодательство не предусматривает рассмотрения «выделенного» и «основного» дела одним и тем же судьей. В итоге организатору преступлений суд назначил наказание в виде 8 лет лишения свободы условно, лицо же, которое участвовало в реализации наркотического средства трижды, признав себя виновным по этим трем эпизодам, при рассмотрении дела другим судебным составом в другом суде приговорено к наказанию в виде 2 лет и 6 месяцев лишения свободы реально¹.

К числу основных признаков, отличающих уголовное судопроизводство правового государства, и, следовательно, к числу основных требований, предъявляемых к такому судопроизводству, относятся наличие в нем процессуальных гарантий. Например, п. 2, 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого ООН 16 декабря 1966 г., Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией в марте 1998 г., закреплено положение о том, что каждый человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена законным порядком и каждый обвиняемый имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и имеет право на вызов и допрос его свидетелей на тех же

¹ Уголовные дела № 1-324/2012, 1-254/2012, 1-273/2012, 1-281/2012, 1-283/2012 // Архив Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры. 2012; Уголовные дела № 1-27/2012, 1-29/2012, 1-36/2013 // Архив Нижневартовского районного суда ХМАО-Югры 2013; Уголовные дела № 1-24/2012, 1-29/2012 // Архив Ланегпасского городского суда ХМАО-Югры. 2012.

условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него и т.д.¹

В настоящее время при заключения соглашения о сотрудничестве согласно п. 4 абз. 1 ст. 154 УПК РФ уголовное дело в отношении сотрудничающего лица выделяется в отдельное производство и рассматривается в особом порядке, при минимальном исследовании доказательств, которое стало возможным в связи с дополнением УПК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», п. 3.1 ст. 317.7 УПК РФ, в соответствии с которым «судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения, после чего участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы. Подсудимый также сообщает суду, какое содействие следствию им оказано и в чем именно оно выразилось, и отвечает на вопросы участников судебного заседания». Уголовное дело в отношении иных обвиняемых, соглашения с которыми не заключены, рассматривается в порядке общем. Беремся аргументированно утверждать, что в рамках двух различных производств, без постановки вопросов сообщаемых друг другу, без сопоставления и исследования сообщаемых ими сведений, без оценки и проверки всего доказательственного массива, определить степень достоверности сообщаемых тем или иным участником процесса сведений крайне затруднительно, если вообще возможно.

И предварительное следствие, и судебное разбирательство при едином расследовании и одномоментном рассмотрении дела позволяют установить роль каждого из соучастников точнее и полнее, чем при выделении дел. Как хорошо известно в уголовно-

¹ Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 234–235.

процессуальной теории, исследоваться должна именно «совокупность» имеющихся доказательств.

Указывалось, что большинство практических работников не видят смысла в выделении дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство, так как все предполагаемые соучастники преступления и все лица, которые сотрудничают со следствием, хорошо известны и их соучастникам, и их родственникам. Реакция на заключение соглашения – не угрозы и не действия по нейтрализации сотрудничающего, а подача аналогичного ходатайства «изобличаемого лица» с просьбой заключить сделку также и с ним.

К примеру, логично было бы, чтобы дело в отношении А.С. и Щ., обвиняющихся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, которое упомянуто выше, рассматривалось в одном судебном заседании, поскольку все обвиняемые были согласны сотрудничать и давали развернутые показания, изобличая друг друга, оценивать и сопоставлять доказательства по таким делам необходимо именно совместно, с учетом иных материалов дела и показаний всех соучастников. Напротив, при выделении дел в порядке п. 4 абз. 1 ст. 154 УПК РФ в дальнейшем возникают ситуации, которые вряд ли способствуют росту правопорядка.

Суду при рассмотрении выделенных и «основного дела», бывает чрезвычайно трудно объективно подходить к разрешению вопроса о виновности (и особенно степени вины) того или иного лица в инкриминируемом ему преступлении при наличии нескольких соучастников, выступающих «свидетелями обвинения». Была ли установлена истина, если свидетелей обвинения – соучастников преступления – трое, четверо, а то и более, а других доказательств виновности не имеется? Таких дел среди рассмотренных достаточно много, и мы не беремся утверждать, что при их разрешении по всем из них задачи и цели уголовного судопроизводства были в реальности достигнуты.

Указанный «порок» института досудебного соглашения о сотрудничестве представляется нам неустранимым, а предложения

правоведов включать в договор между обвиняемым и обвинителем условие, «что выполнение уголовно преследуемым лицом всех указанных действий основано на исчерпывающем объеме известной ему информации о преступлениях других лиц, а также, что он не сообщает ложных сведений и не оговаривает иных лиц»¹, не заслуживают поддержки, так как формальное закрепление подобного обязательства никак не гарантирует его реального выполнения.

Лица, желающие сотрудничать со следствием и давать показания в отношении соучастников преступления, должны делать это в рамках общего, обычного порядка разрешения уголовного дела, без выделения дел в отдельное производство. Для поощрения таких лиц в УК и УПК РФ следует сохранить преференции по наказанию, аналогичные действующим в настоящее время в отношении сотрудничающих со следствием лиц.

До настоящего времени живы некоторые российские граждане, осужденные в 1934–1949 гг. в период репрессий и впоследствии реабилитированные во времена, называемые хрущевской оттепелью, в отношении многих из которых приговоры выносились на основании доносов соседей или сослуживцев. Возразить просто – времена изменились, Российская Федерация – демократическое, правовое государство, однако желательно, чтобы не было даже гипотетических предпосылок повторения отрицательного исторического опыта. Известно, что в СССР при проведении кодификации уголовно-процессуального законодательства в 1958–1961 гг. вопрос с признанием лицом вины был решен кардинально. В части 2 ст. 77 УПК РСФСР, принятого в годы «оттепели», в 1961 г., было закреплено положение, перешедшее и в УПК РФ 2001 г., что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся по делу доказательств, а Пленум ВС СССР в своем Постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов

¹ Давлетов А.А. Указ. соч. С. 13.

при рассмотрении судами уголовных дел» потребовал «устранить встречающиеся в судебной практике ошибочные взгляды об особом доказательственном значении признания». С оговором было еще проще – о нём никто из руководства судейского корпуса и серьезных ученых просто не стал рассуждать, предпочтя поскорее забыть подобный «способ доказывания».

Таким образом, поскольку и в силу исторических причин в российском обществе наличествует негативное отношение к показаниям, данным лицами, привлекающимися к уголовной ответственности, в отношении иных лиц, поощрение и широкое распространение подобной практики может вызвать отрицательный результат еще и по этой причине.

Не представляется возможным использовать и имеющийся зарубежный опыт. В Российской Федерации лишь формируется гражданское общество. Долгое время наш народ подвергался неблагоприятным воздействиям социальных, экономических, идеологических, законодательных экспериментов, производимых представителями социальных групп и классов, осуществлявших в те или иные периоды в Российском государстве властные полномочия. Демократия, в ее хорошем, позитивном понимании, в России лишь в начале пути, а сам вектор развития государства порой зависит от усмотрения какой-то одной социальной группы либо даже лица, подобные примеры хорошо известны. Поэтому особенно опасно не просто заимствовать что-то из чуждого по духу и строению судопроизводства, но еще и ухудшать заимствованное.

Бесспорно, что государство должно адекватно реагировать на самые опасные вызовы времени, среди которых основными, к сожалению, являются проявления терроризма и экстремизма. Угрожает основам общества и государства также рост квалифицированной, организованной преступности, приобретающей наднациональный и транснациональный характер.

Несмотря на это, мы не поддерживаем точку зрения О.В. Качаловой и не усматриваем возможности применения упрощенной

процедуры разрешения уголовного дела в том виде, в котором она применяется в настоящее время, с выделением уголовных дел даже по наиболее опасным, особо тяжким преступлениям при закреплении в УПК РФ их исчерпывающего перечня, хотя это соответствовало бы целям, декларированным законодателем при введении в УПК РФ положений главы 40.1 УПК РФ, – борьбе с организованной преступностью, террористическими актами и иными особо тяжкими преступлениями. Даже при таком подходе и предоставлении возможности заключения сделок прокурорам определенного звена, начиная с областных, либо специализированным прокурорам, осуществляющим надзор за соблюдением законодательства по борьбе с терроризмом и оргпреступностью, то есть сообразно с порядком, принятым в настоящее время в Итальянской Республике, риски, о которых говорилось ранее, прежде всего – риск оговора и осуждения невиновных, остаются теми же.

На практике, как мы указывали, соглашения заключаются по любым категориям уголовным дел, по которым производится предварительное расследование и где имеются два и более подозреваемых (обвиняемых), самыми тяжкими и одними из самых распространенных из которых являются преступления, предусмотренные ст. 228–228.4 УК РФ¹. В качестве принципиального момента по изученным делам еще раз отметим, что подавляющее их большинство могло быть рассмотрены в общем порядке (либо, если позволяет уголовно-правовой критерий, в порядке главы 40 УПК без заключения соглашения о сотрудничестве при наличии соответствующих условий). И без применения главы 40.1 УПК РФ у правоохранительных органов и суда имеются достаточные возможности по надлежащему осуществлению своих обязанностей, в том числе и законодательные механизмы, обеспечивающие полноту расследования и возможность снижения наказания лицам с позитивным постпреступным поведением. В частности, прокурор может хода-

¹ В целом доля таких дел составляет от 18 до 32,7% в каждом из шести субъектов Федерации, где производились исследования.

тайствовать о смягчении меры наказания не в силу наличия соглашения, а просто потому, что лицо оказало какую-то реальную помощь, к примеру, сообщило, где члены группы хранят наркотики. Сотрудничать со следствием также можно и без заключения соглашения, понятие «деятельное раскаяние» давно и хорошо известно в континентальной уголовно-процессуальной теории. Когда же материальные следы преступления утрачены и реальных доказательств не имеется, как по делу в отношении соучастников Ф. и К., предлагавших дать показания друг на друга, соглашение о сотрудничестве помочь ничем не может. Да, гипотетически возможно заключение соглашения с кем-то из них, чтобы осудить другого, но такой приговор, даже если допустить, что какой-либо суд его вынесет, нельзя назвать законным, обоснованным и справедливым. В целом же, к сожалению, на практике нам не встретилось принципиально новых, положительных и прогрессивных моментов при применении «соглашений о сотрудничестве».

Полагаем, можно прогнозировать рост количества дел, рассматриваемых в рамках главы 40.1 УПК РФ; в отдельных судах доля дел, рассмотренных с применением положений данной главы к концу 2017 г. достигла 3–4% от общего количества рассмотренных дел. С учетом того, что количество дел, рассмотренных с применением положений главы 40 УПК РФ в среднем по России к настоящему периоду составляет около 65–70% (а в реальности – до 95% от возможного числа), тенденция достаточно красноречива. Прежде чем отказаться от собственно правосудия и заменить его «суррогатом правосудия», США потребовалось около ста лет. В России скорость внедрения новых форм, сопровождающихся отказом от процессуальных гарантий правосудия, значительно выше. Показательно, что почти все опрошенные нами респонденты – судьи, занимающиеся рассмотрением уголовных дел, – отмечают снижение нагрузки, но при этом большинство опрошенных указывают также и на падение качества предварительного расследования. Упрощенные формы разрешения уголовных дел в том виде, в котором они

закреплены в УПК РФ сейчас, не стимулируют ни поиска истины, ни добросовестного отношения должностных лиц правоохранительных органов к своим обязанностям. А это способно привести к увеличению числа нарушений прав граждан – участников уголовного судопроизводства, и, как следствие, к падению авторитета правоохранительной системы государства в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования следует сделать вывод о том, что процедуры упрощенного разрешения уголовных дел судом нуждаются в кардинальном реформировании.

Любое изменение национального судопроизводства возможно лишь до какого-то предела, который определяется типом уголовного процесса, закономерностями его построения и функционирования. Изменения уголовного судопроизводства должны осуществляться на основе методологии, характерной для типа национального судопроизводства, при этом прежние и новые процессуальные формы и механизмы должны быть объединены одним подходом, общей методологией.

Современный уголовно-процессуальный закон РФ построен методологически неверно, в результате чего положения, содержащиеся в его общей части, противоречат постулатам континентального судопроизводства. В частности, в УПК РФ закреплены не присущие типу судопроизводства РФ положения о делении участников процесса на досудебных стадиях на стороны, противоречиво решены вопросы собирания доказательственного материала, отсутствует указание на необходимость удовлетворения кроме частных также и общегосударственных интересов, возможных лишь в случае объективного и всестороннего анализа собранных доказательств и вынесения обоснованного решения.

Вместе с тем уголовное судопроизводство Российской Федерации и в настоящий период продолжает оставаться смешанным, континентальным, имеющим целью справедливое разрешение уголовного дела на основе достаточной совокупности достоверных доказательств. Типологические свойства уголовного судопроизводства Российской Федерации в результате проведенных с начала

90-х гг. XX в. реформ фактически не изменились. К свойствам современного российского уголовного процесса как разновидности смешанного процесса, сложившимся исторически, следует отнести: 1) преобладание начала публичности и ограниченное действие состязательности; 2) смешение в деятельности органов, наделенных государственно-властными полномочиями, различных направлений (функций); 3) подход к уголовно-процессуальному доказыванию как к деятельности государственных органов, осуществляемой в строгой процессуальной форме, предполагающей, что они должны производить ее объективно и всесторонне; 4) государственно-публичный характер обвинения, означающий осуществление обвинительной деятельности в общественных (публичных) интересах и ее обоснованность; 5) наличие досудебных стадий, где участники, не имеющие властных полномочий, лишены возможности самостоятельно формировать процессуальные доказательства; 6) большее, чем в состязательном (англо-американском) судопроизводстве, применение императивного метода регулирования и меньшее применение диспозитивного метода, ограничивающее возможность дискреции; 7) активную роль суда в доказывании, обусловленную тем, что суд является органом, обеспечивающим справедливость приговора.

Изменения российского уголовного судопроизводства не должны противоречить типологическим закономерностям, разрушать исторически сложившийся «каркас» российского уголовного процесса, его фундаментальные положения.

Единственным объективным основанием применения упрощенного порядка разрешения судом уголовных дел является уголовно-правовой критерий, заключающийся в степени общественной опасности деяния. Уголовно-процессуального основания, объективно требующего упрощения процедуры разрешения уголовного дела судом, не имеется. Любое применение упрощенных форм разрешения уголовных дел содержит большой, по сравнению с обычным порядком, риск вынесения неправосудного решения, в связи с чем

в упрощенном порядке допустимо рассмотрение лишь дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, причем основной задачей законодателя должна быть минимизация риска необоснованного осуждения.

Способы упрощения судебного разрешения уголовного дела в странах состязательного (англо-американского) и континентального уголовного судопроизводства, к которому относится российский уголовный процесс, различны, что предопределено типологическими различиями. Исходя из этого в российском уголовном судопроизводстве допустимо только применение процедур упрощения, не противоречащих его типологическим свойствам, направленных на установление действительных обстоятельств дела и их правильную уголовно-правовую квалификацию, исключаящих изменение обвинения по соглашению сторон.

Очевидно, что конструкция особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением, закрепленная главой 40 УПК РФ, противоречит свойствам российского уголовного процесса, поскольку ее применение: а) не обеспечивает достижение цели российского уголовного судопроизводства, не исключает осуждение невиновного; б) не учитывает публичное начало российского уголовного процесса, преувеличивая значение состязательности; в) не стимулирует обвинителя и должностных лиц органов расследования осуществлять свои функции всесторонне и непредвзято; г) исключает активность суда (как и иных участников процесса) в проверке и исследовании представленных в суд доказательств; д) не содержит ограничений усмотрения обвинителя и потерпевшего при выборе порядка разрешения уголовного дела.

Законодатель, введя в УПК РФ особые порядки рассмотрения уголовного дела судом, осуществляемые с кардинальным усечением судебного доказывания, фактически произвел не дифференциацию единого по принципам, назначению, способам познания порядка разрешения уголовного дела, а осуществил «удвоение сущности» единого ранее явления. В результате в современный период

в Российской Федерации существует два принципиально различных вида обвинительного приговора: приговор, постановленный в общем, обычном порядке, и судебный акт, вынесенный судом в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ, называемые одинаково – «приговоры», но имеющие различную правовую природу, что не способствует укреплению правопорядка.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением в том виде, в котором данный институт закреплен в главе 40 УПК РФ, не позволяет говорить о соблюдении при его применении общих условий судебного разбирательства и основополагающих принципов континентального уголовного процесса: презумпции невиновности, состязательности (равноправия сторон), публичности, непосредственности исследования доказательств, реального обеспечения права на защиту и др. При вынесении приговора «без исследования доказательств» выводы суда могут носить вероятностный характер, вследствие чего значительно повышаются риски недостижения цели и задач российского уголовного судопроизводства.

Модель упрощенного разрешения уголовных дел судом, сформированная на основе учета типологических свойств российского уголовного процесса, должна включать:

- основания и условия применения упрощенных форм судебного разрешения уголовных дел судом;
- требования к судебной процедуре, создающие достаточные гарантии того, что судом будет выполнена обязанность убедиться, что все обстоятельства (включающие, в частности, обязанность суда допросить в судебном заседании подсудимого, признавшего себя виновным, по обстоятельствам совершенного деяния, а также право суда непосредственно исследовать любые доказательства), подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК РФ, по делу установлены;
- требования к приговору, постановленному в упрощенном порядке, в соответствии с которыми суд должен обосновать в нем

вывод о том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делу установлены, и указать, по каким причинам у него нет сомнений в правильности квалификации и виновности подсудимого;

– требования к основаниям обжалования и процедуре пересмотра приговора, постановленного судом в упрощенном порядке, включающие возможность обжалования и ревизии такого приговора по мотивам его несоответствия фактическим обстоятельствам дела.

Следует исключить из УПК РФ положения ст. 317 УПК РФ, запрещающие обжаловать приговор, постановленный в упрощенном порядке, по мотиву его несоответствия фактическим обстоятельствам, а также положения ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие, что при рассмотрении дела в особом порядке не проводится исследование доказательств. Так как суд в континентальном судопроизводстве отвечает за результат своей деятельности, он должен быть наделен возможностью выяснять в судебном заседании все юридически значимые моменты, для чего следует закрепить в законе обязанность судьи убедиться в том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК РФ, по делу установлены.

Введение в УПК РФ норм, регламентирующих заключение соглашения о сотрудничестве и особый порядок принятия решений в отношении обвиняемых, с которыми заключено соглашение, – одна из наиболее значимых новаций всего уголовного судопроизводства РФ. Очевидно, что именно «ценность» информации является основным критерием для принятия решения прокурором о заключении сделки, причем она рассматривается не как понятие, определяемое объективными признаками, а как представление о ней соответствующих должностных лиц. Правовой институт, регламентированный главой 40.1 УПК РФ:

– характеризуется отсутствием объективных оснований для выбора формы уголовного судопроизводства;

– недопустимым образом ограничивает действие ряда важнейших принципов судопроизводства: презумпции невиновности, права на защиту, состязательности;

– не содержит эффективного механизма защиты прав лица, согласившегося сотрудничать с органами расследования, а также лиц, в отношении которых он дает показания;

– не способствует достижению цели и задач российского уголовного судопроизводства, существенно увеличивая риск вынесения несправедливого приговора.

Очевидно, что при использовании норм главы 40.1 УПК РФ риск вынесения необоснованного решения еще значительно больше, чем при применении норм главы 40 УПК РФ, так как при данной процедуре имеется возможность возникновения порока в доказательственном материале уже на досудебной стадии при деятельном участии обвиняемого (подозреваемого), с которым заключено соглашение. В отношении лица, сотрудничающего со следствием, а также в отношении лиц, которых он «изобличает», ограничивается действие ряда важнейших принципов судопроизводства, наиболее значимыми из которых являются презумпция невиновности, непосредственность исследования доказательств и состязательность процесса. В соглашении о сотрудничестве обвиняемый является слабой стороной, имеющей минимум прав, в то время как органы расследования и прокурор наделены ролью арбитра, призванного оценивать выполнение второй стороной сделки ее условий и имеющей право отказываться от внесения представления о рассмотрении дела в особом порядке и применении льготы по наказанию. Основной порок, имеющийся в конструкции принятия судебного решения соглашения о сотрудничестве, заключается в отсутствии гарантий правдивости показаний лица, сотрудничающего со следствием. Поскольку данное лицо в силу привлечения его самого к уголовной ответственности находится в зависимом положении от органов предварительного расследования и прокурора (в том числе и после вынесения обвинительного приговора в силу законодательно закрепленной возможности его пересмотра), сведения, сообщаемые им в отношении иных лиц, могут не соответствовать действительности.

Перечисленные недостатки являются неотъемлемыми свойствами главы 40.1 УПК РФ, которые невозможно устранить, оставаясь в ее рамках. В связи с этим от использования соглашений о сотрудничестве в том виде, в котором данный институт закреплен в УПК РФ, следует отказаться, исключив положения главы 40.1 УПК РФ из действующего уголовно-процессуального закона. Лица, желающие сотрудничать со следствием и давать показания в отношении соучастников преступления, должны делать это в рамках общего, обычного порядка разрешения уголовного дела, без выделения дел в отношении них в отдельное производство. Одномоментное расследование и рассмотрение судом уголовного дела в отношении всех привлекаемых к уголовной ответственности лиц, когда будет изучаться вся совокупность доказательств, позволит значительно повысить эффективность уголовного судопроизводства. Лица, желающие сотрудничать со следствием и давать показания в отношении соучастников преступления, должны делать это в рамках общего, обычного порядка разрешения уголовного дела, без выделения дел в отношении них в отдельное производство. Для поощрения таких лиц в УК и УПК РФ следует сохранить преференции по наказанию, аналогичные действующим в настоящее время в отношении сотрудничающих со следствием лиц.

ЛИТЕРАТУРА

- Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.В. Абшилава. – М., 2012. – 57 с.
- Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? / В.А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. Юридические науки. – 2003. – № 4. – С. 14–15.
- Азаров В.А. Функциональное содержание предварительного уголовного производства и судебный контроль / В.А. Азаров // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф.; под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – С. 121–127.
- Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России / В.А. Азаров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 15–18.
- Азаров В.А. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. – 560 с.
- Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А.И. Александров; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 562 с.
- Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.С. Александров // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 48–49.
- Александров А.С. Забыть Фойницкого? / А.С. Александров // Стратегии уголовного судопроизводства: сб. материалов науч. конф. (к

- 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого). – М., 2008. – С. 14–25.
- Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 2–12.
- Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, 389 входящих в главу 40.1 УПК РФ / А.С. Александров, И.А. Александрова // Уголовный процесс. – 2009. – № 2. – С. 3–11.
- Александров А.С., Колесник В.В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А.С. Александров, В. В. Колесник // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 16–22.
- Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения / А.С. Александров, М.В. Лапатников // Уголовный процесс. – 2013. – № 4. – С. 12–19.
- Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов Р.Р. К вопросу о создании сокращенной формы досудебного производства по уголовному делу / А.С. Александров, Р.Р. Юнусов, Р.Р. Сафин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 258–266.
- Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» / Р.А. Александров // Российский судья. – 2015. – № 6. – С. 26–30.
- Алексеева Л.Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин, М.С. Строгович; отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1979. – 318 с.
- Алексеев С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 176 с.
- Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Аликперов. – Баку: Элм, 1992. – 176 с.
- Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / О.И. Андреева; под ред. М. К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 138 с.

- Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук / О. И. Андреева. – Томск, 2007. – 440 с.
- Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия / Т.В. Апарова. – М. : Норма, 2006. – 176 с.
- Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии : основы предупреждения и разрешения / О.Я. Баев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 132 с.
- Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения: монография / О.Я. Баев. – М.: Инфра, 2013. – 208 с.
- Баршев С.И. О необходимых гарантиях уголовного суда / С.И. Баршев.– СПб. : Рус. вест., 1859. – 439 с.
- Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 257 с.
- Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Барабаш. – Красноярск, 2006. – 526 с.
- Барабаш А.С. Метод российского уголовного процесса / А.С. Барабаш, А.А. Брестер. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. – 218 с.
- Бахновский А.В. «Сделка с правосудием»: Особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Бахновский. – Краснодар, 2008. – 19 с.
- Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие / А.Р. Белкин. – М. : Норма, 1999. – 429 с.
- Бентам И. О судеустройстве : по фр. изданию Дюмона / И. Бентам. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1860. – 225 с.
- Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама: в 3 т. / И. Бентам. – СПб.: Рус. кн. торговля, 1867. – Т. 1: Введение в основания нравственности и законодательства. – 678 с.
- Бентам И. О судебных доказательствах. Трактат по изданию Дюмона / И. Бентам; пер. с фр. И. Гороновича. – Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876. – 423 с.
- Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Норма. – 226 с.

- Бернам У. Правовая система США / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
- Бернам У. Суд присяжных / У. Бернам. – М.: Норма, 1995. – 426 с.
- Боботов С.В. Правосудие во Франции / С.В. Боботов. – М.: Юрид. лит., 1994. – 176 с.
- Боботов С.В. Буржуазная юстиция / С.В. Боботов. – М.: Норма, 2006. – 223 с.
- Бородин С.В. Уголовный процесс некоторых развитых зарубежных стран // Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. – М., 2003. – С. 67–58.
- Бойков А.Д. Третья власть в России / А.Д. Бойков. – М.: Юрлитинформ, 1997. – 126 с.
- Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ / А.Д. Бойков. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 280 с.
- Божьев В.П. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств: учеб. пособие / В.П. Божьев, А.И. Лубенский. – М.: Акад. МВД СССР, 1981. – 152 с.
- Булатов Б.Б. Уголовный процесс зарубежных стран: лекция / Б.Б. Булатов, В.В. Николук. – Омск: Омск. юрид. инст-т МВД России, 1999. – 52 с.
- Бутов В.Н. Уголовное судопроизводство Австрийской республики : опыт и проблемы организации и деятельности / В.Н. Бутов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1999. – 296 с.
- Валентей С.Д. Развитие общества в теории социальных альтернатив / С.Д. Валентей, Л.И. Нестеров. – М.: Наука, 2003. – 197 с.
- Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
- Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – М.: Тип.Карцева, 1912. – 417 с.
- Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О.В. Волколуп. – СПб.: Юрид.центр Пресс, 2003. – 267 с.
- Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: регион. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2003. – С. 17–22.

- Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной политики // Стратегии уголовного судопроизводства: сб. материалов науч. конф. (к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого). – М., 2008. – С. 67–73.
- Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: гарантии справедливости // Уголовная юстиция: связь времен: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2010. – С. 69–73.
- Воскобитова Л.А. Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве // LEX RUSSICA. – 2005. – № 1. – С. 97–117.
- Воскобитова Л.А. Легитимность судебной власти и критерии ее оценки // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М., 2009. – С. 36–41.
- Воскобитова Л.А. Некоторые особенности расследования при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: уяснение смыслов // LEX RUSSICA. – 2010. – № 3. – С. 448–464.
- Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 246 с.
- Гаврилов Б.Я. Обеспечение конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве / Б.Я. Гаврилов. – М.: Мир, 2004. – 642 с.
- Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России / Н. Гартунг. – СПб., 1868. – 134 с.
- Глухов Д.В. Совершенствование института особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Глухов. – СПб., 2012. – 25 с.
- Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения // Собр. исследований / С.К. Гогель. – СПб., 1906. – VI, 646 с.
- Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Головизнин. – М., 2012. – 249 с.
- Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Головинский. – Владимир, 2011. – 28 с.
- Головки Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 61–68.
- Головки Л.В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 89.

- Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
- Головко Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51–61.
- Головко Л.В. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии // Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – М., 2002. – Гл. 2. – С. 44–164.
- Головко Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головко. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 130 с.
- Головко Л.В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти П. А. Лупинской: сб. науч. тр. – М., 2011. – С. 48–58.
- Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М.: Норма, 1998. – 528 с.
- Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – М.: Зерцало-М, 2002. – 528 с.
- Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 456 с.
- Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 152 с.
- Давлетов А.А. Рискованное сотрудничество // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 15. – С. 15–19.
- Давыдов П.М. Принципы советского уголовного процесса / П.М. Давыдов. – Свердловск: Мин-во высш. образ. СССР; Свердл. юрид. ин-т им. А. Я. Вышинского, 1957. – 51 с.
- Даневский В. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / В. Даневский. – СПб., 1895. – 114 с.
- Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.В. Деришев. – Омск, 2005. – 51с.

- Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса : вопросы теории и практики / Т.Н. Добровольская. – М. : Юрид. лит., 1971. – 199 с.
- Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М.: Юрист, 2000. – 272 с.
- Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук / Н.П. Дубовик. – М., 2004. – 174 с.
- Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Дудина. – Томск, 2015. – 226 с.
- Дьяконова В.В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Дьяконова. – Екатеринбург, 2005. – 224 с.
- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод / Международная защита прав человека (с использованием некоторых международно-правовых механизмов): научно-практическое исследование Центра содействия международной защите / под общ. ред. К. Москаленко. – М., 2001. – 426 с.
- Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1965. – 168 с.
- Загорский Г.И. Судебное доказательство по уголовному делу / Г.И. Загорский. – М.: Юрид. лит., 1985. – 112 с.
- Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства / под общ. ред. В. В. Черникова. – М., 2000. – 352 с.
- Зинатуллин З.З. Уголовный процесс современной России: часть особенная / З.З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2000. – 166 с.
- Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Иванов. – Челябинск, 2013. – 25 с.
- История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов / отв. ред. проф. Н.А. Крашенинникова. – М.: Норма, 2005. – Т. 2: Современная эпоха. – 816 с.
- Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (государственные органы) / Ц.М. Каз. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. – 176 с.

- Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учеб. пособие / К.Б. Калиновский. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2000. – 176 с.
- Калугин А.Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве / А.Г. Калугин, М.В. Монид. – Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2008. – 120 с.
- Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева. – Волгоград, 1988. – 130 с.
- Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе / С.А. Касаткина. – Ставрополь, 2006. – 224 с.
- Касаткина С.А. Признание обвиняемого / С.А. Касаткина. – М.: Проспект, 2010. – 224 с.
- Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография / О.В. Качалова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 204 с.
- Качалова О.В. Ускоренное производство в российской уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / О.В. Качалова. – М., 2016. – 482 с.
- Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство: в 2 ч. / А. Квачевский. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. – Ч. 1. – 372 с.; Ч. 2. – 371 с.
- Келина С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1988. – 168 с.
- Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни. – М., 1949. – 426 с.
- Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.
- Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды: учеб. пособие / Е.А. Киримова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академия права, 2000. – 55 с.
- Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – М.: Изд-во М. и С. Башмаковых, 1916. – 704 с.
- Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Кищенко. – Владивосток, 2010. – 30 с.
- Ковалев Р.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / Р.Р. Ковалев. – М., 2014. – 196 с.

- Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Л.П. Кузнецов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 220 с.
- Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Колесник. – Н. Новгород, 2013. – 34 с.
- Колоколов Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 1. – С. 2–3.
- Колоколов Н.А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. [Электронный ресурс] / Н.А. Колоколов. – М., 2009 – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
- Колоколов Н.А. Особый порядок: осторожно, «подводные камни» // Мировой судья. – 2014. – № 12. – С. 3–6.
- Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. / А.Ф. Кони. – М.: Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – 654 с.
- Конституция Российской Федерации: комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М.: Юрид. лит., 1994. – 624 с.
- Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания / П.В. Копнин. – М.: Юрид. лит., 1973. – 197 с.
- Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Е. Кубрикова. – Челябинск, 2014. – 25 с.
- Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Кувалдина. – Самара, 2011. – 25 с.
- Кузнецов К.А. Теория права / К.А. Кузнецов. – Одесса: А.А. Ивасенко, 1918. – Вып. 1. – 100 с.
- Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Минск, 1969. – 186 с.
- Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э.Ф. Куцова. – М.: Юрид. лит., 1973. – 200 с.
- Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1999. – 136 с.

- Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Самара, 2000. – 176 с.
- Лазарева В.А. Вопросы правового регулирования особого порядка // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. ст. – М., 2010. – С. 289–295.
- Лазарева В. А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе РФ // Уголовная юстиция: связь времен: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2010. – С. 168–174.
- Лазарева В.А. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 40–41.
- Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В.М. Лебедев. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.
- Ленский А.В. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России / А.В. Ленский, Ю.К. Якимович. – М.: Юристъ, 1998. – 48 с.
- Локк Д. О государстве / Д. Локк. – М.: Политиздат, 1947. – 224 с.
- Лонь С.Л. Протокольное производство в уголовном процессе / С.Л. Лонь. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 340 с.
- Лошкобанова Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я.В. Лошкобанова. – Краснодар, 2015. – 27 с.
- Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие / П.А. Лупинская. – М.: Юрид. лит., 1966. – 176 с.
- Лупинская П.А. Общие положения о доказательствах и доказывании: уголовный процесс: учебник / П.А. Лупинская. – М., 1995. – 422 с.
- Лурье Э. Государство и личная свобода / Э. Лурье. – М.: Тип. Сытина, 1887. – 86 с.
- Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии / А.И. Макаркин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 265 с.
- Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.С. Манова. – М., 2005. – 51 с.
- Маткина Д.В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Маткина. – Оренбург, 2009. – 26 с.

- Марченко М.Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 528 с.
- Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.
- Махов В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – М. : ЗАО Бизнес-школа Интел-Синтез, 1998. – 208 с.
- Махов В.Н. Уголовное судопроизводство в иных зарубежных странах // Уголовный процесс: учебник для юрид. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Радченко. – М., 2003. – Гл. 10. – С. 173–186.
- Мидор Д.Д. Американские суды / Д. Мидор. – Сент-пол, Миннесота: Уэст паблишинг компани, 1991. – 81 с.
- Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства / Е.Б. Мизулина. – Тарту: Изд-во Тарту. ун-та, 1991. – 147 с.
- Мизулина Е.Б. Технология власти: уголовный процесс / Е.Б. Мизулина. – Ярославль, 1992. – 124 с.
- Минна Р. Мафия против закона / Р. Минна. – М.: Норма, 1988. – 174 с.
- Миттермайер К.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / К.А. Миттермайер. – СПб., 1864. – 246 с.
- Михайловская И.Б. Уголовный процесс США: дис. ... д-ра юрид. наук / И.Б. Михайловская. – М., 1972. – 482 с.
- Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2003. – 144 с.
- Михайловский И.В. К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса // Вестник права. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – Кн. 2–3. – С. 3–39.
- Монид М.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Монид. – Иркутск, 2007. – 226 с.
- Монтескьё Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескьё. – М.: Политиздат, 1955. – 406 с.
- Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса: учеб. пособие / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 1978. – 96 с.
- Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиня-

- емого с предъявленным обвинением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Ю. Мурашкин. – Челябинск, 2014. – 25 с.
- Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия / И.И. Мухин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 184 с.
- Нажимов В.П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В.П. Нажимов. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1977. – 91 с.
- Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2014. – 1055 с.
- Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2004. – 656 с.
- Николайчик В.М. Уголовный процесс США / В.М. Николайчик. – М.: Норма, 2000. – 176 с.
- Николюк В.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / В.В. Николюк, Ю.В. Деришев. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. – 198 с.
- Николюк В.В. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть / В.В. Николюк, В.М. Бозров. – Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – 96 с.
- Николюк В.В. Уголовное судопроизводство и криминалистика: взаимодействие, сближение, отчуждение в условиях реформирования УПК РФ и модернизации научных стандартов // Вестн. Восточ.-Сиб. ин-та МВД России. – 2016. – № 2 (77). – С. 14–23.
- Никулин С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью: учеб. пособие / С. И. Никулин; под ред. Н.И. Загородникова. – М.: Изд-во МВШМ МВД, 1985. – 64 с.
- Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – Т. 3. – 528 с.
- Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристь, 1996. – 472 с.
- Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2000. – 144 с.
- Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М.: Юристь, 2009. – 175 с.

- Основные черты правового государства: пер. с фр. – Ростов н/Д: Электронпечатня А. Теръ Абрамиан, 1905. – 36 с.
- Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве / П.Ф. Пашкевич. – М.: Госюриздат, 1961. – 171 с.
- Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П.Ф. Пашкевич. – М.: Юрид. лит., 1984. – 176 с.
- Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
- Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 2004. – Ч. 1. – 186 с.
- Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Моршакова. – М.: Наука, 1979. – 289 с.
- Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США / М.А. Пешков. – М.: Спарк, 1998. – 103 с.
- Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. – М., 1913. – 214 с.
- Поляков М.Н. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / М.Н. Поляков. – Н. Новгород: Нижегород. правовая академия, 2001. – 196 с.
- Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: Право и жизнь, 1948. – 127 с.
- Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 271 с.
- Полянский Н.Н. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Н.Н. Полянский. – М.: Юрид. лит., 1976. – 176 с.
- Прудников М.Н. История государства, права и судопроизводства зарубежных стран: учеб. пособие / М.Н. Прудников. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 415 с.
- Плясунова А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Плясунова. – Оренбург, 2008. – 24 с.
- Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. – 208 с.

- Пиюк А.В. Соглашение о сотрудничестве: шаг вперед или возвращение в прошлое? // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Томск, 2011. – Ч. 51. – С. 124–129.
- Пиюк А.В. Особый порядок разрешения уголовных дел: проблемы теории и судебной практики // Российский судья. – 2012. – № 9. – С. 12–16.
- Пиюк А.В. «Острые углы» досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Томск, 2013. – Ч. 59. – С. 184–189.
- Пиюк А.В. Совершенствование института особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1 (1). – С. 47–50.
- Пиюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 264 с.
- Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Редькин. – Краснодар, 2007. – 197 с.
- Ременных П.Н. Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Ременных. – Барнаул, 2006. – 25 с.
- Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. – М.: Юрид. лит., 1977. – 198 с.
- Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность / А.Л. Репецкая: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – 491 с.
- Рузавин Г.И. Методология научного исследования : учеб. пособие для вузов / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 317 с.
- Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы: монография / В.А. Рыбаков. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. – 276 с.
- Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 147 с.
- Рязановский В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1996. – 74 с.
- Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации / В.М. Савицкий. – М.: БЕК, 1996. – 320 с.

- Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / ООН. Нью-Йорк. 1972. // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990.
- Сборник Постановлений Пленума ВС РСФСР по уголовным делам: научно-практический комментарий / под общ. ред. В.П. Божьева, В.М. Лебедева. – М., 1994. – 668 с.
- Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. – Томск, 1987. – С. 241–242.
- Свиридов М.К. Некоторые аспекты состязательности российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы правопедения в современный период: сб. ст. / под ред. В.Ф. Воловича. – Томск, 1998. – Ч. 3. – С. 48–50.
- Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. – Томск, 2001. – Вып. 7. – С. 5–6.
- Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. – Томск, 2002. – Ч. 10. – С. 6.
- Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; ред. О.И. Андреева, И.В. Чаднова. – Томск, 2011. – С. 3–8.
- Семенцов В.А. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу / В.А. Семенцов, И.И. Белохортов. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 184 с.
- Семухина О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем / О.Б. Семухина. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 94 с.
- Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук / О.Б. Семухина. – Томск, 2002. – 198 с.

- Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики) / С.В. Сердюков. – М.: Юркнига, 2006. – 128 с.
- Случевский В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1913. – 346 с.
- Сманов К.Д. Процессуальное положение подозреваемого, потерпевшего и обвиняемого в советском уголовном процессе : учеб. пособие / К.Д. Сманов. – Фрунзе: Кирг. гос. ун-т, 1971. – 76 с.
- Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – СПб. : Наука; Альфа, 2000. – 224 с.
- Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.
- Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Смирнов. – М., 2001. – 345 с.
- Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.В. Смирнов; под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.
- Смирнова И.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного преследования: учеб. пособие / И.Г. Смирнова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 68 с.
- Смолин А.Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Смолин. – Н. Новгород, 2005. – 237 с.
- Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств / В.Д. Спасович. – СПб., 1861. – 244 с.
- Стандарты Европейского суда по правам человека и российская правоприменительная практика: сб. аналитич. ст. / под ред. М.Р. Воскобитовой. – М.: Анахарсис, 2005. – 528 с.
- Старченко А. Философия права и принципы правосудия в США / А. Старченко. – М.: Высш. шк., 1969. – 119 с.
- Степаненко Д.А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Электронный ресурс] / Д.А. Степаненко, М.А. Днепрова. – Иркутск, 2011. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/stepanenko_2011/alltext.htm (дата обращения: 06.05.2016).
- Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника / Ю.И. Стецовский. – М.: Юрид. лит., 1982. – 176 с.

- Стифен Д. Уголовное право Англии в кратком очертании / Д. Стифен; рус. пер. В.Д. Спасовича. – СПб., 1865. – 620 с.
- Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России / Н.Г. Стойко. – СПб.: Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2006. – 261 с.
- Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо – американской и романо-германской правовых систем: дис. ... д-ра юрид наук / Н.Г. Стойко. – СПб., 2009. – 354 с.
- Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.: Изд. АН СССР, 1947. – 164 с.
- Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.
- Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 460 с.; 1970. – Т. 2. – 442 с.
- Строгович М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М.С. Строгович, А.М. Ларин, И.Б. Михайловская. – М.: Наука, 1979. – 319 с.
- Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Велби, 2003. – 720 с.
- Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство: в 2 т. / Д.Г. Тальберг. – Киев, 1889. – Т. 1. – 224 с.; 1891. – Т. 2. – 236 с.
- Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2000. – 624 с.
- Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: Норма-Инфра·М, 2000. – 616 с.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид.лит, 1973. – 498 с.
- Ткаченко С.В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции Западного права / С.В. Ткаченко. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2008. – 535 с.
- Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В.Т. Томин. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.
- Томин В.Т. Уголовный процесс. Актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – М.: Юрайт, 2009. – 376 с.
- Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Трубникова. – Томск, 1998. – 264 с.

- Трубникова Т.В. Организация и деятельность мировых судей в России / Т.В. Трубникова, Ю.К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 83 с.
- Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств / Т.В. Трубникова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – 132 с.
- Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк) / А.И. Трусов. – М.: Госюриздат, 1960. – 175 с.
- Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2004. – 800 с.
- Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Юрайт, 2012. – 476 с.
- Уилшир А. Уголовный процесс / А. Уилшир. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 176 с.
- Уолкер Р. Уголовная юстиция США / Р. Уолкер. – М.: Книга по требованию, 2012. – 342 с.
- Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
- Фаткуллин Ф.Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 118 с.
- Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс / пер. Б.А. Филимонов. – М.: Манускрипт, 1994. – 204 с.
- Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 176 с.
- Филимонов Б.А. Уголовный процесс ФРГ / Б.А. Филимонов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 226 с.
- Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.; Т. 2. – 606 с.
- Фоменко А.И. Деятельное раскаяние в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Фоменко. – Ростов н/Д, 2003. – 29 с.
- Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры России (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. ... д-ра юрид. наук / А.Г. Халиулин. – М., 1997. – 261 с.
- Халиулин А.Г. Досудебное производство по уголовным делам нуждается в устранении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 10. – С. 3–8.

- Халиулин А.Г. Прокурор в современном уголовном процессе России // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. ст. – М., 2010. – С. 113–118.
- Халиулин А.Г. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве / А.Г. Халиулин, П.В. Буланова, Ж.К. Конярова // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 98–102.
- Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – 846 с.
- Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: автореф. дис. ... канд юрид. наук / И.А. Чердынцева. – Омск, 2008. – 23 с.
- Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 91 с.
- Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядок уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук / С.С. Цыганенко. – СПб., 2004. – 498 с.
- Шаталов А.С. Принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, проблемы, тенденции, перспективы // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 17–22.
- Шершеневич Г. Общая теория права: в 4 т. / Г. Шершеневич. – М.: Изд. братьев Башмаковых, 1912. – Т. 1: Часть теоретическая. – 805 с.
- Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. – М.: Юрид. лит., 1982. – 224 с.
- Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. – Саратов, 1986. – 226 с.
- Шейфер С.А. Использование непроцессуальных познавательных мер опровержения в доказывании по уголовному делу // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 57–63.
- Шейфер С.А. Проблемы соотношения предварительного и судебного следствия по УПК РФ // Статьи по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы теории и практики уголовного процесса в свете нового УПК РФ», посвященной 125-

- летию Томского государственного университета и 105-летию высшего юридического образования в Сибири. (Томск, 30 января – 1 февраля 2003 г.). – Томск, 2003. – С. 5–6.
- Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 28–37.
- Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2008. – 240 с.
- Щерба С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / С.П. Щерба, А.В. Савкин. – М.: Спарк, 1997. – 110 с.
- Шмарев А.И. Особый порядок судебного разбирательства: (вопросы теории и практики): дис. ... канд юрид.наук / А.И. Шмарев. – Ижевск, 2004. – 206 с.
- Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 143 с.
- Якимович Ю.К. Уголовно-процессуальные производства: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.К. Якимович. – М., 1992. – 369 с.
- Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю.К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 138 с.
- Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова; под ред. М.С. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.
- Якимович Ю.К. Необходимость и содержание дифференциации уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. – Томск, 2001. – Вып. 7. – С. 7–9.
- Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 166 с.
- Якуб М.Л. О понятии уголовно-процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // Известия вузов. Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 85.
- Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 176 с.

- Ясельская В.В. Состязательность в стадии собирания доказательств // Актуальные проблемы правопедения в современный период / под ред. В.Ф. Воловича. – Томск, 1998. – Ч. 3. – С. 62–65.
- Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе / О.Е. Яцишина. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – 168 с.
- Ashworth A. The criminal process. An evaluative study / A. Ashworth. – Oxford, 1994. – 312 p.
- Bernem W. Introduction to the Law and Legal System of the U. S. Part 7: Criminal Procedure / W. Bernem. – West Publisher Corp., 1995. – 356 p.
- Bouzat P. Traite theorique et pratique de droit penal / P. Bouzat. – Paris, 1951. – 1091 p.
- Britt D. The effects of plea bargaining on the disposition of person and property crimes: a research note. Indications of crime and criminal justice: quantative studies / D. Britt, L. Kinley. – Washington: Government printing office, 1980. – 288 p.
- Davis J. Criminal Justice in New York City / J. Davis. – New York, 1990. – 112 p.
- Darbyshire P. English legal system / P. Darbyshire. – London: Sweet&Maxwell, 2007. – 165 p.
- Dohring E. Die Erforschung des Sachverhalts im Process.Beveiserheband und Beweiswürdigung. Ein Lehrbuch / E. Dohring. – Berlin, 1964. – 226 p.
- Douglas W. Maynard inside plea bargaining / W. Douglas. – New York, Plenum, 1984. – 257 p.
- Dubber M. D. American Plea Bargains, German Lay Judges, and the Crisis of Criminal Procedure // Stanford Law Review. – 1997. – № 49. – P. 547–605.
- False Claims Act Legal Center [Electronic resource] // TAF. Taxpayers Against Fraud Education Fund. – Electronic data. – Washington, 2017. – URL: <http://www.taf.org/> (access date: 09.11.2014).
- Federal Criminal Code and Rules. West Group. – St. Paul: Minn, 1997. – 138 p.
- Fisher G. Plea bargaining is triumph: a history of plea bargaining in America / G. Fisher. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. – 397 p.
- Hein S. Landesbericht Italien. Die Beweisaufnahme im Strafverfahrensrecht des Auslands / S. Hein. – Walter Perron ed., 1995. – 112 p.
- Herrmann J. Bargaining Justice – A Bargain for German Criminal Justice? // University of Pittsburgh Law Review. – 1992. – № 53. – P. 755–776.

- Horney J. Plea Bargaining Decision Factors // Improving Management in Criminal Justice. Sage Research Progress in Criminology Series. – 1980. – Vol. 17. – P. 14.
- Grant E. Michigan journal of crime and criminal law / E. Grant. – Michigan, 2007. – 219 p.
- Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection / D. Gambetta. – London: Harvard University Press, 1993. – 226 p.
- Karlan J. Criminal justice introductory cases and materials / J. Karlan, J. Skolnich. – Mineola, 1992. – 112 p.
- Katsh M. Taking sides / M. Katsh. – Amherst: Dushkin. McGraw-Hill, 1988. – 344 p.
- LaFave W. Criminal Procedure and the constitution, leading supreme court cases and introductory text / W. LaFave, J. Israel. – St. Paul : Minn, 1985. – 446 p.
- Langbein J. Torture and Plea Bargaining / J. Langbein // U. Chi. l. rev. – 1978. – № 46. – P. 3–22.
- Lupo S. Storia della mafia dalle origine ai giorni nostril / S. Lupo. – Rome : Donzelli editore, 1993. – 228 p.
- Mather L. Plea Bargaining or Trial? / L. Mather. – Lexington, MA: D. S. Heath, 1979. – 171 p.
- Matthews C. How to try a federal criminal case / C. Matthews. – Buffalo; New York, 1960. – 412 p.
- Pizzi W. The New Italian Code of Criminal Procedure: The Difficulties, of Building an Adversarial Trial System on a Civil Law Foundation / W. Pizzi, L. Marafioti // Yale journal of international law. – 1992. – № 17. – P. 1–26.
- Pradel J. Procedure penale / J. Pradel. – Paris: Cujas, 1997. – 894 p.
- Rodriguez N. El consenso en el proceso penal Espanol / N. Rodriguez. – Madrid, 1997. – 175 p.
- Rhodes W. Plea Bargaining: Who Gains? Who Loses? / W. Rhodes. – Washington : Institute for Law and Social Research, 1978. – 88 p.
- Thaman S. Comparative criminal procedure: a casebook approach / S. Thaman. – 2nd ed. – Durham, N. C.: Carolina Academic Press, 2008. – 296 p.
- Thaman S. World plea bargaining : consensual procedures and the avoidance of the full criminal trial [Electronic resource] / S. Thaman. – Durham, N.C. : Carolina Academic Press, 2010. – 426 p. – The electron-

- ic version of the printing publication. – URL: <http://www.worldcat.org/title/world-plea-bargaining-consensual-procedures-and-the-avoidance-of-the-full-criminal-trial/oclc/608687313> (access date: 19.09.2015).
- The Federal Rules of Criminal Procedure [Electronic resource] // United States Courts. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: <http://www.uscourts.gov/uscourts/rules/criminal-procedure.pdf> (access date: 30.01.2016).
- Veber R. Criminal Procedure in Germany [Electronic resource] / R. Veber. – The electronic version of the printing publication. – URL: <http://icpo.at.tut.by/crimpru.html> (access date: 11.01.2014).
- Yant M. Presumed Guilty: When Innocent People Are Wrongly Convicted / M. Yant. – New York, 1993. – 446 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СВИРИДОВ Михаил Константинович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации.

ПИЮК Алексей Валерьевич – доктор юридических наук, председатель Мегионского городского суда ХМАО-Югры.

Научное издание

**Михаил Константинович СВИРИДОВ
Алексей Валерьевич ПИЮК**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УПРОЩЕНИЯ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Редактор Н.А. Афансьева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 11.01.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 21,7. Усл. печ. л. 20,2. Тираж 500 экз. Заказ № 3403.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-778-1

9 785946 217781